

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования

«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

САРКИСОВ Эмиль Эдуардович

**Современный англо-испанский лингва франка (*Spanglish*)
в государствах испанидад и США: интерференциальный
аспект**

10.02.19 – теория языка

Диссертация
на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор С.Г. Николаев

Ростов-на-Дону – 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ИНТЕНСИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ КАК ФАКТОР ВОЗНИКНОВЕНИЯ ИДИОМОВ ТИПА АНГЛО-ИСПАНСКОГО ЛИНГВА ФРАНКА И СФЕРЫ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ.....	15
1.1 Межъязыковая интерференция как объект исследования контактной лингвистики: современное состояние вопроса.....	16
1.2 Многоуровневая специфика «классического» лингва франка (на примере англо-испанского варианта идиома).....	23
1.3 Роль и значение языковой нормы в формировании и становлении «классического» лингва франка.....	28
1.4 Сферы функционирования <i>Spanglish</i> в государствах американского континента.....	38
Выводы к Главе 1.....	47
ГЛАВА 2. БИЛИНГВАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ КАК МАТРИЦА ДЛЯ АНАЛИЗА МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В <i>SPANGLISH</i>	50
2.1 Коммуникация на лингва франка: дискурсивные характеристики явления.....	51
2.2 Современный билингвизм в государствах испанидад и США: интерференциальные признаки явления.....	62
2.3 Интерференция в речи и интерференция в языке: методологический аспект исследования.....	71
2.4 Интерференциальный дифференциальный признак и типология сфер функционирования <i>Spanglish</i>	80
2.5 Объем и глубина интерференции как сущностные критерии билингвизации дискурса.....	90
Выводы к Главе 2.....	102
ГЛАВА 3. ИНТЕРФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА РАЗНОВИДНОСТЕЙ <i>SPANGLISH</i> В ЗАВИСИМОСТИ ОТ СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫХ СФЕР.....	106
3.1 Интерференциальная специфика <i>lingua educatio</i>	107
3.2 Интерференциальная специфика <i>lingua cotidianus</i>	117
3.3 Интерференциальная специфика <i>lingua ars</i>	128
3.3.1 <i>Spanglish</i> : театральное искусство.....	135

3.3.2 <i>Spanglish</i> : киноискусство.....	141
3.3.3 <i>Spanglish</i> : песенное искусство.....	150
3.4 Интерференциальная специфика <i>lingua fictio</i>	154
3.4.1 Элизабет Асеведо. Роман <i>The Poet X</i> : оригинальный художественный текст автора-билингва.....	156
3.4.2 Ариэль Дорфман. Роман <i>Konfidenz</i> : текст испано-английского автоперевода.....	160
3.4.3 Карлос Руис Сафон. Роман <i>La sombra del viento</i> : текст перевода (перевод Лусии Грейвз).....	166
Выводы к Главе 3.....	170
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	173
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	177

ВВЕДЕНИЕ

Степень разработанности избранной проблематики определена вниманием ученых, в первую очередь теоретиков языка, к нескольким взаимосвязанным вопросам теории языковых контактов. Сегодня одной из наиболее значимых и насущных в области контактной лингвистики выступает проблема вариантности – отхода от общепринятого стандарта с результирующим возникновением новых идиомов, прежде всего современного английского языка как лингва франка (*ELF*) [Seidlhofer 2001; Kachru 2006; Вишневская 2016; Nan 2019; Николаев 2019 и др.]. Уточняющее прилагательное «современный» здесь фигурирует постольку, поскольку английский и раннее (начало XVIII – первая половина XX вв.) использовался как лингва франка; однако радикальное развитие билингвизма в конце прошлого – начале нынешнего веков [Вишневская 2008; Ansaldo 2008] и экспансионная роль государств англосаксонского мира в процессах глобализации и коммерциализации правомерно выделяют *ELF* на фоне близких идиомов-предшественников. Будучи обусловленной различного рода факторами [Labov 1994, 2001, 2010], названная вариантность с самого возникновения парадигмы теории языковых контактов рассматривается с неизбежным учетом межъязыковой интерференции как в языке, так и в речи [Вайнрайх 1972, 1979; Martinet 1980]. А это, вероятно, выдвигает лингвистический фактор на первое место в формировании и становлении различных лингва франка. Среди таковых в последнее время особым исследовательским вниманием с точки зрения взаимоотношений составляющих его языков пользуется англо-испанский вариант лингва франка – *Spanglish* [Savans 2003; Bayley 2004; Betti 2008; Damak 2018 и др.], а также его разновидности, сформировавшиеся в условиях определенной социально-коммуникативной сферы [Bennett 2014; Cogo 2015; Mauranen 2016; Бородина 2018 и др.].

С учетом наличия непосредственной связи между социальным и коммуникативным аспектами упомянутых сфер языковую вариантность следует рассматривать как проблему социально обусловленную, зависящую от ком-

муникативных целей, которые определяют речевое поведение социума [Мележик 2018]. Так, Л. Лоухиала-Салминен, М. Чарльз, Э. Канкаанранта [Louhiala-Salminen 2005] и Р. Лйосланд [Ljosland 2011] предлагают выделять такие варианты идиома, как *lingua corporativa* (лингва франка в корпоративной деятельности) и *lingua academica* (лингва франка в образовании). При этом следует отметить, что сегодня *Spanglish* настолько глубоко проник в коммуникацию англо-испанских билингвов и иных вовлеченных в нее участников (по соотношению языков как билингвов, так и монолингвов), что конвергенция языков и, как следствие, межъязыковая интерференция позволяют говорить о возникновении других вариантов, обслуживающих иные социально-коммуникативные сферы. К примеру, исследователи выделяют вариант, используемый в сфере делового общения [Bargiela-Chiappini 2012; Cogo 2015; Brindha 2017]. Кроме того, коммуникация на *Spanglish* уже давно и широко используется в бытовой сфере, что также отражено в трудах ученых [Martinez 2010; Casielles 2017; Reagan 2019 и др.].

Актуальность настоящего исследования обусловлена потребностью в более глубоком и всестороннем изучении межъязыковой интерференции с учетом возникновения и формирования таких относительно новых идиомов, как *Spanglish*. Такая потребность диктуется модификацией межъязыковой интерференции в ныне существующей коммуникативной конфигурации если не по сути, то по форме воплощения как результат процессов коммерциализации и глобализации. В этой связи необходимо отметить, что в современных условиях массового билингвизма в государствах испанидад и США и с учетом всех его интерференциальных признаков устоявшийся коммуникативный код в своей стандартной формации уже не служит неким инструментом, делающим речь «понятной всем» и тем самым эффективной, как это принято рассматривать согласно соссюрской доктрине [Соссюр 1999: 26-27]; а функция речи как консолидатора языка перестает быть столь очевидной. Более того: с методологической точки зрения данный принцип в определенной

степени допустимо считать устаревшим. Поэтому в настоящем исследовании приоритетное значение приобретает именно анализ интерференции в речи.

Актуальность также прослеживается в том, что явление интерференции играет первостепенную роль как критерий для выделения доменов коммуникации, поскольку обслуживающие их варианты *Spanglish* обладают уникальной для каждой из них спецификой как раз вследствие интерференциального взаимовлияния английского и испанского на всех уровнях языковой системы. Логично предположить, что чем больше данных специфик наблюдается в *Spanglish*, тем большую актуальность приобретает научная рефлексия относительно появления качественно нового языкового образования: ведь стандартный вариант языка как наиболее яркое проявление доминирования нормы, по мнению Дж. Ричардса [Richards 2010: 398], также является вариантом, используемым для определенной ситуации и с учетом цели общения в рамках данной группы или сообщества. Иными словами, вытеснение существующего стандартного варианта английского языка новыми языковыми образованиями, наблюдаемое в расширяющемся числе доменов коммуникации (со «своими» ситуациями и целями общения), дезинтегрирует и вытесняет консолидировавшуюся на определенном этапе норму. В дальнейшей перспективе это обстоятельство приобретает релевантность с той точки зрения, что вследствие названных процессов могут образовываться новые языковые системы [Мещанинов 1960: 12-28; Росетти 1972: 112-119]. По мнению А. Ардилы, уже сейчас *Spanglish* можно называть англизированным диалектом испанского языка [Ardila 2005], что при рассмотрении языкового генезиса указывает на положительную тенденцию в динамике формирования нового коммуникативного кода [Savans 2003; Franco 2007; на примере романских языков см. об этом: Алисова 2007].

Объектом исследования выступает дискурсивное поле, в границах которого проявляется коммуникативное взаимодействие англо-испанских билингвов как непосредственно между собой, так и с другими билингвами и монолингвами в устной и письменной формах речевого выражения. При этом

акцент намеренно смещен в сторону устной формы ввиду ее большей независимости от субъективно-волевого контроля со стороны коммуникантов, что позволяет достоверно проследить межъязыковую интерференцию как принципиально естественный механизм и, как закономерное следствие, обоснованно рассматривать перспективы трансформаций в языке.

Предмет исследования – сложные интерференциальные процессы, протекающие в ходе контактов двух языков, английского и испанского, под влиянием новых и новейших доминирующих в государствах испанидад и США этнолингвистических и социокультурных условий и проявляющиеся в наиболее востребованных билингвами социально-коммуникативных сферах с использованием *Spanglish*. Метами названных процессов являются интерференемы – минимальные единицы измерения степени проявления интерференциальных процессов [Хашимов 2003: 88] трех базовых уровней языковой системы: фонологического, лексико-семантического и грамматического, а также интерференемы концептуального уровня, представляющие собой уже закрепленные в языке-источнике интерференции знания о действительности. При этом одним из основных критериев отбора указанных сфер являлась степень стремления к норме со стороны участвующих в коммуникации сторон.

Отбор *эмпирического материала* произведен с опорой на диастратический и диафазический селекционные принципы (в зависимости от социально-коммуникативной сферы и ситуации общения) из печатных текстовых источников (13), а также из Интернета, включая аудио- (8: 2 ч. 23 мин. 48 сек.) и видеозаписи (10 ч. 46 мин. 35 сек.) с участием носителей англо-испанского билингвизма. Двумя важнейшими критериальными характеристиками материала выступают: а) с позиций формально-содержательной стороны выражения – его интерференциальная специфика, позволяющая провести исследование в плоскости, предусмотренной его генеральной целью; б) с позиций трансформации одного из двух национальных языков – его относительная

новизна: в своем абсолютном большинстве речевые манифестации возникли (были созданы и опубликованы) в период между 2000 и 2021 гг.

Эмпирический корпус включает выборки на английском и на испанском языках. В качестве приоритетного источника рассматривались электронные ресурсы (всего около 50), поскольку цифровизация служит сегодня одним из мощнейших триггеров конвергенции языков, основанной на «накоплении» межъязыковой интерференции, и, как следствие, стимулом к генезису – возникновению, становлению, развитию – идиомов типа *Spanglish*. Также активно привлекались данные лексикографических источников, причем особое внимание было уделено неспециализированным словарям, фиксирующим разговорную лексику, и тем словарным статьям, где описываются недавно возникшие, еще не окончательно закрепившиеся в языковой системе единицы. Отнесенность дискурсов к конкретным доменам коммуникации (всего 4), обслуживающим области науки и образования, быденной жизни, искусства и художественной литературы, определяется в ракурсе избранной проблематики: в данном случае речь идет о материале, в котором разноуровневые единицы двух языковых систем, английской и испанской, продуктивно взаимодействуют и взаимопроникают, образуя *Spanglish*.

Гипотеза исследования: интерференциальный фактор следует рассматривать в одном ряду с иными (о подобных факторах – лингвистических, социальных, когнитивных и культурных – см. в трудах У. Лабова [Labov 1994; 2001; 2010]), обуславливающими возникновение и развитие идиомов типа *Spanglish*. При этом интерференция как движущая сила внутриязыковых изменений проявляется исключительно специфически в каждом из доменов и, соответственно, в вариантах, их обслуживающих.

Цель исследования, будучи предопределенной его актуальностью, заключается в выявлении интерференциальных специфик определенных, выделенных на основе критерия стремления к норме, диафазических вариантов *Spanglish*.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд обусловленных актуальностью исследования **задач**:

- выявить и номинировать основные домены и соответствующие им варианты *Spanglish* на основе заявленного критерия стремления к норме;
- провести анализ дискурсивных практик с использованием *Spanglish* для последующей разработки моделей и классификации характеризующих их интерферем;
- обозначить основные интерферемы в выделенных доменах идиома *Spanglish* на системном и концептуальном уровнях;
- определить контрастивную картину интерференциальной специфики заявленных вариантов *Spanglish*.

В качестве основного метода решения поставленных задач задействован системный анализ, частными проявлениями которого выступают комбинация приемов анализа речевых ошибок [McDowell 2020], концептуального анализа [Lakoff 1980: 4], контрастивного анализа [Bussmann 2004: 250]. Анализ речевых ошибок применяется для выявления интерферем системного уровня, концептуальный анализ – когнитивного, в то время как контрастивный анализ позволяет установить сам факт отклонения от нормы при сравнении стандартного варианта языка с производным от него идиомом.

Методологию настоящего диссертационного исследования составили такие универсальные принципы общефилософского обобщения, как системность, восхождение от абстрактного знания к конкретному знанию (и опыту), единство языка – мышления – сознания, также формы и содержания, причины и следствия.

Общенаучная методология диссертационной работы опирается на основополагающий принцип антропоцентризма, детерминирующий сознание субъекта речи как определяющую языковую деятельность, а также неотъемлемую взаимозависимость речевого явления от психолого-прагматических факторов, порождающих данное явление. Принцип системности обеспечива-

ет такой подход к изучению феномена многоязычия, в соответствии с которым любой язык-идиом рассматривается как система, обнаруживающая свою целостность и многогранность на всех без исключения объективно выделяемых уровнях.

Частнонаучную основу диссертации составляют фундаментальные идеи и концепции отечественных и зарубежных лингвистов в области:

- контактной лингвистики ([Haugen 1953; Вайнрайх 1979; Martinet 1980; Labov, 1994, 2001, 2010; Seidelhofer 2004; Щерба 2004; Розенцвейг 1972; Дешериев 1973; Хашимов 2003; Багироков 2004; Николаев 2004; Николаев 2005] и др.);
- когнитивной лингвистики [[Lakoff 1980; Labov 2010; Adi-Japha 2010; Апресян 1993; Лихачев 1993; Бабушкин 2003; Полякова 2010; Байрамова 2011] и др.);
- коммуникативистики [Bach 1979; Arias 2005; Louhiala-Salminen 2005; Pennycook 2007; Jenkins 2011; Ключев 2013; Мележик 2014] и др.);
- социолингвистики ([Fishman 1972; Labov 2001; Kachru 2006; Grosjean 2012, 2013; Derrick 2015; Ильяшенко 1970; Кирилина 2011] и др.);
- лингвопрагматики ([Bach 1979; Newmark 1981; Mahootia 2006; Мустайоки 2011; Еленевская 2020] и др.).

В работе использовались следующие традиционные в современной лингвистике **методы исследования**:

- ✓ дефиниционный анализ современных концепций, связанных с теорией языковых контактов; теорией билингвальной коммуникации; теорией формирования новых идиомов;
- ✓ метод сплошной выборки;
- ✓ сопоставительный анализ художественных устных и письменных текстов на двух языках – английском и испанском;
- ✓ индуктивный метод;

- ✓ контекстологический анализ структуры разговорной речи, а также текни художественных произведений – романов, фильмов, песенной лирики;
- ✓ описательный метод с приемами наблюдения, классификации, интерпретации и систематики языковых фактов;
- ✓ метод количественной обработки данных.

На защиту выносятся следующие положения.

1. В качестве основного лингвистического фактора «классического» статуса *Spanglish* как средства коммуникации в современных государствах испаннадад и США следует рассматривать интерференционную картину данного идиома. При последовательной динамике развития эта картина неизбежно приводит к возникновению и закреплению в языке-объекте интерференции новых норм, которые в конечном счете складываются в систему.
2. Интерференционная картина *Spanglish* поддается типологической систематизации, что допускает возможность всестороннего и многоаспектного исследования идиома. Варианты *Spanglish* обнаруживают такие специфики, которые не только соотносимы с определенными разновидностями билингвизма (сбалансированный, искусственный, массовый и т.д.), но и коррелируют со степенью проникновения референтной стороны знака системы языка-источника интерференции в систему языка-объекта интерференции. Это подтверждается устойчивым присутствием интерференциального элемента (денотативного и/или референтного) в случае отклонений от нормы на разных языковых уровнях или при переключении кодов.
3. Существуют варианты *Spanglish*, специфики которых указывают на (относительно) большую или меньшую степень стремления к норме со стороны коммуникантов. Любая интерферема потенциально способна результировать в норму; соответственно, типология специфик разных вариантов свидетельствует о неравномерной трансформации *Spanglish* в количественном и качественном отношении на уровне субкодов.

4. Изменения определенных вариантов *Spanglish* способствуют наибольшей трансформации языка в связи с тем, что эти изменения довольно часто реализуются в устной монологической речи, но также в форме диалога (случаи *lingua academica* и *lingua cotidianus*). Иные варианты, напротив, не предполагают активации всех видов речевой деятельности (*lingua ars* и *lingua fictio*), как и полноценной интеракции коммуникантов.
5. В сложившихся условиях глобализации и коммерциализации интерференционная картина *Spanglish* демонстрирует значительные отличия от той, которая была присуща гибридным идиомам-предшественникам. В этой связи логично утверждать о тенденции формирования, прежде всего, нового лингвистического образования, которое в дальней перспективе может кристаллизироваться в один из стандартных вариантов языка как средства общения в определенных доменах. Данную тенденцию подкрепляют кодифицированные в существующем варианте американского английского интерферемы.

Научная новизна исследования определена несколькими пунктами.

- Реализована общая актуализация понятия межъязыковой интерференции;
- на базе «живого» языкового материала впервые был проведен всесторонний сравнительно-сопоставительный анализ интерференциальных процессов на различных языковых уровнях;
- разработаны оригинальные (авторские) классификации явления межъязыковой интерференции;
- дополняются, номинируются и развиваются существующие типологии вариантов *Spanglish* и определяются их интерференциальные специфики;
- предложен концептуальный подход к рассмотрению межъязыковой интерференции.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что задействованная в нем методологическая база может быть применена при анализе

других ситуаций билингвальной коммуникации в условиях контактов дальнородственных языков. Кроме того, для исследования характерна обращенность к комплексному рассмотрению проблематики, релевантной для теории языка в целом: к проблемам языковой вариантности, обновленной роли языка и речи в формировании и становлении идиомов типа *Spanglish*, возникновении новых языков. Полученные результаты расширяют теоретизацию таких феноменов контактной лингвистики, как интерференция, билингвизм, лингва франка и в целом способствуют развитию представлений о языковых контактах. Поскольку перечисленные феномены являются предметом междисциплинарных изысканий, предложенные в работе идеи могут служить дополнением для интерпретации уже существующих теоретических наработок.

Практическая значимость исследования заключается в том, что задействованный комплекс методик и приемов позволяет применять полученные результаты при изучении как общетеоретических дисциплин («Введение в языкознание», «Общее и сравнительное языкознание», «Контактная лингвистика», «Стилистика английского языка» и др.), так и специальных лингвистических курсов («Межкультурная коммуникация», «Кросскультурная прагматика», «Практика английского языка как иностранного»), особенно в свете стремительного роста дидактического потенциала ELF (*English as lingua franca*), наблюдаемого в мире в последние десятилетия. При этом полученные выводы могут использоваться для рекомендаций составителям учебных материалов, текстов, что может способствовать оздоровлению лингвокультурного пространства эпохи глобализации.

Помещая полученные результаты в междисциплинарный контекст, следует подчеркнуть, что сегодня моделирование мыслительных операций является одним из основных направлений развития искусственного интеллекта, а настоящие условия глобального билингвизма предлагают новые возможности для познания сложного механизма функционирования речи как знаковой системы, – следовательно, для решения проблем мышления и сознания. Углубленное изучение межъязыковой интерференции, в основе которой ле-

жит ассоциативный механизм, формирует иной взгляд на феномен лингвокреативности (далее – ЛК), что способствует получению новых знаний для моделирования и выстраивания творческого процесса в искусственной форме.

Апробация основных положений и результатов исследования заключается в представлении докладов на научных конференциях и семинарах, в их числе международных научно-практических конференциях: «Мир. Человек. Язык» (16.04.2019-17.04.2019), г. Донецк, Донецкий национальный университет), «Информационные технологии в образовании: психология, педагогика, дефектология» (30.03.2021) Ростов-на-Дону, Донской государственный технический университет), «Экологические парадигмы устойчивого развития: политическое, экономическое и технологическое измерение биосферных проблем» (30.08.2021-31.08.2021), Санкт-Петербург, Институт цифровой экономики и права). По результатам исследования было опубликовано 8 статей, 3 из которых в журналах перечня ВАК и 2 в изданиях, индексируемых наукометрической базой данных *Scopus*.

Объем и структура диссертации: работа включает 193 страницы; диссертация состоит из Введения, трех исследовательских Глав, Заключения, библиографического списка.

ГЛАВА 1. ИНТЕНСИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ КАК ФАКТОР ВОЗНИКНОВЕНИЯ ИДИОМОВ ТИПА АНГЛО-ИСПАНСКОГО ЛИНГВА ФРАНКА И СФЕРЫ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ

Массовый характер билингвальных практик в XXI веке вызван активизацией процессов глобализации и коммерциализации [Вишневская 2016; Николаев, 2019]. По данным ряда исследователей, билингвов в настоящее время в мире больше, чем монолингвов [Ansaldo 2008]; уже само по себе данное обстоятельство требует особого внимания потому, что билингвизм всегда находился в центре проблематики языковых контактов: именно в результате существования двух или более языков в индивидуальном и общественном сознании осуществляется та или иная форма влияния одного языка на другой. Иными словами, билингвизм выступает и в качестве важнейшего условия осуществления языкового контакта [Трещева 2007], и как неизбежный их результат [Crystal 2003: 362]. Таким образом, интенсификация процессов глобализации и коммерциализации неизбежно приводит к всеобщей (т.е., по сути дела, глобальной) взаимной конвергенции языков вне зависимости от их происхождения, генезиса, современного состояния и т.д.

В действительности глобализация настолько глубоко интегрирована в жизнь современного человека, что многие понятия, служащие для описания различных явлений социального и гуманитарного порядка, стали рассматриваться в сочетании с уточняющим прилагательным «глобальный». В их число входят не только уже упомянутые понятия билингвизма и языковой конвергенции, но близкие к ним в парадигме теории языковых контактов понятие межъязыковой интерференции, а также понятие (феномен) лингва франка

В свете сказанного нам представляется целесообразным рассмотреть явление интенсификации языковых контактов в современном мире эпохи глобализации, вызывающей – вследствие усиления межъязыковой интерференции – «вариативность языковых единиц на фонетическом, лексическом, семантическом, морфологическом, синтаксическом, стилистическом и дискурсивном уровнях и оказывая влияние на структуру, словарь и функциони-

рование одного языка или ряда языков» [Вишневская 2016: 4]. Очевидно, что современные технологии коммуникации создают некоторые пробелы в теории языковых контактов при ее применении для описания сложившейся языковой ситуации. В частности, логично предположить, что более детальное изучение современного лингва франка позволит обнаружить специфику его интерференционной картины в сравнении с доглобализационной эпохой. Данное обстоятельство делает неизбежной необходимость несколько по-иному взглянуть на роль и значение нормы в становлении подобных идиомов, а стремление говорящих к норме в отдельных социально-коммуникативных сферах, наиболее подвергнутых влиянию «процессов интернационализации» [Вишневская 2016, там же], позволит выделить их для более глубокого анализа.

Те же социально-коммуникативные сферы, в которых стремление к норме не столь велико, также представляют интерес, однако уже с другой точки зрения: интерференциальное влияние в них настолько очевидно и существенно, что в дальней перспективе возможно появление качественно новых, совершенно отличных языковых образований.

1.1 Межъязыковая интерференция как объект исследования контактной лингвистики: современное состояние вопроса

Понятие межъязыковой интерференции возникло в рамках такого междисциплинарного направления в языкознании, как контактная лингвистика. Взаимное влияние контактирующих языков заметно на всех уровнях их систем: фонологическом, лексико-семантическом и грамматическом. Сегодня примеры языковых контактов можно наблюдать во множестве государствах всех континентов, а наиболее ярко и заметно они проявляются в России, США, Канаде, Индии и др.

Близость понятий межъязыковой интерференции и языковых контактов отражена и в определениях различных ученых. Первыми изысканиями в области контактной лингвистики стали фундаментальные труды Бодуэна де

Куртенэ и Л.В. Щербы. Л.В. Щерба рассматривал языковые контакты как процесс, который включает в себе создание единой ассоциативной системы и отождествлении понятийных признаков при сохранении денотативных различий; ход данного процесса диктуется различными конфигурациями условий билингвизма [Щерба 2004: 60-74]. Таким образом, в основе языковых контактов лежит конвергенция языков и интерференция, которую можно определить как «влияние одной языковой системы на другую при обоюдном приспособлении языка *A* и языка *B*, которое ведет к ошибкам с точки зрения норм обоих контактирующих языков [Bussmann 2004: 58]. (Здесь и далее перевод с английского наш. – Э.С.).

У. Вайнрайх предлагает различать интерференцию в речи и в языке. Для лучшего понимания данной разницы он приводит следующее фигуральное сравнение: «В речи интерференция подобна песку, уносимому течением, в языке же ее можно сравнить с тем же песком, осевшим на дно озера» [Вайнрайх 1979: 36]. Таким образом, интерференция в речи – это процесс психической природы, а интерференция в языке – социолингвистический.

У. Вайнрайх выделяет язык *S* – источник интерференции (*interference source*) и язык *C* – объект интерференции (*interference target [cible]*), описывая механизм интерференции следующим образом: «Знаки языка *C* или элементы его систем выражения или содержания благодаря субстанциальному или частичному формальному сходству отождествляются со знаками или элементами языка *S*. Затем двуязычный носитель подвергает таким образом отождествленные элементы дальнейшему действию норм языка *S*, которые могут в значительной мере расходиться с нормами языка *C*» [Вайнрайх 1972: 30]. Язык *S* и язык *C*, очевидно, меняются функциями в данном механизме, поскольку при интерференции речь всегда идет о различной степени взаимовлияния языковых систем. Вновь обращаясь к дефиниции языковых контактов Л.В. Щербы, добавим, что в основе возникновения интерференции лежит отличие норм языка-источника интерференции и языка-объекта интерференции.

Динамика интерференции обусловлена частотой и интенсивностью языковых контактов, а потому здесь следует остановиться на рассмотрении данного явления.

Представления о языковых контактах, приведенные в дефиниции Л.В. Щербы, видятся более глубокими в сравнении с последующими идеями, согласно которым языковые контакты иногда рассматриваются как эквивалент двуязычия. Так, по У. Вайнрайху, языковой контакт – это поочередное применение в коммуникации двух или более языков [Вайнрайх 1979: 22]. Любопытно, что и по сей день в теории языковых контактов нет ясности в формулировках понятий и их номинаций, и одной из причин этого является сложная природа явления языковых контактов.

Согласно точке зрения В.Ю. Розенцвейга, языковые контакты – «речевое общение между двумя языковыми коллективами» [Розенцвейг 1972: 3]. Эта лаконичная дефиниция как никакая другая раскрывает содержание понятия языковых контактов.

Рассуждая о типологии билингвизма, Л.В. Щерба подчеркивает влияние условий (в том числе и экстралингвистических), в которых протекают языковые контакты. Именно эти условия детерминируют направленность развития языков [Щерба 2004: 24]. Л.В. Щерба в целом характеризует билингвизм как один из ключевых элементов для понимания языковых контактов. Ученый видит в билингвизме «способность тех или иных групп населения объясняться на двух языках. Так как язык является функцией социальных группировок, то быть билингвом – значит принадлежать одновременно к двум таким различным группировкам» [Щерба 2004: 313].

Далее существенный вклад в развитие контактной лингвистики внесли исследования У. Вайнрайха, наиболее значимым из которых является *Languages In Contact* (1953). У. Вайнрайх, пожалуй, дал наиболее точное определение понятию билингвизма: «Практику попеременного пользования двумя языками мы будем называть двуязычием, а лиц ее осуществляющих двуязычными» [Вайнрайх 1979: 22]. Как пишет С.Г. Николаев, «В данной

формулировке имеется указание на число языков в речи индивида (два); в ней есть отчетливое определение того, как эти языки могут использоваться (попеременно)» [Николаев 2013: 90].

Итак, рассмотрев существующие определения понятия билингвизма, здесь видится необходимым остановиться на его типологии. При этом сразу следует пояснить, что неверно отождествлять билингвизм и мультилингвизм, поскольку (1) словообразование двух терминов само за себя свидетельствует об их разнице и (2) билингвизм, будучи наиболее распространенным исходом языковых контактов, должен находиться в центре научных изысканий [Николаев 2013: 87].

По времени овладения вторым языком выделяют:		
<ul style="list-style-type: none"> • симультанный (ранний) билингвизм – это результат одновременного овладения первым и вторым языками и преимущественно в 3-летнем возрасте. Данный тип билингвизма также номинируют ранним билингвизмом [Matsumoto 2009: 85]. 	<ul style="list-style-type: none"> • последовательный (поздний) билингвизм), напротив, предполагает овладение первым и вторым языками в различные возрастные периоды [Matsumoto 2009: 85; Bussmann 2006: 130]. 	
По числу билингов		
<ul style="list-style-type: none"> • Индивидуальный билингвизм - способность индивида актуализировать в языковом сознании первый и второй языки. 	<ul style="list-style-type: none"> • Групповой билингвизм возникает в процессе контактов разноязычных лиц, в результате чего образуются билингвальные коллективы [Панькин – Интернет]. 	<ul style="list-style-type: none"> • Массовый (социальный) билингвизм возникает в результате длительных контактов разноязычных коллективов [Панькин – Интернет; Михальченко 2006: 113], что приводит к преобладанию числа билингов в данных коллективах.
По способу приобретения языковой компетенции		
<ul style="list-style-type: none"> • Естественный («истый», согласно терминологии Л.В. Щербы [Щерба 2004: 40]) билингвизм возникает в результате усвоения второго языка в средебилингвальной коммуникации (семья или иная малая социальная группа) в ранний возрастной период. Естественный билингвизм предполагает автоматическое переключение кодов [Жеребило 2010: 103; Михальченко 2006: 67]. 	<ul style="list-style-type: none"> • Искусственный («смешанный», согласно терминологии Л.В. Щербы [Щерба 2004: 41]) билингвизм возникает в результате целенаправленного изучения второго языка в монолингвальной или в билингвальной среде в более поздние возрастные периоды, при этом сам билингв только sporadически обращается к дискурсивным практикам на втором языке для коммуникации с его носителями [Михальченко 2006: 85]. 	

Некоторые исследователи [Михальченко 2006: 220; Панькин – Интернет; Bussmann 2006: 130] выделяют такие разновидности, как координативный и субординативный билингвизм. Данную номинацию считаем не вполне актуальной, поскольку сама по себе далекая от идеального разграничения содержания природа языкового сознания как психического процесса указывает на несостоятельность подобного представления о психофизиологии языка. Иными словами, любая типология билингвизма предполагает субординативное сосуществование языков, и любой билингвизм является в определенной степени «смешанным».

Итак, есть понятия, которые схожи по существенным признакам, а номинирующие эти понятия термины вносят неясность в их дифференциацию. Помимо уже рассмотренной оппозиции «координативный («чистый») – субординативный («смешанный») билингвизм», которую будет логичным исключить из общей типологии, также предлагаем использовать термин «естественный билингвизм» вместо термина «симультанный билингвизм», а термин «искусственный билингвизм» вместо термина «последовательный билингвизм».

За последние десятилетия исследования в области контактной лингвистики и прочих, относящихся к языковым контактам, научных сфер, получили новый импульс. Очевидно, что за возросшим интересом ученых стоит определенная закономерность, ведь сегодня языковые контакты уже не являются сугубо теоретической проблемой, решение которой ограничивается, как это было раньше, лишь сравнительно-историческими исследованиями; ныне это вопрос общественной значимости, представляющий собой часть политики государства в целом. Процессы глобализации, такие как экономическая интеграция государств, развитие космополитизма и коммерциализация, тотальное вовлечение индивида в онлайн-коммуникацию, изменения на геополитической карте мира и новые условия для конвергенции и взаимовлияния национальных языков предлагают междисциплинарно взглянуть на процесс получения нового знания о компонентах парадигмы теории языко-

вых контактов. Возникая в условиях языковых контактов, межъязыковая интерференция также не могла остаться прежней и изменилась если не по сути, то по форме воплощения.

Естественный билингвизм привлекает наибольшее внимание исследователей различных научных сфер, поскольку именно при данном типе билингвизма чаще всего актуализируется механизм автоматического переключения кодов, который способствует возникновению новых языковых образований.

И здесь следует говорить о языковых образованиях постольку, поскольку это и не стандартный вариант, и не язык в традиционном понимании. В науке уже введен термин «идиом» для обозначения подобных образований.

В качестве одного из таких идиомов можно рассматривать любой лингва франка, дискурсивные практики на котором осуществляются обычно в устной форме выражения языка, при этом его функция заключается в фасилитации коммуникации в тех ситуациях, в которых первый язык коммуникантов разный [Bussmann 2004: 687]. Для дальнейшего хода исследования необходимо добавить, что лингва франка применяется наряду с другими идиомами ареала «в ограниченных сферах социальных контактов» [Жеребило 2011: 112].

Приводя пример коммуникации на лингва франка, можно обратиться к коммуникативной ситуации на занятии по иностранному языку, на котором лингва франка часто используется как инструмент для более упрощенного и быстрого способа преподнесения материала. Лингва франка может выступать и как первый язык для отдельных участников общения [Centro Virtual Cervantes – Интернет].

Поскольку основной объем коммуникации на лингва франка происходит в устной форме выражения языка, его система подвержена перманентной трансформации, которая обусловлена интерференцией, при этом языком-источником интерференции, как правило, является первый язык (хотя логично допускать и влияние второго языка на первый). С точки зрения формиро-

вания нормы, а, следовательно, и стандартного варианта языка на основе лингва франка, то исследования таких идиомов представляют как теоретическую, так и практическую ценность: по мере роста потребности в лингва франка со стороны общества, растет и число вопросов относительно сущности и природы подобных идиомов.

Как уже было отмечено, примеров языковых контактов множество, однако именно сегодня они приобрели массовый характер и проникли практически во все социально-коммуникативные сферы. В условиях языковых контактов развился современный кастельяно-каталанский билингвизм в Испании или французско-фламандский в Бельгии. Однако в приведенных примерах язык-объект интерференции и язык-источник интерференции всегда являются близкородственными. Контрастирующей на этом фоне является билингвальная ситуация в Парагвае, где оба языка билингвизма генетически значительно отличаются друг от друга. Речь идет о используемом в Парагвае идиоме «джопара» ‘винегрет’, возникшем и развивающемся в условиях контактов испанского языка и гуарани – кодифицированного языка коренного населения региона. На джопара, который, напротив, не является кодифицированным и употребляется исключительно в устной форме выражения языка, высказывание «sí, shamiga» содержит приставку «sh», которая используется в гуарани в качестве притяжательного местоимения первого лица, а в данном сочетании придает основе «amiga» ‘подруга’ оттенок раздражения.

Итак, рассмотрев понятие межъязыковой интерференции, а также его место среди компонентов теории языковых контактов, приходим к выводам:

- Языковые контакты являются обязательной предпосылкой для развития межъязыковой интерференции.
- Динамика и форма воплощения межъязыковой интерференции предопределена степенью интенсивности протекания языковых контактов.
- Некоторые разновидности межъязыковой интерференции, особенно те, для которых характерна высокая степень интенсивно-

сти и которые приводят к формированию новых идиом, возникают в условиях естественного билингвизма.

— Сегодня знания, добытые такими учеными, как У. Вайнрайх, А. Мартине, В.Ю. Розенцвейг и др., и заложившие основу контактной лингвистики, требуют актуализации в связи с изменением условий и специфики протекания языковых контактов, которые способствовали развитию современных лингва франка.

При изучении основных понятий теории языковых контактов становится очевидным, что многие вопросы остаются проблемными. В частности, вопрос о существовании смешанных языков или о том, насколько интенсивной должна быть интерференция для того, чтобы мы могли говорить о появлении нового языка. Кроме того, есть определенная неясность в терминологическом аппарате некоторых явлений языковых контактов. Мы полагаем, что данная теория открывает большие возможности для исследований практического толка, и ее более детальный анализ способствует более точным данным последующих изысканий.

1.2 Многоуровневая специфика «классического» лингва франка (на примере англо-испанского варианта идиома)

В лингвистике межъязыковой интерференцией называется влияние норм языка-источника интерференции на нормы языка-объекта интерференции, вследствие чего в языке-объекте интерференции происходят разноуровневые отклонения от нормы [Bussmann 2006; Михальченко 2006 и др.]. Исходя из утверждения о несуществовании координативного билингвизма, аргументированном в предыдущем разделе, необходимо добавить, что интерференция имеет место всегда, однако динамика отклонений от норм варьируется в зависимости от интенсивности и условий языковых контактов. Причем в речи языком-источником интерференции выступает тот, которому отдается предпочтение в определенной социально-коммуникативной сфере. В динамике, отражающей интенсивность интерференции, отклонения от нормы че-

редуются минимальными и максимальными показателями, что образуют определенную интерференционную картину. Частотность и продолжительность отклонения от нормы – а высокие показатели данных параметров как раз свойственны «классическому», лингва франка, определяют степень устойчивости интерференционной картины.

Уточняющее прилагательное «классический» выделяет лингва франка на фоне других подобных, поскольку в качестве полноценного лингва франка может быть задействован любой национальный язык, применяемый в ситуации билингвизма, и сегодня существует много таких примеров: испанский, французский, русский и др. [Мустайоки 2011; Павленко 2016 и др.]. «Классический» лингва франка с лингвистической точки зрения обладает иной интерференциальной спецификой, а с социолингвистической его выделение обусловлено более глубоким и масштабным охватом коммуникативной системы социума, и в настоящее время таким языком в условиях глобального билингвизма является лингва франка.

Формирование определенной интерференционной картины в языковом сознании индивида по единым для билингвального общества законам представляет интерес с позиции перестройки системы языка в целом и его полной трансформации.

Взаимодействие языковых систем является одним из двух основных источников интерференции, ведь без контакта не будет и воздействия одной языковой системы на другую.

Другим основным фактором возникновения интерференции является расхождение норм языка-источника и языка-объекта интерференции.

Принятое в современной лингвистике толкование термина «лингва франка» основывается на понятии смешанного языка, возникшего вследствие интенсификации языковых контактов, процесса, который продолжается и в наши дни. Развитие цифровых технологий, ставшее предпосылкой для позитивных изменений в остальных сферах деятельности человека, позволяет говорить о геометрической прогрессии в том, что касается интенсификации

межъязыковых контактов в XXI веке. В системном отношении современные примеры лингва франка не отличаются от своего предшественника эпохи средневековья, так как речь уже идет об идиоме, значительно отличающемся от стандартного варианта единицами фонетического, лексико-семантического и грамматического уровней системы. Что же касается социолингвистической стороны, то здесь, безусловно, есть существенная разница, поскольку прежний лингва франка был исключительно языком торговли, а настоящий проник или проникает практически во все сферы деятельности человека.

Итак, общими интерференциальными характеристиками «классического» лингва франка является устойчивая интерференционная картина, формирующаяся вследствие конвергенции языков и интенсификации языковых контактов. Данные процессы ведут к появлению новых норм, присущих исключительно лингва франка и контрастирующих с нормой стандартизированного языка. В этой связи следует обратиться к понятию языковой нормы.

Н.Н. Семенюк рассматривает языковую норму как «совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закреплённых в процессе общественной коммуникации» [Семенюк 1998: 337-338]. В.Ю. Михальченко видит в языковой норме «совокупность правил выбора и употребления элементов языка, действующих на различных уровнях языка», добавляя, что только «нормированный, стабильный язык может обслуживать такие сферы деятельности, как наука, техника, литература, образование, культура и т.д.» [Михальченко 2006: 263]. Однако последнее утверждение небесспорно, ведь «классический» лингва франка нашего времени говорит об обратном.

Как отмечалось выше, интерференция распространяется на все уровни языковой системы, но эксплицитно проявляется на фонологическом уровне речи.

Фонологическая интерференция – это процесс и результат взаимодействия фонетических систем в условиях двуязычия, выражающаяся в про-

износительном акценте. Исследователи выделяют четыре разновидности подобной интерференции: 1) недодифференциация фонем; 2) сверхдифференциация фонем; 3) реинтерпретация фонемных различий; г) субституция звуков [Михальченко 2006: 82-83] Рассматривая подобную интерференцию на примере английского как лингва франка (АЛФ, ср. с принятой аббревиатурой ELF – *English as a lingua franca*), который употребляют говорящие-носители различных вариантов испанского языка, можно назвать отсутствием оппозиции «долгий-краткий гласный» ([fa.ðəʔ] вместо [fa:.ðəʔ]).

Лексико-семантическая интерференция – это процесс и результат взаимодействия лексико-семантических систем в условиях билингвизма. Предпосылкой лексико-семантической интерференции является различие семантических структур слов, что приводит к переносу норм языка источника-интерференции на язык-объект интерференции. В речи лексико-семантическая интерференция проявляется в нарушении сочетаемости лексем, их субституции, буквальном переводе, парафразии. Как на системном, так и на речевом уровне данный тип интерференции проявляется в заимствованиях и различного рода калькировании [Михальченко 2006: 82-83].

Н.С. Арапова предлагает различать следующие разновидности калькирования:

- **словообразовательные кальки:** поморфемный перевод лексико-семантической единицы языка источника-интерференции, например, англ. *goalkeeper* → исп. *guardameta* ‘вратарь’;
- **семантические кальки:** заимствование перенесенного значения лексико-семантической единицы языка-источника интерференции, например, англ. *carpet* ‘ковер’ → исп. *carpeta* (изначально ‘папка’);
- **фразеологические кальки:** пословный перевод лексико-семантических единиц языка-источника интерференции, например, англ. *roundtrip* → исп. *viaje redondo*;
- **ложные кальки** возникают как следствие ошибочного понимания лексико-семантических единиц структуры языка-источника интерферен-

ции, например: англ. *actually* ‘в действительности’ → исп. *actualmente* ‘в настоящее время’ [Арапова 1998: 211].

Рассмотрим следующие примеры лексико-фразеологической интерференции, взятые из устной речи носителей испанского языка, вторым языком которых является английский: В данном примере можно наблюдать буквальный пословный перевод: *he had a cardiac stop* вместо нормативного варианта *he had a cardiac arrest*.

Грамматическая интерференция – это процесс и результат взаимодействия грамматических систем в условиях двуязычия, выражающаяся в отклонении от нормы в языке-объекте интерференции вследствие отсутствия в нем данных грамматических категорий (косвенная интерференция) или непосредственного переноса норм родного языка (прямая интерференция). Кроме того, к грамматической интерференции мы также относим нарушения синтаксической нормы под воздействием синтаксиса родного языка. Грамматическая интерференция проявляется в смешении значений падежей, функций предлогов; нарушении порядка слов, отсутствии согласования в роде, числе и падеже и т.п. [Михальченко 2006: 83]. Например, для носителя испанского языка необязательна инверсии при переводе предложения из прямой в косвенную речь, и, как следствие, происходит отклонение от нормы в следующем высказывании: *He asked where was the post office?*

Таким образом, рассмотрев понятия лингва франка и межъязыковой интерференции, а также специфику интерференциальных уровней и влияния родного языка на язык, выполняющий функцию лингва франка, приходим к следующим заключениям. Источником интерференции, с одной стороны, является сближение взаимодействующих языков, а с другой – расхождение норм этих языков. Лингва франка, будучи смешанным языком, характеризуется устойчивой интерференционной картиной вследствие нахождения говорящих на нем индивидов в постоянном контакте с языками, которые его образуют. В настоящее время характеристикам «классического» лингва франка соответствует английский язык. Все языковые уровни лингва франка под-

вержены влиянию межъязыковой интерференции, при этом наиболее пронизаемым в этом плане является фонологический уровень. При массовом двуязычии устойчивая интерференционная картина индивида воздействует на языковую систему в целом, а ее признаки могут стать частью языковой подсистемы. Одним из результатов подобного процесса может стать появление нового идиома.

Лингва франка – малоизученное языковое образование, однако состояние современной межкультурной коммуникации требует более тщательного его изучения, поскольку речь идет о языке науки, экономики и политики, сферах, в значительной мере определяющих благосостояние общества в глобализирующемся мире. Интерференциальные характеристики лингва франка указывают на то, что его система нестабильна, и более глубокие исследования «классического» варианта данного идиома позволят определить перспективы возникновения отдельного универсального языка межнационального и межкультурного общения и разработать эффективные методологические стратегии, в частности, в педагогических целях.

1.3 Роль и значение языковой нормы в формировании и становлении «классического» лингва франка

При рассмотрении языковых феноменов в аспекте диахронии становится очевидным, что языковая норма изменчива, и динамику этих изменений определяют условия, в которых норма возникает и развивается. Наибольшее влияние на этот процесс оказывает общество и те условия, в которых общество развивается. К этому следует добавить, что, помимо диахронического, любое языковое образование существует в *диатопическом*, *диастратическом* и *диафазном* измерениях. Диатопическое измерение – это тот аспект пространства существования нормы, который характеризуется употреблением разновидности языка относительно ограниченным числом говорящих, объединенных территориальной общностью. Под диастратическим измерением нормы понимается аспект пространства ее существования, определяе-

мый применением разновидности языка, который служит средством общения в относительно ограниченных речевых коллективах, и связанных тесной социальной группой (профессиональной, иерархической, национальной и т.д.). Диафазное измерение нормы является тем набором признаков пространства существования языка, который характеризует его разновидность, используемую в различных коммуникативных ситуациях, в основном это регистр общения. Наконец, в силу того, что норма изменяется с течением времени, три описанных измерения дополняет равноправное диахроническое или временное измерение, создавая, таким образом, единый языковой континуум. Подобная модель континуума существования языковой нормы обязана постоянным и стабильным языковым контактам между говорящими, которые употребляют данную норму в процессе коммуникации. Отсюда первая, коммуникативная классификация языковой нормы. Основа приведенной классификации – коммуникативный параметр – отражена в определении Дж. Ричардса, который понимает под нормой вариант языка, «считающийся уместным на письме и в речи для определенной ситуации и цели общения в рамках определенной группы или сообщества» [Richards 2010: 398].

В предложенной дефиниции речь идет о коммуникативной составляющей нормы, противопоставляемой структурной составляющей, ибо языковое образование может считаться нормированным только в том случае, если оно соответствует структуре языка. Структурная классификация языковой нормы основана на делении системы языка на уровни, отсюда и следующие разновидности нормы: фонологическая, лексико-семантическая, грамматическая. Безусловно, коммуникативная и структурная разновидности нормы взаимосвязаны, они образуют единое целое, хотя кодифицированная норма не всегда соотносится с коммуникативной, поскольку кодифицированный язык есть отражение всего богатства языка в целом, и дифференциация в данном случае необходима лишь для анализа и углубленного понимания сущности явления. Другими словами, не каждая коммуникативная норма может сосуществовать в речи со структурной, и наоборот. Подобный дуализм языковой

нормы отражает ее собственно лингвистическую и социально-историческую природу.

Что касается механизма функционирования нормы в дискурсе, то в каждом языковом сообществе используется данная социально-коммуникативная система, существующая во всех своих коммуникативных измерениях. Под системой подразумевается набор кодов и субкодов, пребывающих в отношениях взаимного функционального дополнения и связанных с коммуникативными измерениями. Подобные отношения означают, что коды и субкоды наделены собственными функциями, которые не пересекаются с функциями иных кодов и субкодов (Крысин 2000: с.61). С учетом сказанного можно утверждать, что коды и субкоды пользователей любого «живого» идиома (каким, несомненно, выступает и лингва франка) функционально дополняют друг друга и формируют систему, обслуживающую все сферы его применения, соотносимые с различными областями деятельности человека. При этом далеко не в каждой сфере применения лингва франка участники коммуникации в одинаковой степени способны к соблюдению нормы или стремятся к этому.

Кроме этого, как следствие, а также в результате межъязыковой интерференции, коды и субкоды пересекаются, что приводит как к структурным, так и коммуникативным отклонениям от нормы. Так, в английской речи носителей английского языка можно обнаружить, например, употребление неформальных средств выражения приветствия в формальных ситуациях, обращение к такому порядку слов при построении предложения, который характерен только, как минимум, для данного диалектического измерения существования употребляемого идиома, и т.п.

Уже упомянув термин «лингва франка», следует отметить, что в конце XX и начале XXI вв. по причине роста глобализации и коммодификации, процессов, отразившихся в том числе и на языке как инструменте обслуживания различных сфер межнациональных отношений, – значительно пересматривается содержание ключевых понятий наук гуманитарного цикла и

наблюдается ввод в научный обиход новых терминов. Естественно, последние используют для наименования новых понятий, однако и уже существовавшие ранее понятия вбирают в себя новые признаки. Лингва франка – одно из них. Данным идиомом в качестве языка торговли пользовались еще в эпоху средневековья, и тогда же в европейских языках появилась его номинация. Однако лингвистический термин «лингва франка» начал свое существование лишь во второй половине XX века.

В похожих условиях оказалось и понятие стандартного варианта языка. Изначально считалось, что данная разновидность обладает наивысшим статусом в языковом социуме, так как его основу формируют нормы речевой деятельности образованных носителей – интеллигенции. В этом случае речь идет именно о кодифицированном языке, существующем как в устной, так и в письменной формах выражения, и который обычно:

- используется в СМИ и художественной литературе;
- описывается в словарях и грамматиках;
- преподается в школах, также неносителям языка, изучающим его как иностранный.

Таким образом, норма кодифицирована, эта кодификация направлена на динамические языковые процессы и подвергается постоянному контролю и пересмотру. Однако кодификация лингва франка затруднена именно в силу его нестабильности. «Иными словами, норма «кристаллизуется» быстрее и легче в письменном дискурсе. Но, поскольку коммуникативным воплощением лингва франка в подавляющем большинстве случаев выступает дискурс устный, это затрудняет формирование стандартов и «считывание» возможных норм [Николаев 2019: 78].

Все перечисленные реализации нормированного языка содержат в себе признак стремления к норме, так как изначально норма в языковом сознании любого индивида отсутствует, а сам он лишь стремится установить и достичь ее. Следует отметить, что данное стремление отражает природу человека в целом: для достижения чего-либо в первую очередь необходимо поставить

перед собой цель. В случае с языковой нормой цель мотивирована прежде всего желанием обозначить, что значит овладеть языком и, собственно, владеть им.

Есть, однако, и другое обстоятельство, которое вносит неопределенность для говорящего на лингва франка относительно того, к какой норме нужно стремиться. Так, нормообеспечивающие, или эдонормативные, варианты, реализуемые, например, в государствах англосаксонского мира, исторически диктуют модели, которым следуют пользователи английского языка в различных его вариантах. При этом, если британский и американский английский традиционно считаются образцовыми для изучающих английский как первый и как второй язык, то прочие стандарты, например, австралийский и новозеландский английский, престижны только в пределах своих ареалов.

Нормированный английский во всех своих вариантах представляет собой единый языковой континуум, в котором существуют как носители (также в определенных ситуациях становящиеся участниками дискурса на лингва франка), так и говорящие на нем как на втором, и последние не всегда способны провести границу между разноуровневыми единицами многочисленных вариантов английского языка.

Брадж Качру – отчасти в этой связи – предлагает концепцию *World Englishes*, согласно которой английский как лингва франка людей, не являющихся его носителями и принадлежащих к различным лингвокультурным сообществам, более не выступает нормированным фонетически, грамматически и лексически английским языком Великобритании или США, а, вместе с последним, представляет собой некую совокупность «английских языков мира» [Kachru 2006].

Дж. Дженкинс, специалист в области европейского английского как лингва франка, вовсе отстаивает его статус как полноценного варианта английского языка со своей спецификой. Исследователь видит в отклонениях от нормы стандартных вариантов языка маркеры данных вариантов [Jenkins

2009]. С такой позицией сложно согласиться, поскольку, во-первых, английский как лингва франка отличается по сути от любого стандартного варианта языка, а во-вторых, у него иная природа отклонения от нормы.

Итак, динамика изменений языковой нормы обусловлена влиянием как «сверху», так и «снизу» (терминология У. Лабова – *from above* и *from below* соответственно), поскольку, с одной стороны, норме так или иначе следуют те, кто ее устанавливает с силу своего социального статуса, а с другой стороны здесь имеет место влияние на норму вследствие «ошибок» тех, кто к ней стремится. Изменения языковой системы «сверху» У. Лабов называет «импортом языковых норм» – *importation of norms* [Labov 2010: 185].

Применительно к любому современному лингва франка, который является одной из форм существования языка/языков и его/их функциональной разновидностью, следует отметить, что такой идиом также обладает нормой, однако динамика изменения его, в особенности диахронической нормы, значительно активнее, нежели у устоявшегося национального языка. Важным признаком лингва франка является то обстоятельство, что в силу интерференциальных характеристик импорт норм осуществляется, скорее, на межъязыковом уровне, нежели на внутриязыковом. Кроме того, в случае лингва франка нет единого института, устанавливающего норму для всех участников коммуникации, что уменьшает влияние «сверху» и, следовательно, вносит неопределенность в то, к чему следует стремиться для овладения языком в традиционном понимании этого феномена. Языковая норма «классического» лингва франка, таким образом, в значительной степени зависит от условий осуществления речевой деятельности и не выступает некой величиной, сохраняющейся при различных преобразованиях. Подобное положение в свою очередь лишь создает еще более благоприятные условия для усиления межъязыковой интерференции и способствует привнесению в язык случайного, частного, поскольку в отличие от стандартного варианта языка, постоянно изменяющиеся нормы лингва франка лишены регулярности воспроизведения в процессе коммуникации.

Лингва франка в силу своей природы сам для себя строит отличную типологию, поскольку образуется в процессе смешения двух или более языков, а потому есть разница между речью на англо-испанском и, например, и англо-русском лингва франка, поскольку каждый из них относится к своему диатопическому нормированному измерению.

В свою очередь разновидности лингва франка образуются не только при смешении двух национальных языков, но и при их взаимодействии. Так, из общей совокупности англо-испанских лингва франка, именуемых *Spanglish*, можно выделять: 1) *Mexican Spanglish*, или *Chicano English* (смесь американского английского и мексиканского испанского); 2) *Puerto Rican Spanglish* (смесь американского английского и пуэрто-риканского испанского); 3) *Cuban Spanglish* (смесь американского английского и кубинского испанского). В литературе также можно встретить такие термины, как *Latino* и *Hispanic Spanglish*, которые употребляются для обозначения других разновидностей *Spanglish* [Саñas 201].

Далее термин *Spanglish* будет использоваться нами как эквивалент сложной номинации «англо-испанский (как) лингва франка», поскольку: 1) коммуникативные ситуации применения любого другого лингва франка сходны с коммуникативными ситуациями применения *Spanglish* (первый язык говорящих не является для них общим; при этом разумно исходить из того, что при любом виде двуязычия, в том числе и естественном, в сознании билингва один из языков занимает доминантную позицию: говорящие мотивируют переключение кодов тем, что так им «удобнее» выразить собственную мысль); 2) для определенной части участников коммуникации один из языков может быть первым; 3) *Spanglish* – некодифицированный идиом. Кроме того, по динамике отклонения от нормы *Spanglish* обладает идентичной любому другому «классическому» лингва франка интерференционной картиной.

Интерференциальную специфику *Spanglish* можно было бы назвать нормативной, если бы процесс интерференции не был постоянным, однако в

современном мире интерференциальное взаимовлияние языков и импорт норм не останавливаются, что не позволяет говорить об устоявшейся норме.

Межъязыковой импорт норм проявляется лишь тогда, когда навыки и умения употребления языковых единиц противопоставляются друг другу по признаку устойчивости. Иными словами, для снижения межъязыкового импорта норм необходимо выработать устойчивость упомянутых умений и навыков, что приведет к их дифференциации, а неустойчивые умения и навыки приводят к нарушению норм языка, в который осуществляется импорт норм. В случае любого лингва франка устойчивость, какой бы она ни была, неизбежно ослабляется под воздействием языка-источника интерференции как результат соприкосновения двух нормированных систем в сознании билингва, в особенности, как уже было отмечено, при отсутствии кодифицированных практик.

В процессе выработки языковой нормы стандартного варианта «снизу» могут быть выделены следующие фазы развития языковой вариативности: 1) возникновение новых дискурсивных/коммуникативных моделей и структурных ресурсов для их реализации; 2) территориальное и социальное распространение этих моделей; 3) «сглаживание» вариативности [Nevalainen 2008: 4]. Последний пункт снова реализуется за счет закрепления и консолидации нормы – важной предпосылки с точки зрения формирования и становления языка, и в этом процессе ключевую роль играет выработка устойчивости нормированных умений и навыков применения единиц различных уровней системы и подсистем. И это – еще один фактор, позволяющий утверждать о ключевой функции нормы в формировании лингва франка, так как у говорящих на лингва франка нет четко определенного эталона для осуществления дискурса, фактически, любой разновидности, ведь даже в регулярных контекстах международной коммуникации говорящий на лингва франка постоянно сталкивается с многочисленными стандартами английского языка, а речь неносителей изобилует элементами наложения норм их первых языков.

Другим важным фактором возникновения межъязыкового импорта норм является расхождение самих норм языка-источника и языка-объекта интерференции.

Несмотря на относительно долгое функционирование феномена английского языка как лингва франка, первые попытки его структурно-научного осмысления приходятся на самое начало XXI века. В статье, опубликованной в 2001 г., рассматривающей проблематику ELT (*English Language Teaching* – обучение английскому), австрийский профессор Барбара Зайдлхофер делает следующее заявление: «Английский как лингва франка сегодня – самая распространенная в мире разновидность английского языка <...>. А то, что является целью (процесса преподавания), по-прежнему определяется исключительным диктатом языковых норм носителей». В результате ученый приходит к выводу, что существует «концептуальный пробел», который возможно устранить, «только поставив ELF в центр интересов дескриптивных исследований наряду с английским как родным языком» [Seidhofer 2001: 135].

Солидная и наиболее важная часть концептуального пробела в исследовании лингва франка относится к проблеме связи английского как лингва франка с общезыковой нормой, категорией сложной культурно-исторической природы. Само понятие лингва франка в качестве одного из основных своих признаков предполагает отход от языковой нормы, расхождение с ней, но не полный отказ и не упразднение ее. Следовательно, лингва франка находится с нормой в качественно отличных отношениях, которые можно охарактеризовать как отношения «органического, системного антагонизма. Собственно, лингва франка и существует благодаря последовательному развитию двух взаимообусловленных тенденций: стремлению от стандартов, предписанных национально-языковой нормой (что достаточно успешно обеспечивается разноуровневыми межъязыковыми интерференциальными процессами), и стремлению к новой норме, которая – именно в случае с

лингва франка – выступает неким ускользающим, а потому недостижимым идеалом» [Николаев 2019: 78].

Говоря об отступлении от нормы, следует добавить, что язык, будучи инструментом выражения сознания, проявляется на всех его уровнях, и влияние «снизу» характеризуется наименьшей степенью осознанности. И здесь можно обнаружить еще одну оппозицию с нормой «сверху», поскольку норма «сверху» сознательно фокусируется и культивируется обществом. Одна из главных бытовых функций отклонения от языковой нормы, зачастую являющихся неосознаваемыми маркерами самоидентификации, – это дифференциация «свой-чужой» в пределах всех измерений существования языковой группы. Таким образом, в международном дискурсе пользователи лингва франка, не следуя установленной норме, снимают трудности в процессе коммуникации.

Таким образом, описанный механизм функционирования языковой нормы в «классическом» лингва франка позволяет говорить о ее специфике в данном идиоме. Специфика выражается, прежде всего, в стремлении говорящих на лингва франка достичь нормы, однако по причине отсутствия единого института влияния «сверху», который обеспечивает в большинстве других идиомов распространение престижных языковых образцов и кодификацию, осуществление данного процесса представляется невозможным. В итоге получается, что только сами коммуникативные измерения существования лингва франка детерминируют структурную норму различных уровней системы. Говорящие на лингва франка не способны выработать устойчивость существующих норм в силу интерференциальных особенностей данного идиома. Кроме того, поскольку говорящие на лингва франка и носители одного из языков, его формирующих, выступают частью единого языкового континуума, допустимо утверждать, что понятие стандартного языка, как и понятие лингва франка, претерпевает в нынешних условиях глобализации (а также ее всевозможных последствий – таких, как интенсификация межкультурных и языковых контактов) определенные преобразования в форму, которая в отда-

ленной перспективе может превратить «классический» лингва франка в полноценный язык.

Представляется целесообразным исследование тех сфер «классического» лингва франка, в которых говорящие стремятся к соблюдению языковой нормы, так как подобное стремление свидетельствует о тенденциях данного идиома к становлению в отдаленной перспективе как стандартного варианта английского языка.

1.4 Сферы функционирования *Spanglish* в государствах американского континента

Под социально-коммуникативной сферой принято понимать сегмент деятельности человека, одним из основных признаков которого являются относительно однотипные условия общения, определяющие структурные и коммуникативные нормы функционирования языка. Социально-коммуникативная сфера функционирования любого языка начинает свое существование с формированием той или иной сферы деятельности человека. Согласно разновидностям деятельности человека, выделяются такие социально-коммуникативные сферы, как образование, наука, культура, СМИ, промышленное производство, религия, коммерция, транспорт, судопроизводство, сфера межличностного общения (бытовое, внутрисемейное, дружеское) и др. [Михальченко 2006: 224].

Не каждая сфера деятельности обладает специфическим набором обслуживающих ее инструментов. Иными словами, социально-коммуникативная сфера – это социолингвистический феномен, который относится как к языковой, так и внеязыковой действительности. Внеязыковой аспект социально-коммуникативной сферы характеризуется наличием у говорящих относительно однородного набора потребностей во взаимодействии, в то время как собственно языковой аспект может предполагать наличие единых средств и норм их сочетания друг с другом для реализации данного взаимодействия.

Что касается современного английского как лингва франка, а также его разновидностей (таких как *Spanglish*), то данный идиом функционирует практически во многих значимых сферах общества эпохи глобализации, вступившей в интенсивную фазу своего развития в последней трети XX в. и продолжающейся по сей день. Таким образом, допустимо утверждать, что и *Spanglish* начал свое существование в это время, хотя, безусловно, и ранее имели место контакты английского и испанского, однако их интенсивность не была столь высокой, как в случае с современным идиомом.

В контексте социально-коммуникативных сфер процесс деления лингва франка на коды и субкоды осуществляется приблизительно таким же образом, как и в случае с национальным языком, хотя здесь есть нюансы, которые будут рассмотрены далее.

Прежде всего, классификация социально-коммуникативных сфер базируется на отличительных признаках социальной интеракции и ее оценки: 1) официальные сферы общения – язык используется в официальных ситуациях; 2) неофициальные сферы общения – язык используется в неофициальных ситуациях; 3) регулируемые (регламентируемые) сферы общения – общение регулируется административным или законодательным путем; 4) нерегулируемые (аморфные) сферы общения – общение не регулируется государством; 5) доминантные сферы общения – использование языка оценивается как особенно значимое для функционального развития того или иного языка [Жеребило 2010: 383-384]. Ту же классификацию можно использовать и в качестве основания для выделения названных сфер и в современном англо-испанском лингва франка.

Сразу же следует оговориться, что ни коммуникативная природа, ни число сфер, в которых используется (потенциально может использоваться) лингва франка, не отличаются параметром определенности. Скорее всего, определение субъязыка, существующего на основе известного национально-го языка (точнее, языков), часто зависит от мнения исследователя. Например, Н.А. Пелевина не видит препятствий к тому, чтобы квалифицировать «сме-

шанные говоры», используемые осужденными в местах лишения свободы и представляющие собой контаминацию арготизмов-заимствований из собственных национальных языков, именно как лингва франка [Пелевина 2020: 129-131].

Мы же при выделении сфер применения лингва франка ориентируемся прежде всего на показатель очевидной распространенности данного идиома в говорящем сообществе, его репрезентативности в исследуемой лингвокультуре, влиянии на коллективное мышление в целом.

Итак, некоторые из перечисленных признаков (официальный регистр) позволяют утверждать, что в определенных сферах употребления *Spanglish* пользователи вынуждены стремиться к соблюдению языковой нормы.

Вследствие отбора языкового инструментария и стабильного следования норме, а также их сочетания образуется более или менее устойчивая практика, которая устанавливает соотношение между определенной сферой деятельности и данным идиомом (национальным языком, идиомом типа современного лингва франка) или одним из его субкодов.

В качестве исторического примера здесь можно обратиться к средневековой Европе, где латынь функционировала в качестве языка, обслуживающего такие сферы деятельности человека, как наука, религия, а возникающие в силу различных социокультурных и исторических факторов ее субкоды (в первую очередь и изначально для обслуживания бытовой сферы общения) затем трансформировались в полноценные национальные языки с собственными подсистемами. При этом уже после окончательного формирования современных романских языков латынь продолжала выполнять упомянутые функции, однако в других социально-коммуникативных сферах и на определенном этапе развития говорящие либо употребляли уже сформировавшиеся первые для себя национальные языки, либо (в случае образованного населения) использовали значительно изменившийся идиом в сравнении с языком архаического и классического периодов [Таривердиева 2008].

За последние шесть десятилетий современный английский как лингва франка еще более укрепил за собой статус упрощенного языка международного общения и сегодня широко применяется при решении различных коммуникативных задач там, где говорящие не могут обойтись лишь знанием первого языка и где складываются условия двуязычия. В настоящее время, как уже отмечалось, существует множество конфигураций современного английского как лингва франка, которые ориентированы на решение широкого спектра коммуникативных задач. Репрезентативным в данном случае является английский как лингва франка в государствах испанидад и США – *Spanglish*. Данный идиом обладает уникальной спецификой, а некоторые авторы и вовсе расценивают определенные варианты существования *Spanglish* как совершенно новое в плане перспективы развития языковое образование [Savans 2003], что не противоречит гипотезе, выдвигавшейся в более ранних исследованиях [Мещанинов 1960]. *Spanglish* часто называют по-разному: язык-гибрид, простое переключение кодов или более сложная комбинация языков, подобная идиому *Chicano English*. В действительности, идиом *Spanglish* вобрал в себя все перечисленные определительные признаки и является уникальным в своем роде лингва франка.

Безусловно, чтобы выделить подобные сферы, нужно руководствоваться определенным набором, помимо упомянутых общих, специальных критериев. К.А. Мележик на основе характера дискурса на лингва франка выделяет две его разновидности: 1) принадлежащий неинституциональным дискурсивным сообществам и используемый в «нерегулярных контекстах международной коммуникации», которые предполагают относительно невысокий уровень знания структурных и коммуникативных норм (в быту, туризме и др) и 2) принадлежащий институциональным дискурсивным сообществам и используемый в «регулярных контекстах международной коммуникации», которые предполагают относительно высокий уровень знания структурных и коммуникативных норм (в науке, образовании и др.) [Мележик 2016: 189]. Разработанная классификация позволяет выделить наиболее значимые сферы

функционирования «классического» лингва франка, при этом еще одним важным критерием должно стать стремление говорящих на английском (англо-испанском) лингва франка к достижению языковой нормы в данной сфере. Помимо этого, данная классификация применима ко всем разновидностям лингва франка, ведь выбор языковых средств здесь обусловлен коммуникативной ситуацией, а не внутриязыковыми факторами.

Массовое стремление к норме в определенной социально-коммуникативной сфере – явление, продиктованное обществом, поскольку некоторые сферы деятельности оказывают воздействие на создание тех коммуникативных технологий, которые соответствуют их требованиям. Иными словами, есть социально-коммуникативные сферы (и их гораздо меньше), в которых процесс коммуникации регулируется «сверху» и в которых пользователи лингва франка стремятся к устанавливаемому порядку употребления структурных и коммуникативных норм, несмотря на межъязыковую интерференцию. Влияние последней, впрочем, лишь сокращается, но всегда сохраняется в силу специфики явления билингвизма.

Стремление к норме приводит к тому, что влияние первого языка становится не столь существенным, поскольку говорящий на лингва франка вырабатывает в себе стабильность в следовании нормы и, следовательно, ее устойчивость. В этой связи важно обозначить и раскрыть относительно новое языкознание понятие «домен» (от англ. *domain* – «область; сфера; зона; территория»), которое до начала XX в. не было известно за пределами узкого круга скандинавских социолингвистов; однако к середине 1990-х гг. СМИ стали выражать обеспокоенность относительно давления, оказываемого английским языком на национальные языки. Согласно Дж. Фишману, термин «домен» обозначает основные сферы контактов двуязычного сообщества, где «одни и те же люди используют два (или более) языка <...> для внутренних коммуникативных целей» [Fishman 1972: 437]. В связи с этим возникла теория домена, согласно которой язык типа «классического» лингва франка, например, английский, как доминирующая сила в современном языковом

пространстве, вытесняет национальные языки в некоторых сферах коммуникации и приводит к потере домена национального языка в данной сфере.

При этом во взаимодействии американского варианта английского и испанского сложно говорить об агрессивном поведении в определенных доменах социальной практики одного из языков по отношению к другому, как об этом в своих наблюдениях Филлипсон [Phillipson 1998: 70]. Обусловлено это прежде всего тем, что в ареале контактов данных языков присутствует практика их использования на бытовом уровне (*lingua cotidianus*), обстоятельство, ведущее к однородному смешению языковых систем. Главной особенностью *Spanglish* на фоне остальных лингва франка можно считать не соперничество английского или испанского за право занять место в определенных социально-коммуникативных сферах, а их тенденция к упомянутому однородному смешению.

Однако, как уже было отмечено, в определенных сферах неизбежен дискурс, относящийся к институциональным дискурсивным сообществам и применяемый в регулярных контекстах международной коммуникации, которые предполагают относительно высокий уровень знания структурных и коммуникативных норм. Д.С. Бородина в своей классификации выделяет две сферы, в которых современный английский как лингва франка приобрел ключевое значение, и вводит два обозначающих их термина – *lingua academica* и *lingua corporativa* [Бородина 2018: 112-135]. При этом видится разумным дополнить данную типологию, поскольку к этому располагает необходимость описания изменений последних десятилетий в лингвистической конъюнктуре государств американского континента. В действительности, подобные сферы универсальны для большинства регионов, в которых функционирует современный английский как лингва франка, так как речь идет о международной коммуникации и систематической реализации идиома.

Lingua educatio. Spanglish в сфере образовании способствует коммуникации между американцами и испаноговорящими представителями США (которые часто живут на две страны), их взаимодействию в школах и универ-

ситетах. Очевидно, что на занятиях и лекциях участники коммуникативной ситуации стремятся приблизиться к нормативному английскому, и в рамках данной ситуации *Spanglish*, а вместе с ним и межъязыковая интерференция, утрачивают свой авторитет. Безусловно, все домены тесно связаны друг с другом, поскольку сферы деятельности человека существуют не изолированно. Отсюда и пересечение секторов науки, образования и бизнеса, и именно данное обстоятельство, среди прочих других, позволяет говорить о значимости и относительной автономности сферы образования. Знание английского позволяет эмигрантам из латиноамериканских стран обрести работу, благополучие и уверенность в завтрашнем дне [<https://docplayer.es/14463965-Ingles-para-la-competitividad-y-la-movilidad-social.html>].

Lingua fictio. Spanglish в сфере художественной литературы также можно рассматривать как домен в языковой ситуации региона. Объем коммуникации на *Spanglish* в данной сфере существенно увеличился за последние десятилетия. Латиноамериканские двуязычные авторы, проживающие в США, ищут новые пути самовыражения и рынки для продажи своих трудов. Только в 2018 более 10 значимых латиноамериканских писателей использовали английский для написания книг, посвященных, как правило, миграции выходцев из стран Латинской Америки, их быта и самоидентичности в новой стране. Среди них можно выделить *The poet X* (Elizabeth Acevedo), *The Neighborhood* (Mario Vargas Llosa), *Next Year in Havana* (Chanel Cleeton), *Fruit of the Drunken Tree* (Ingrid Rojas Contreras), *Islandborn* (Junot Diaz), *Everyone Knows You Go Home* (Natalia Sylvester), *My Family Divided: One Girl's Journey of Home, Loss, and Hope* (Diane Guerrero), *Bruja Born* (Zoraida Córdova). Причем данная тенденция характеризуется односторонней инициативой авторов, во многом по той причине, что поток эмигрантов из США в государства испаноязычного мира несоизмерим с обратным потоком.

Хотя необходимо отметить, что в данной социально-коммуникативной сфере часто наблюдается намеренный отход от нормы или ее игнорирование (по большей части из-за специфики стиля художественного текста) как про-

явление идиостиля или национальной самоидентичности героев, так или иначе связанных с латиноамериканской культурой, которая, в свою очередь, является частью культуры североамериканской. Это неизбежно приводит к распространению новых элементов, позаимствованных из языка-источника интерференции, и влияет на развитие нормативного английского на всех уровнях системы. Так или иначе, одной из главных целей латиноамериканских авторов является привлечение англоязычной аудитории к прочтению своих произведений, следовательно, стремление к нормативному варианту американского английского несопоставимо со стремлением намеренного отступления от норм кодифицированного языка.

Следует отметить, что в целом концепция языка как средства для продвижения товара для его дальнейшей реализации давно развивается как в лингвистике, так и в смежных дисциплинах. В эпоху глобализации коммодификация – процесс превращения предметов и явлений в товар – стала еще более актуальна, а коммодификация языка не заставила себя долго ждать [Heller 2010]. Отсюда и намеренный отход от языковой нормы в произведениях вербального искусства.

Несмотря на это, центральным в вопросе сфер функционирования любой разновидности «классического» лингва франка (в том числе и *Spanglish*) является неосознанный отход от структурных и коммуникативных норм вследствие межъязыковой интерференции в сознании двуязычного индивида, неизбежно оставляющий свой столь же незаметный для осознания след в нормативном языке. И именно поэтому *lingua fictio* следует выделить как сферу функционирования *Spanglish*, ведь к чтению таких произведений прибегают носители языка, а значит, речь идет о постепенной трансформации литературного языка.

Lingua ars. Spanglish в сфере искусства. Несмотря на то, что как художественная литература, так и любая другая разновидность искусства, связаны между собой, будучи художественно-образными формами воспроизведения действительности, в контексте данного исследования представляется ра-

зумным разделить две сферы, поскольку художественная литература является одним из главных источников трансформации письменной формы выражения языка, в то время как остальные разновидности искусства предполагают сначала изменения на речевом уровне и только потенциально на системном. Одной из таких разновидностей является песенное искусство, в котором *Spanglish* становится важнейшим элементом, особенно в плане переключения кодов. В стороне не остались и театр, киноискусство и телеискусство [Rothman 2005: 531]. При этом речь идет не только о потреблении продукта в различных подсферах искусства, но и о взаимодействии тех, кто этот продукт создает [Falicov 2017]. В основе данного взаимодействия зачастую лежит коммерческий интерес, что вновь указывает на взаимосвязь сфер и позволяет говорить об использовании *lingua ars* в официальных ситуациях общения, предполагающей стремление к коммуникативным и структурным нормам для достижения цели общения (как в случае с *lingua corporativa*).

Таким образом, в настоящее время *Spanglish* является важным элементом для более глубокого понимания понятия «идиом». Существует несколько сфер деятельности человека, в которых *Spanglish* выполняет важную функцию в коммуникации разноязычных индивидов и групп, способствуя решению важных коммуникативных задач и помогая говорящим на нем лицам не только проще сформулировать высказывание, но и в какой-то степени игнорируя кодифицированные нормы, указать на свою социальную и национальную идентичность. Однако в противоположность есть и сферы (образование, художественная литература и искусство), в которых говорящие стремятся к достижению нормы в силу различных обстоятельств: для демонстрации уровня владения языком (в сфере науки) или в силу определенного этикета общения, который сам по себе требует достаточно высокого уровня знаний структурных и коммуникативных норм (в деловой сфере). *Spanglish*, как и любой другой лингва франка, продолжает находиться в процессе трансформации на всех уровнях системы и формирования новых для себя норм в силу интерференциального воздействия первого языка индивидов, которые его

используют. Языковые ареалы, в рамках которых происходят контакты английского и испанского, в государствах американского континента в целом характеризуются благоприятными экстралингвистическими признаками для гармоничного развития *Spanglish*, предполагающего лишь равномерное разделение ролей двух составляющих его языков в процессе коммуникации.

В перспективе исследование сфер функционирования *Spanglish* позволит определить характер контактов языковых сообществ государств испании и США, а не системном уровне – пролить свет на специфику интерференционной картины данного идиома в доменах американского английского и испанского.

Выводы к Главе 1

Среди важнейших понятий теории языковых контактов основополагающим является понятие межъязыковой интерференций. Обзор имеющейся литературы указывает на наличие пробелов в теоретической картине языковых контактов, а потому данный материал лишь в ограниченной мере допустимо использовать для описания и определения перспектив текущей языковой ситуации. Исходя из сложившихся условий глобализации, способствующих интенсификации языковых контактов, которая в свою очередь детерминирует интерференциальную специфику, разумно утверждать о появлении новых форм реализации универсальных идиомов билингвальной коммуникации, а также о несколько иной роли естественного двуязычия в их развитии.

Интерференциальная картина «классического» лингва франка характеризуется высокой частотой отклонения от нормы, что находит свое отражение в устойчивой интерференциальной динамике. Предпосылками для образования идиомов типа «классического» лингва франка, среди которых наиболее значимое положение в силу устойчивой интерференционной картины занимает английский язык как лингва франка, являются два фактора: 1) конвергенция продуцирующих интерференцию взаимодействующих языков; 2) несоответствия в структурной подсистеме норм данных языков. Рас-

хождение (несоответствие) норм двух (или более) языков проявляется на всех уровнях структурной подсистемы: фонологическом, лексико-семантическом, грамматическом; при этом с наибольшей очевидностью это проявление отмечается на первом. В настоящих условиях массового двуязычия интерференция на речевом уровне ведет к трансформации как языковой системы в целом, так и ее подсистем, а это в конечном счете приводит к возникновению идиомов типа лингва франка.

Глобализационный период развития английского языка следует охарактеризовать как нормативно-разнородный, поскольку с одной стороны литературный язык выступает в функции инструмента межкультурной и межнациональной коммуникации, а с другой, будучи на сегодняшний день единственным «классическим» лингва франка, очевидно проникновение в него как в язык-объект интерференции инородных норм других взаимодействующих с ним языков, при этом каждая из этих норм должна пройти определенный путь становления для консолидации как в речи, так и в системе.

Языковая норма и ее «поведение» в условиях функционирования «классического» лингва франка обладают собственной спецификой, поскольку в консолидации нормы слабо задействованы нормообеспечивающие элементы системы регуляции, такие как различного рода литература или непосредственное общение на регулярной основе с носителями языка. Кроме того, норма в «классическом» лингва франка определяется уже самим фактом наличия в сознании билингва первого языка, который на когнитивном уровне препятствует стабилизации и закреплению нормы под влиянием межъязыковой интерференции, а потому именно различные коммуникативные измерения существования данного идиома являются регулирующими элементами на различных уровнях структурной подсистемы.

Такие диатопические разновидности английского лингва франка, как *Spanglish*, находясь на стадии интенсивной трансформации на всех уровнях системы в силу межъязыковой интерференции, сегодня способствуют более глубокому пониманию понятия «идиом». К числу актуальных проблем отно-

сится разграничение сфер, которых пользователи *Spanglish* не придают значения нормам кодифицированного языка и в которых, напротив, стремятся к достижению нормы вследствие внутренних требований данных сфер.

Среди наиболее очевидных сфер функционирования изучаемого идиома, выделяемых с опорой на критерий стремления к языковой норме, следует назвать: *lingua educatio* (лингва франка в сфере образования), *lingua ars* (лингва франка в сфере искусства), *lingua fictio* (лингва франка в сфере художественной литературы) и *lingua cotidianus* (лингва франка в бытовой сфере). При этом в государствах испанидад и США складываются благоприятные экстралингвистические условия для сосуществования обоих типов, и это происходит во многом благодаря существованию *lingua cotidianus*.

ГЛАВА 2. БИЛИНГВАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ КАК МАТРИЦА ДЛЯ АНАЛИЗА МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В *SPANGLISH*

Возникая в условиях языковых контактов, ситуация билингвизма очевидно варьируется в зависимости от степени конвергенции языков во всех формах выражения. Последнее обстоятельство определяет процесс усвоения второго языка и, вероятно, специфику межъязыковой интерференции. Так, Е.Б. Таскаева полагает, что о наличии билингвизма допустимо говорить лишь в том случае, если индивид способен выразить мысль на втором языке независимо от первого [Таскаева 2018: 177]. Однако в то же самое время известно, что «взаимовлияния в виде межъязыковых интерференций присутствуют всегда» [Николаев 2013: 89]. Возможно, именно это стало причиной, по которой Л.В. Щерба оговаривал, что координативное двуязычие является исключением из общего правила и может возникнуть лишь в особых условиях [Щерба 2004: 40-41]. Подобного рода условия сегодня существуют и порой носят массовый характер. Они предполагают такой тип билингвизма, при котором межъязыковая интерференция переходит в малоизученное по сей день явление переключения кодов. Именно данный феномен, требующий всестороннего и многогранного исследования (см., например, грамматический и социолингвистический анализ в работе [Derric 2015]), указывает на сложность, с которой сталкивается исследователь при попытке раскрыть содержание понятия билингвизма.

В свете вышеизложенного считаем целесообразным аспектизированно рассмотреть явление коммуникации на *Spanglish* как идиоме, возникшем и существующем в результате различной динамики интерференционной картины. В первую очередь, данная билингвальная коммуникация рассматривается в качестве элемента коммуникативно-прагматического контекста, поскольку именно данный признак позволяет отнести подобный вид вербального взаимодействия к разряду дискурсивных. Далее, логично предположить, что, будучи связной последовательностью речевых актов [Сусов 2007: 40],

дискурс на англо-испанском лингва франка варьируется в зависимости от ареала реализации, что представляется любопытным с точки зрения различных видов порождаемой данными дискурсами межъязыковой интерференции в языке и речи. Наконец, подобные разновидности, вероятно, специфически обуславливают интерференционную картину. Обращаемся к дифференциации «язык-речь» главным образом с методологическими целями и постольку, поскольку только через речь возможно понять суть тех изменений, которые вызывает в языке межъязыковая интерференция. Одним из факторов этих изменений служит любого рода билингвизация дискурса, и составление типологии билингвизации дискурса позволило бы глубже понять механизм трансформации языковой системы в условиях интенсификации языковых контактов и, следовательно, межъязыковой интерференции.

2.1 Коммуникация на лингва франка: дискурсивные характеристики явления

Будучи особой разновидностью языкового кода, англо-испанский лингва франка применяется для передачи информации от отправителя сообщения к реципиенту в «живой» коммуникативной среде, что позволяет говорить о возможности рассматривать его функционирование в качестве дискурса. Еще одним поводом утверждать это является то обстоятельство, что любая коммуникативная ситуация применения данного идиома на том или ином уровне включает в себе прагматический компонент, а значит для нее характерны речевые акты и события. Принципиальная разница между дискурсом на национальном языке и дискурсом на лингва франка заключается в том, что последний связан на уровне когниции с двумя языковыми системами, параллельно существующими в сознании билингвального коммуниканта. Следовательно, речевые события на данном идиоме вбирают в себя дуальные с точки зрения языковой концептуализации социальные, культурные, исторические, психологические и прочие факты.

Принимая в расчет тот факт, что англо-испанский лингва франка является одновременно глобализованным и глобализующим феноменом [Мележик 2014: 84], что представшая перед современным обществом картина действительности детерминирует развитие языка, что отражается на его функции формирования категорий сознания. Предпосылкой к этому является регулярный успех при попытке достичь прагматического эффекта в дискурсивных практиках в новых условиях, выступающий в качестве поощрительного компонента; при этом закрепляющиеся в языке из речи паттерны являются тем гарантом, которые обеспечивают «наследственность» подобной категоризации, ведь именно язык является социальным инструментом хранения и передачи информации. По сути, сейчас можно наблюдать стремительные перемены в плане двух основных функций языка: коммуникативной и отражающей, так как теперь они одновременно реализуются в диффузном социокультурном пространстве. Что касается отражающей функции языка, то она находится в прямом отношении с аналогичной функцией сознания и психики в целом, следовательно, выводы здесь могут выходить далеко за рамки лингвистических изысканий.

Англо-испанский лингва франка как дискурс вбирает в себя эти эволюционные изменения. Дело в том, что для общества эпохи глобализации в целом характерно мультифункциональное и многоуровневое развитие дифференцированных информационных каналов, одной из особенностей которых является референтное смешение в результате межъязыковой интерференции. Неотъемлемый атрибут этого общества – массовое двуязычие, которое, являясь одновременно источником упомянутого смешения, делает доступным для него различные образы мышления, в границах которых происходит суждения о «сжимающейся» действительности. Дискурс на «классическом» лингва франка – в том числе и на *Spanglish* – по своей природе двуязычен, поскольку предполагает переключение кодов. Таким образом, способ суждения о мире и происходящих событиях обусловлен дискурсивными практиками на обоих языках как знаковых системах, существующими и выступающими в качестве

инструмента обработки информации в сознании индивида современного социума.

Ю.В. Ключев рассматривает подобные способы суждения как зависимость и, помимо событийной зависимости, детерминирующей поведение человека и общества, выделяет базовую и характеризует ее как дискурсивную [Ключев 2013: 207]. Иными словами, и отправитель, и получатель сообщения на англо-испанском лингва франка, независимо от специфики самого сообщения и его оценки (положительная/отрицательная), занимают по тому или иному вопросу собственную позицию, которая основана на предшествующих знаниях и опыте, имеющих прямое отношение к их первому языку (в меньшей степени ко второму, особенно в случае последовательного двуязычия).

Здесь необходимо пояснить связь между межъязыковой интерференцией на уровнях системы (в особенности лексико-семантической) и порядка концептуализации действительности. Картина мира приобретает в каждом языке специфический вид на всех уровнях: фонологическом, лексико-семантическом, грамматическом. Следовательно, в сознании билингва-участника языковой ситуации на англо-испанском лингва франка этих картин две, и они, вследствие межъязыковой интерференции, могут «накладываться» друг на друга. В частности, речь идет о взаимопроникновении концептуальных норм, отражаемых в обоих языках (английском и испанском в случае *Spanglish*).

Работающие над концепцией *lingua corporativa* Л. Лухиала-Салминен, М. Чарльз и А. Канкаанранта [Louhiala-Salminen 2005], которые более узко терминируют данную социально-коммуникативную сферу как *Business English as a Lingua Franca*, хотя и утверждают, что пользователи данного идиома прибегают к принятым дискурсивным практикам английского языка, поскольку находятся в общем контексте сферы деятельности (в данном случае деловой), все же дистанцированы тем способом концептуализации действительности, осуществляемой посредством их первого языка. Именно в данной концептуализации задействованы стереотипы дискурсивных практик

и (имплицитно) нормы коммуникации первого языка [Louhiala-Salminen 2005: 403–404].

Появление в дискурсе коммуникативных норм языка-источника интерференции деноминируется коммуникативной интерференцией, продуцируемой такими речевыми нормами, как приветствия, способы инициализации и завершения разговора, системы обращения и т.д. [Richards 2010: 100]. Например, разговор на английском часто начинается с вопроса о здоровье (*How are you?*), однако в испанском это принято делать в том числе вопросом о новостях (*¿qué hay (denuevo)?*). Если рассматривать данный пример в рамках *lingua educatio* (английский лингва франка в сфере образования), то речь испаноговорящего студента, изучающего английский и начавшего разговор на английском с приветствия *What's new?* будет содержать коммуникативную интерференцию.

Данный пример приведен неслучайно. Выражение *What's new?* в значении 'как дела?' уже начало «оседать» в американском английском как следствие межъязыковой интерференции в речи. Более того, коммуниканты, адресующие данный вопрос друг другу, как правило, не ожидают ответа, что соответствует коммуникативной норме повседневной речи на испанском любого диалектического варианта (см.: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/what-s-new>).

Такой импорт норм на уровне денотата и референта, раскрывающий как лингвистическую, так и социокультурную суть явления межъязыковой интерференции в ходе дискурса на англо-испанском лингва франка, может приводить к культурному шоку [<https://www.quora.com/When-someone-greets-you-by-saying-whats-new-what-is-a-proper-response>].

Возвращаясь к *lingua corporativa* и расширяя мысль, следует отметить, что данный процесс является следствием нахождения коммуникантов в общем контексте бизнеса (*the context of business*) [Louhiala-Salminen 2005: 403–404].

В этой связи допустимо утверждение, что подобный контекст существует, по меньшей мере, в наиболее значимых сферах применения англо-испанского лингва франка по причине все тех же глобализационных процессов, а в целом дискурс на нем является результатом процесса взаимодействия в глобализационном социокультурном контексте, так как любая сфера деятельности человека, обслуживаемая соответствующей социально-коммуникативной сферой, не может рассматриваться в отрыве от общества и культуры. Подобный контекст, помимо частных делений (в зависимости от социально-коммуникативной сферы), соприкасается с коммуникативно-прагматическим, а дискурс в его поле не является неким отвлеченным набором высказываний. И здесь снова уместно вернуться к концептуализации действительности, поскольку коммуникативно-прагматический контекст связан (1) с когнитивными факторами, лежащими в основе механизма языковой концептуализации действительности и (2) с социальными факторами. Причем под социальными факторами имеется в виду отношение «субъект-общество», в то время как в первом пункте речь идет об отношении «общество-культура». Это означает, что пользователи англо-испанского лингва франка в процессе коммуникации могут столкнуться с экстралингвистическими проблемами (прагматическими, социокультурными, психологическими и др.), которые Н.Д. Арутюнова характеризует как неотъемлемые факторы дискурса [Арутюнова 1990]. Движущими силами данных проблем служат конвергенция и интерференция картин мира представителей различных культур-участниц процесса глобализации и сам факт его продолжения.

В настоящем исследовании уже отмечалось важность современных процессов глобализации и развития коммуникативных технологий, интенсифицирующих межъязыковую интерференцию. Данные процессы заставляют лингвистов работать в тесном сотрудничестве с представителями таких дисциплин, как сравнительная культурология, сравнительная этнология, сравнительная социология и т.д. На самом деле связь изысканий языковедов в области теории языковых контактов со знаниями других отраслей настолько глу-

бинна, что говорить сейчас о принадлежности данной теории только к лингвистике или компаративистике неуместно. Если даже подобная точка зрения и существует, то она, вероятно, будет отрицать роль социокультурных и коммуникативно-прагматических факторов и деконтекстуализированно рассматривать примеры дискурса на англо-испанском лингва франка (и любом другом идиоме этого типа), что принципиально недопустимо.

Итак, теория языковых контактов, включающая в себя как элемент парадигмы дискурс на идиомах типа англо-испанского лингва франка, в силу своей междисциплинарной природы и характера неизбежно связана с множеством других дисциплин, при этом необязательно, чтобы она была их частью. Одной из таких дисциплин если и не является, то должна быть прагматика. Несмотря на то, что уже была рассмотрена идея о коммуникативно-прагматическом контексте дискурса, эта связь по-прежнему может показаться неясной, но тщательное рассмотрение понятий парадигмы теории языковых контактов, среди которых важная роль отводится лингва франка, и, с другой стороны, прагматики выявляет важные области, представляющие несомненный интерес.

Ч.С. Пирс подчеркивал коммуникативную важность знака в дискурсе: «Означающее знака состоит из всех элементов воздействия, которые потенциально могут привести к практическим последствиям для субъекта и которые будут варьироваться в зависимости от субъекта» [цит. по: Newmark 1981: 5]. Несомненно, подобных элементов потенциального воздействия становится все больше как результат их взаимопроникновения в языки, а субъект изменяется столь же стремительно, как и мир эпохи глобализации.

Ч. Моррис подразделяет семиотику на синтаксис (отношение знаков друг другу), семантику (отнесение (allocation) к реальным объектам) и прагматику (отношение между знаками и их интерпретаторами) [приводится по: Newmark 1981: 6]. Прагматика, таким образом, в свете данного исследования представляет коммуникативно-прагматический фактор дискурса; семантика и синтаксис относятся социокультурному контексту, поскольку дискурс в

условиях глобализации предполагает конвергенцию и интерференциальную диффузию языков, следовательно, взаимопроникновение закреплённой в языке информации и принципов структурирования речевых высказываний. Очевидно, что дискурс на англо-испанском лингва франка предполагает несколько иное отношение «знак-субъект», нежели дискурс на национальном языке, поскольку у коммуникантов, если использовать терминологию Ю.В. Клюева, отличная базовая зависимость (см. выше).

Важнейшими факторами здесь являются уже проанализированный социокультурный контекст дискурса на англо-испанском лингва франка и интерференция культур (в том числе и через ситуацию двуязычия), которую он сегодня предполагает. Оба фактора должны соответствующим образом рассматриваться для установления верной связи между отправителем сообщения и реципиентом, иными словами, установления коммуникативно-прагматического контекста. Хотя прагматика сама по себе не занимается исключительно вопросами различий культур, они определенно входят в сферу ее интересов.

Продолжая о социокультурном контексте, заметим: как верно утверждает А. Пенникук, дальнейший ход развития английского как лингва франка в общем процессе глобализации больше интересен не столько возникновением и консолидацией каких-либо гомогенных норм, а, напротив, экспансией транскультурных потоков (*transcultural flows*), следствием чего является увеличение вариативности языковых средств [Pennycook 2007: 169]. Таким образом, становится очевидным, что англо-испанский лингва франка – это не просто набор неких формальных интерференциальных признаков, характеризующий любой подобный идиом на всех уровнях системы; это актуализированная речь или текст в индивидуальном и общественном сознании эпохи глобализации.

В свою очередь, тенденции коммуникативно-прагматического контекста указывают на то, что закрепление новых лексико-грамматических и прагматических норм англо-испанского лингва франка под воздействием

межъязыковой интерференции служат индикатором общих трансформационных процессов современного общества [Jenkins 2011: 304].

Раскрыв контекстуальную составляющую и прагматическую специфику дискурса на англо-испанском лингва франка, в связи с различными соприкасающимися контекстами следует углубиться в фундаментальный элемент, его образующий, – речевой акт, что позволит понять, с какими сложностями могут столкнуться коммуниканты в различных дискурсивных практиках. Данный идиом как эффективный инструмент международного общения, будучи коммуникативным явлением, может многое приобрести благодаря рассмотрению трех связанных между собой речевых компонента: локутивного акта, иллокутивной силы и перлокутивного эффекта. Подобного рода анализ позволит выявить особенность и одновременно главную проблему дискурса на данном идиоме.

Проблема заключается в том, что внеречевые последствия дискурса на англо-испанском лингва франка часто могут расходиться с ожидаемыми, поскольку глобализация является одновременно и орудием размыванием концептуальных норм, и их сближения, что ведет к концептуальной интерференции. Дело в том, что лежащие в основе любого дискурса речевые акты не имеют универсального кросс-культурного применения, и с прагматической точки зрения в билингвальной среде уже сами по себе могут представлять сложность для участников дискурса. Иными словами, перлокутивный эффект речевого акта в языковой ситуации, в которой используется англо-испанский лингва франка, может не совпадать с намерением говорящего из-за внутриязыковых и экстралингвистических факторов двух различных картин мира, представленных в сознании билингва, что препятствует реализации прагматического потенциала речевого события.

Коммуниканты в той мере продуцируют высказывания, имеет определенные намерения и стремятся добиться желаемой реакции, в какой речевые акты и события являются составляющей дискурса на англо-испанском лингва франка. Очевидно, что в процессе продуцирования высказываний и лежащих

в их основе намерений, любой подобный дискурс так или иначе проходит через все три фазы. Утверждение П. Грайса о том, что «значение — это намерения» [Newmark 1981: 7], приближает к мысли, что цель подобного дискурса эффективнее всего достигается путем отбора наиболее существенных его признаков, состоящих из интерференциальных следов как на структурном, так и на концептуальном уровнях, и анализа трех соприкасающихся контекстов высказывания. Разумеется, не следует забывать и о традиционных признаках, присущих дискурсу на национальном языке, таких как знания о мире, мнения, установки, цели адресата и т.д., также необходимые для того, чтобы вызывать у реципиента желаемую интеллектуальную или эмоциональную реакцию на передаваемое сообщение.

Далее приводится аутентичный дискурс на англо-испанском лингва франка, произведший перлокутивный эффект, которому поспособствовал социокультурный контекст. Участниками речевого события выступают президент США Дональд Трамп, офицер погранично-таможенной службы США латиноамериканского происхождения и журналист телеканала CNN.

Д. Трамп: *"Come here, come here. You're not nervous, right? Speaks perfect English. Come here. I want to ask you about that — 78 lives. So how did you feel, that there were people in that trailer?"* – спросил Трамп у офицера, который спас жизни 78 нелегальных эмигрантов, переехавших на трейлере границу США.

В ответ офицер улыбнулся и выразил благодарность: *"First and foremost, thank you for allowing me to come from Laredo. On behalf of Border Patrol, thank you as well."*

Очевидно, что Д. Трамп обращается не только к офицеру, но и к публике в зале, где проходила церемония, и принимает в расчет то, что в качестве зрителя и слушателя будут выступать СМИ.

Журналист CNN: *"This officer seems to be of Latino descent. It is interesting to have the president make that kind of a comment about a U.S. law enforce-*

ment officer, of course, he speaks perfect English — he is a U.S. law enforcement officer.” [<https://www.youtube.com/watch?v=nUXe6nl4RNE>].

В данном примере можно наблюдать дифференциацию отношения между знаком *Speaks perfect English* и субъектами, представляющие одно общество, не в равной степени учитывающие все элементы смешанного социокультурного контекста, в рамках которого реализуется рассмотренное речевое событие. Хотя с точки зрения предметно-логического значения, высказывание построено верно, его импликатура оказывается неконвенциональной или дискурсивной из-за диффузии концептуальных норм: для сознания двуязычного индивида знать два языка не значит владеть хорошо одним, а другим – плохо. Подобного рода нормы не согласуются с традиционными принципами Республиканской партии США, которую представляет Д. Трамп.

Допустимо предположить, что, произнеся слова *speaks perfect English*, Д. Трамп хотел в ответ получить положительную оценку со стороны всех участников речевого события, однако прагматический потенциал высказывания достигнут не был. Не был достигнут потому, что большая часть американского общества двуязычна, а вопрос языковой политики является обсуждаемым на протяжении многих десятилетий, а значит коммуникативная цель высказывания перешла за границы смысла, передаваемого совокупностью его отдельных языковых единиц. Социокультурный (семантический и синтаксический) контекст отличается от прагматической функции. Следовательно, пропозиционное содержание и потенциал иллокутивной силы не совпали. Д. Трамп не учел коммуникативно-прагматический контекст при построении своего дискурса, иными словами, не отобрал и организовал языковые единицы таким образом, чтобы установить необходимые отношения между ними для достижения перлокутивного эффекта.

На важность прагматического анализа социокультурного контекста в дискурсе на англо-испанском лингва франка указывает тот факт, что в стремительно меняющемся мире глобализации ни один участник коммуникации не говорит все, что думает, а наложение одной концептуальной нормы на

другую приводит к неконвенциональным или дискурсивным импликатурам. Индивид очень часто не осознает или лишь поверхностно осознает этот процесс.

Итак, соприкосновение дуальных социокультурных и коммуникативно-прагматических контекстов, в рамках которых осуществляется коммуникация на англо-испанском лингва франка, указывает на важность принятия коммуникантами концептуальных норм языковой картины мира двух идиомов, используемых в определенной билингвальной ситуации. Из-за отсутствия возможности выявить перспективу завершения процессов глобализации и наложения концептуальных норм вследствие межъязыковой интерференции, представитель современного общества должен максимально осознанно подходить к отбору языковых единиц для построения высказываний и строить свое дискурсивное поведение в рамках «взаимных контекстуальных убеждений» (*Mutual Contextual Beliefs*), термин, предложенный Бах и Харниш [подробнее см. Bach 1979: 5] для того, чтобы охватить объем понятия, содержащего намерения говорящего и заключение слушающего. Подобный подход будет способствовать реализации прагматического потенциала высказывания и сделает дискурс на англо-испанском лингва франка эффективнее. Поэтому разработка методологической типологии лингвокультурологического материала англо-испанского лингва франка с акцентом на интерференциальные признаки концептуального уровня и создание различного рода словарей и учебных пособий для усвоения новых языковых единиц и повышения коммуникативной компетенции является одной из наиболее актуальных проблем в изучении дискурсивных практик на данном идиоме.

В перспективе одним из наиболее любопытных аспектов исследования дискурса на англо-испанском лингва франка видится концептуальная интерференция вследствие интерференции межъязыковой, продуцирующая своеобразный парадокс: с одной стороны, она ведет к унификации языковых картин мира, поскольку в эпоху глобализации неизбежен рост двуязычия; с другой стороны, в двуязычных обществах наблюдаются «взрывы» этничности,

выражающиеся в стремлении вернуться к исходным моделям видения мира и поисков загадочной народной души. Также большой интерес представляет исследование того, как различные виды двуязычия в государствах испанидад и США детерминируют специфику дискурса на англо-испанском лингва франка, в особенности с точки зрения структуры речевого акта.

2.2 Современный билингвизм в государствах испанидад и США: интерференциальные признаки явления

Анализ типологии билингвизма (см. Главу 1) делает очевидным тот факт, что билингвальная ситуация в современном мире обладает собственной спецификой. Главным признаком данной специфики является употребление «классического» лингва франка, который обладает характерной интерференционной картиной, свидетельствующей о массовости современного билингвизма, в структуру которого включен английский языковой компонент. Таким образом, массовость является универсальным признаком для всех, любых разновидностей *Spanglish*, употребляемых на территории государств испанидад и США. Однако данный идиом обладает и отличными от остальных разновидностей английского как лингва франка характеристиками, которые также имеют прямое отношение к интерференциальному ряду.

Характеристики, дифференцирующие *Spanglish*, связаны с той разновидностью билингвизма, в которой они возникают. При описании и изучении межъязыковой интерференции авторы часто сужают область выборки на основании конкретной разновидности билингвизма, видя, таким образом, в этом исследовательскую целесообразность [см. работы по проблеме интерференции при искусственном и естественном билингвизме: Межецкая 2014; Башкова 2013 соответственно]. Следовательно, допустимо предположить, что тот или иной тип билингвизма детерминирует возникающую в его условиях межъязыковую интерференцию.

Актуальность данного вопроса исходит из принципов межъязыковой интерференции и заключается в том, что те или иные интерференциальные

признаки обладают уникальным потенциалом, а реализация данного потенциала приводят к развитию определенной интерференционной картины; при этом «не все потенциальные возможности интерференции переходят в действительность» [Вайнрайх 1972: 27]. Как уже отмечалось, реализация потенциальных возможностей интерференции зависит как от лингвистических, так и от экстралингвистических факторов. Современное же состояние билингвизма в государствах испанидад и США само по себе привлекает внимание к данной проблеме как никогда раньше, так же как идиом *Spanglish*, который, согласно С.Г. Николаеву [Николаев 2019: 74], и «создает ситуацию вынужденного билингвизма, и возникает в ней» [Николаев 2019: 74].

В основе утверждения о том, что *Spanglish* несколько отличается от иных разновидностей английского как лингва франка, лежит то обстоятельство, что 1) существенная часть говорящих на данном идиоме индивидов успешно овладела второй языковой системой в естественных условиях общения и 2) регулярно переключается с одного кода на другой в зависимости от социально-коммуникативной сферы/ситуации общения. На первый взгляд может показаться, что речь в данном случае идет о различных разновидностях билингвизма. Однако логично предположить, что при естественном двуязычии индивид, по меньшей мере, использует один из языков (в США это, как правило, испанский) в одной из социально-коммуникативных сфер (обычно бытовой). Так происходит хотя бы только в связи с массовым характером явления двуязычия в данном государстве. Таким образом, второй элемент объединенного целого сам по себе снимает все вопросы относительно главной причины вхождения в это целое.

Итак, возникает необходимость терминировать данную разновидность билингвизма для ее дифференциации на фоне остальных. В соответствующем параграфе Главы 1 в классификацию билингвизма намеренно не было включено понятие сбалансированного двуязычия, поскольку в традиционном понимании оно, как и некоторые другие (см. типологию билингвизма, предложенную в разделе 1.1.), должно бы быть объединено с понятием «есте-

ственный билингвизм», так как в традиционном понимании предполагает равноправное сосуществование двух языковых систем в сознании билингва.

Данное положение обусловлено тем, что «сбалансированный билингв», согласно следующему определению, не отдает предпочтения одному из языков, используемых им в процессе коммуникации: «Сбалансированный билингв – это индивид, который в равной степени владеет двумя языками, обычно на уровне носителя <...>. Сбалансированный билингв обычно одинаково компетентен в коммуникации на двух языках и во всех социально-коммуникативных сферах» [Matsumoto 2009: 74-75]. В качестве важнейшего признака данного определения следует отметить возможность сбалансированного билингва одинаково успешно справляться с коммуникативными задачами в различных социально-коммуникативных сферах, при этом пренебречь тем признаком, который уравнивает и нивелирует две языковые системы по степени предпочтения. Кроме этого, уточняющее прилагательное «сбалансированный» далее будем относить не к употребляемым коммуникации языкам, а к сферам, в которых они употребляются.

Еще одним характерным свойством подобного рода билингвизма допустимо считать спонтанность; при этом Г.В. Томсон указывает на корреляцию интенсивности интерференции и степени готовности к речевому акту в дуальном социокультурном контексте коммуникации. По мнению исследователя, чем более спонтанным является подобный речевой акт, тем интенсивнее межъязыковая интерференция [Томсон 1992: 15]. Следовательно, спонтанность *Spanglish* при переключении кодов также позволяет говорить о более интенсивной интерференции в ареалах его применения.

Отдельное внимание здесь необходимо уделить такому виду речевой деятельности, как письмо, особенно учитывая то обстоятельство, что *lingua fictio* уже сейчас можно рассматривать как домен в языковой ситуации региона (см. раздел 1.3). Основываясь на идеях Л.М. Паскаря [Паскарь 1989: 10-11] (по большей части изложенных в связи с письменным переводом), можно допустить, что при создании билингвом произведения на одном из суще-

ствующим в его сознании языках также проявляются последствия интерференции, так как создатель строит высказывания по образцу предпочитаемого языка («языка мышления»), который сложнее и вариативнее, чем позволяет ему потенциал второго языка.

Отчасти изложенным принципом можно объяснить переключение кодов уже в устной речи внутри не только отдельной социально-коммуникативной сферы, но и в пределах одного речевого акта. Частым случаем в типичных речевых ситуациях бытового общения является тот, при котором высказывания ограничены общепринятостью и устойчивостью, а билингв отдает предпочтение тому или иному ресурсу, поскольку этот ресурс более консолидирован в его сознании как целостная инвариантная конструкция.

Таким образом, по результатам приведенного анализа предлагаем актуализировать понятие сбалансированного билингвизма и использовать его применительно к такой разновидности билингвизма, при которой индивид (обычно) владеет двумя языками с раннего детства и регулярно спонтанно (при устной речи) переключается с одного кода на другой, употребляя их в различных социально-коммуникативных сферах.

Согласно *2017 American Community Survey Single-Year Estimates* [http://files.hawaii.gov/dbedt/census/acs/ACS2017/ACS2017_1_Year/state_rank/17_state_ranking_file.pdf], в США, где основным языком коммуникации принято считать английский (на государственном уровне такого единого официального языка нет), насчитывается около 50 миллионов испаноговорящих, из которых 41 миллион человек от 5 лет и старше, проживающих в США, говорят на испанском языке дома. При этом, по данным *Language Use and English-Speaking Ability: 200*, половина всех испаноговорящих утверждают, что владеют английским на «очень хорошем» уровне. Необходимо также отметить, что численность билингвов непрерывно растет. Таким образом, приведенные данные лишь подтверждают наличие в США такого явления, как сбалансированное двуязычие.

Далее необходимо остановиться на такой характерной черте сбалансированного билингвизма, как переключение кодов, поскольку это позволит глубже осознать отношение данной разновидности билингвизма и продуцируемой ею специфической межъязыковой интерференции. В первую очередь, необходимо типологизировать переключение кодов на три разновидности: 1) переключение кодов вследствие перехода из одной социально-коммуникативной сферы в другую, 2) переключение кодов в пределах одной и той же речевой ситуации и 3) переключение кодов в рамках одного и того же речевого акта (также известное как интер-сентенциальное переключение кодов – *inter-sentential code-switching* [://www.ello.uos.de/field.php/Sociolinguistics/Codeswitching]), которое может быть обусловлено как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами.

С социальной точки зрения к последним можно отнести стремление к культурной солидарности/дистанцированию, желание указать на самоидентификацию с определенной социальной группой, иными словами, причины, зависящие от получателя сообщения (его/ее этнического происхождения, пола, возраста, уровня образования и др.) [Richards 2010: 89].

С исключительно лингвистической точки зрения авторы многочисленных исследований подчеркивают, что переключение кодов не является случайным смешением двух языковых систем. К данному приему говорящий прибегает, например, для пояснения содержания или иной его части или для выражения эмфазы. Одной из целей данного подхода к изучению переключения кодов является выявление принципов, заложенных в механизме интер-сентенциального переключения [MacSwan 2000; Mahootian 2006: 523; Muysken 1995; Myers-Scotton 2000].

Исходя из того, что явление переключения кодов является существенным признаком сбалансированного двуязычия, разумно предположить, что и исследовать его следует с учетом тех же аспектов, что и при исследовании билингвизма. С.Г. Николаев [Николаев 2013: 93-94] в их число включает со-

циолингвистические, психо- и нейролингвистические, прагматические и когнитивные [Николаев 2013: 93-94].

Согласно Э. Хаугену, переключение кодов есть переход с одной языковой системы на другую [Хауген 1972: 69]. Приведем примеры переключения кодов 3-го типа (внутри одного и того же речевого акта), взятых из труда С. Поплак [Poplack 1980], которая на основе исследования 20 пуэрториканских семей с различным уровнем компетенции в английском и испанском выделяет две разновидности переключения кодов: сложное (*complex code-switching/intimate code-switching*: примеры 1 и 2) и простое (*less intimate code-switching*: примеры 3 и 4):

<i>Spanglish</i>	<i>Английский</i>
(1) <i>Why make Carol sentarse atras pa' que everybody has to move pa' que se salga?</i>	'Why make Carol sit in the back so that everybody has to move for her to get out?'
(2) <i>He was sitting down in la cama, mirandonos peleando, y, really, I don't remember si el nos separo or whatever, you know.</i>	'He was sitting down in bed, watching us fighting and really, I don't remember if he separated us or whatever, you know.'
(3) <i>Vendía arroz n'shit.</i>	'He sold rice n'shit.'
(4) <i>Salían en sus carros y en sus snowmobiles.</i>	'They would go out in their cars and snowmobiles.'

Итак, в случае с *Spanglish*, как правило, переключение оказывается полным; иными словами, в потоке речи можно вычлени́ть тот момент, когда происходит смена на всех языковых уровнях – фонологическом, лексико-семантическом, грамматическом. Хотя отмечаются такие случаи, когда переключение сводится лишь к употреблению билингвемы. При этом неясно, можно ли считать такое переключения кодов интерференцией. Для Э. Хаугена «подобную интеграцию кодов следует принципиально отличать от интерференции, хотя никаких абсолютных критериев их разграничения пока не установлено» [Хауген 1972: 69]. Здесь очевидно только то, что эти два феномена не являются идентичными в исключительно формальном отношении.

Любое переключение кодов неизбежно начинается с межъязыковой интерференции; таким образом, интерференция служит «пусковым механизмом» данного феномена. Однако не каждая интерференция имеет своим итогом полноценное формальное переключение кодов. Говорить о полноценном

переключении кодов при частичном формальном переходе на другой язык (с некоторыми оговорками) допустимо, но лишь в том случае, если ранее имел место прецедент полноценного перехода, то есть, если индивид действительно может применять в одном и том же речевом акте два языка. Дело в том, что только в этом случае очевидными становятся идентичные последствия интерференции и переключения кодов в речевом акте. Говорящий, спонтанно переключаясь на другой код, не актуализирует потенциальное высказывание на данном языке, хотя вполне бы мог воплотить свою мысль в знаках «прежнего» кода.

Подобная интерференция всегда предполагает возможность переключения кодов, которую термилируем как «ассоциативный потенциал». Являясь характерным признаком интерференции сбалансированного билингвизма, ассоциативный потенциал обуславливает свойственную данной разновидности спонтанность при переключении кодов. По сути, это механизм, в основе которого лежит смешение знаков двух различных языковых систем на референтном уровне при относительно четкой их дифференциации на денотативном уровне. Подобный дисбаланс приводит к интерсентенциальному переключению кодов в тех случаях, когда оно обусловлено причинами социолингвистическими, психолингвистическими, нейролингвистическими, прагматическими, а также когнитивными.

В то же время из наблюдений за различными коммуникативными практиками становится очевидным, что во многих случаях пользователи *Spanglish*, спонтанно переключающиеся с одного кода на другой в рамках одного речевого акта строят высказывания без фонологических, лексико-семантических и грамматических отклонений. Разумеется, это будет так, если не считать отклонением само переключение только потому, что при его инициации всегда наличествует интерференциальный элемент (согласно логике Г.В. Томсона (см. выше)), свидетельствующий о высоком уровне владения двумя языками и способности спонтанно «импровизировать» в построениях высказываний на *Spanglish*. Однако подобный интерференциальный

элемент существенно отличается от того, который «мешает» говорящему на любом лингва франка строить связную и непрерывную речь, так как здесь интерференциальный элемент консолидирован в норму. Нормой для (некоторых) пользователей *Spanglish* и является способность реализовать ассоциативный потенциал и продолжить (продлить) высказывание на другом языке. Здесь о высоком уровне владения двумя языками свидетельствует способность индивида превращать интерференцию в норму. Связывать подобную интерференцию с нормой в лингвистическом отношении допустимо на основании того, что она адекватна целям коммуникации и проявляется в ситуации двуязычия.

Безусловно, ситуация билингвизма в государствах испанидад и США варьируется в диатопическом отношении, и здесь допустимо говорить лишь о массовом билингвизме как родовом понятии в его отношении к билингвизму сбалансированному. Сбалансированный билингвизм, скорее, характерен для северной части американского континента, а именно для США. В остальных государствах Америки билингвизм преимущественно выступает как несбалансированный, что отражается и на интерференциальной специфике данной диатопической разновидности *Spanglish*. Однако в этом ареале *Spanglish* применяется если не с той же регулярностью, как в случае с (естественным) сбалансированным билингвизмом США, то в различных социально-коммуникативных сферах, и вносит свой вклад в создание доменов *lingua academica*, *lingua corporativa*, *lingua educatio*, *lingua fictio* и *lingua ars*. В то же время практически полное отсутствие *Spanglish* в бытовой сфере (*lingua cotidianus*) позволяет обнаружить существенную разницу между изменениями, которые претерпевает речь и язык сбалансированных билингвов таких штатов, как Техас, Калифорния или Нью-Мехико, и, с другой стороны, испанидад. В случае с государствами испанидад уместно говорить об агрессивном поведении в определенных доменах социальной практики английской части *Spanglish* к испанской, как это в своих наблюдениях отмечают некоторые исследователи [см., например, Phillipson 1998: 70].

Несмотря на это, рассматривать две заявленные разновидности в конкретном языковом ареале в строгой дифференциации также не следует. Дело в том, что ситуация массового билингвизма, в которой возник и развивается *Spanglish*, объединяет все его диатопические разновидности, и последствия взаимодействия двух языков, образующие *Spanglish*, также отчасти едины. Кроме того, создавая ситуацию массового двуязычия, *Spanglish*, будучи универсальным средством коммуникации в данном ареале, диктует условия развития этой ситуации. Сосуществование различных форм *Spanglish* и характеризует современную ситуацию билингвизма в государствах испанидад и США.

Таким образом, современный билингвизм в государствах испанидад и США характеризуется массовостью и, одновременно, разнородностью. Если не территории Латинской Америки превалирует искусственный билингвизм, то в южных штатах США наблюдается большое число сбалансированных билингвов, поскольку проживающие в данном регионе латиноамериканцы сохраняют испано-английский лингва франка, употребляя его, по меньшей мере, как *lingua contidianus*, и используют англо-испанский лингва франка в остальных доменах. Подобного рода стабильность переключения с одного кода на другой в различных социально-коммуникативных сферах провоцирует еще более высокую степень межъязыковой интерференции, реализация которой выражается в феномене переключения кодов в рамках одной и той же речевой ситуации или одного и того же речевого акта. В основе второго лежит возникновение интерференциального элемента, предполагающего ассоциативный потенциал, актуализация которого и приводит к переходу интерференции в интерсентенциальное переключение кода. В этом случае переключение кодов, а, следовательно, и начальный интерференциальный элемент рассматриваются говорящим в качестве нормы, а не отклонения от нее, как в случае с интерференцией, вызванной в условиях искусственного билингвизма. В отличие от последнего типа интерференции, второй тип интерференции приводит к воспринимаемому как норма переключению кодов, по-

скольку подобная интерференция обусловлена целями коммуникации. Так или иначе, разнородность современного билингвизма в государствах испанидад и США – сосуществование сбалансированного и несбалансированного билингвизма – в определенной мере следует рассматривать как единый коммуникативный конструкт, следствия которого отражаются на массовом билингвизме во всех доменах *Spanglish*. Безусловно, распространенность сбалансированного билингвизма играет важную роль в формировании и становлении идиома *Spanglish*.

В перспективе достойным внимания является исследование последствий, оказываемых двумя рассмотренными типами билингвизма на *Spanglish* как единую, хотя и не стабильную систему. Для этого видится необходимым подбор методологического инструментария для более глубокого изучения интерференции сбалансированного и несбалансированного билингвизма. За исходную точку здесь следует брать дифференциацию интерференции в речи и языке.

Также значимым для дальнейших штудий было бы изучение механизма ассоциативного потенциала на всех уровнях: социолингвистическом, психо- и нейролингвистическом, прагматическом и когнитивном, поскольку сам по себе он представляет собой новый феномен в речевой деятельности человека. Данный вопрос приобретает особую актуальность в связи с постоянно растущей ролью сбалансированного двуязычия в современном мире глобализации и таких производных от нее процессов, как интенсификация языковых контактов.

2.3 Интерференция в речи и интерференция в языке: методологический аспект исследования

Лингвистические исследования языка и речи долгое время проводились без какой-либо дифференциации в том, что касается методологических подходов и инструментов. Сегодня в связи с появлением новых идиомов, возни-

кающих как следствие межъязыковой интерференции в ситуации глобального билингвизма, данная проблема приобретает особую актуальность.

Здесь требуется оговорка: под понятие «язык» в настоящее время подпадает и любой «классический» лингва франка, и главным аргументом для этого служит тот факт, что 1) условия языковой глобализации способствуют беспрецедентному распространению билингвизма и полилингвизма во всем мире [Вишневская 2008] и 2) по данным ряда исследователей, билингвов (двухязычных) в мире больше, чем монолингвов [Ansaldo 2008]. В действительности глобализация настолько глубоко проникла в жизнь современного человека, что многие понятия, служащие для описания различных явлений социального и гуманитарного порядка, стали рассматриваться с уточняющим прилагательным «глобальный».

Отклонения от нормы, являющиеся следствием любой межъязыковой интерференции в речи, – это явление, относящееся непосредственно к речи. В языке же данное отклонение может постепенно кристаллизоваться в норму. Из этого частного утверждения можно вывести принцип, распространяющийся на ряд иных явлений, имеющих важное, ключевое значение.

О целесообразности разведения понятий «язык» и «речь» писал еще В. Гумбольдт, однако, как известно, теоретическое обоснование данного положения дали Ф. де Соссюр и Л.В. Щерба. Деление «язык/речь» обусловлено исследовательскими задачами. Кроме того, явление интерференции в современном мире несколько отличается по форме воплощения от прежних аналогов, а также других ей подобных явлений, которые приводят к трансформации языковой системы. Так, утверждение Соссюра о том, что «язык необходим, чтобы речь была понятна и тем самым была эффективна; речь в свою очередь необходима для того, чтобы сложился язык» [де Соссюр 1999: 26-27], при рассмотрении примеров языковых образований типа *Spanglish* не всегда себя оправдывает, поскольку интерференция в нынешних условиях глобального билингвизма не всегда препятствует эффективной коммуникации, а иногда, напротив, даже повышает ее эффективность. Что же касается

второй части утверждения, то и здесь не все так очевидно: перманентный контакт двух языков в индивидуальном сознании билингва сам по себе ведет к асистематизации языка. И назвать изменения в индивидуальной речи говорящим на той или иной разновидности английского как лингва франка случайными также довольно сложно, поскольку они закономерны и вызваны принципом механизма межъязыковой интерференции, предложенным У. Вайнрайхом (см. об этом в разделе 1.1). Таким образом, речь сегодня создается не столько на основе системы единиц и норм национального языка, сколько через интерференциальное взаимодействие систем – двух или более в зависимости от конкретной языковой ситуации (и традиции).

Безусловно, контраргументом здесь может послужить тот факт, что *внутриязыковая интерференция* существовала всегда и что ее принцип воздействия на язык в какой-то степени схож с тем воздействием на него со стороны *интерференции межъязыковой*. Однако в качестве принципиального при сопоставительном рассмотрении межъязыковой и внутриязыковой интерференции следует принять то обстоятельство, что говорящий в случае с внутриязыковой интерференцией значительно лучше знаком с нормами первого языка, нежели в том случае, когда речь идет о втором языке. Следовательно, слабая, недостаточная кристаллизация норм и отсутствие навыков применять имеющиеся знания в процессе коммуникации приводят к трансформационному влиянию первого языка на второй.

Отдельного внимания заслуживает *концептуальная интерференция*, существование которой без языкового контакта в массовом сознании если и допустима, то лишь в длительной исторической перспективе, и главной ее «формирующей и движущей силой» будет не язык, а культурно-исторические особенности народов – носителей национального языка. Таким образом, при билингвизме циркуляция концептов осуществляется непосредственно через язык, а при монолингвизме данной циркуляции должны предшествовать экстралингвистические факторы.

Утверждение о том, что речь индивидуальна, а язык социален, в условиях глобального характера билингвизма также как минимум требует своей корректировки. Сегодня интерференцию в речи отдельно взятого индивида разумно рассматривать как полноценный механизм динамического изменения языковой системы. И здесь видится необходимым обратиться к таким явлениям, как индивидуальный и социальный билингвизм (массовый), частично проанализированные в разделе 1.1. Во многом это связано с тем, что настоящее исследование имеет целью изучение интерференции в различных сферах коммуникации; иными словами, особое значение приобретает теперь параметр *распространенности* билингвизма.

Необходимо заметить, что не все лингвисты безоговорочно соглашались с делением двуязычия на социальное (коллективное) и индивидуальное. Что касается индивидуального билингвизма, то в науке о языке можно обнаружить достаточно категоричные точки зрения. Некоторые исследователи и вовсе отрицают существование подобной разновидности билингвизма. Так, Т.П. Ильяшенко пишет: «явление билингвизма присутствует лишь тогда, когда оно распространяется на всю общность или на ее большую, или главную на данном историческом этапе, часть» [Ильяшенко 1970: с. 23]. Сходную точку зрения можно усматривать и в следующем высказывании Б. Гавранека: «Термин двуязычие следует применять лишь к коллективному двуязычию <...>. Индивидуальное двуязычие может стать объектом лингвистического исследования, но лишь как симптом, а не как факт конкретного развития языка» [Ильяшенко 1972: 96].

Имеются, однако, и такие ученые, которые отдают должное значению именно индивидуального двуязычия. Так, А. Мартине, допуская, что индивидуальный билингвизм «всегда будет оставаться на втором плане», тем не менее отмечает его значение в развитии языка, приводя пример Цицерона, древнеримского политического деятеля, оратора и писателя, носителя латинско-греческого двуязычия, оставившего в этом смысле заметные следы в языке того общества, в котором он жил и творил [Мартине 1972: 85]. Обра-

тим внимание: речь в примере Мартине идет о той разновидности индивидуального билингвизма, которую логичнее всего было бы назвать *творческим литературным билингвизмом* [Николаев 2013: 93].

Итак, двумя базовыми, наиболее очевидными разновидностями билингвизма, по мнению исследователей, следует признать билингвизм социальный и билингвизм индивидуальный. Такое различие основано на факторе числа носителей соответствующих билингвальных способностей и условиях их реализации. В первом случае подобным носителем выступает сообщество, понимаемое широко – от небольшой группы людей (например, семьи, трудового коллектива и т.д.) до социума как естественного окружения индивида, его «среды общения» (все население государства или хотя бы его большая часть). Во втором случае таким носителем выступает индивид, реализующий свои билингвальные способности лишь по мере необходимости – например, литератор, вводящий в текст произведения иноязычие и делающий такой прием намеренным, хотя и факультативным признаком своего творческого метода. Между двумя этими полюсами, однако, четко прослеживается еще одна разновидность билингвизма, представляющая собой переходный случай, одновременно несущий в себе черты социального и индивидуального билингвизма. Эту «промежуточную» (не только в данной иерархической схеме, но и по существу выполняемых ею коммуникативных функций) разновидность можно определить как *профессиональный билингвизм*.

Профессиональный и социальный билингвизм как две разновидности феномена декристаллизуют через интерференцию нормативную систему как первого, так и второго контактирующих языков идиомов типа *Spanglish*. При этом, если раньше разделение индивидуального, профессионального и социального двуязычия было целесообразным, то в нынешних условиях развитых транспортных и информационных технологий оно становится по большей части формальным, поскольку эффект индивидуального билингвизма практически соразмерен с эффектом массового билингвизма. Следовательно, придерживаться сосюрговской позиции и рассматривать язык как нечто от-

носительно устоявшееся и по существу не зависящее от индивидуальной речи в настоящих условиях глобального билингвизма будет не вполне корректно.

Как видно из приведенного краткого обзора литературы о делении билингвизма по количественному признаку и сделанным выводам, взятые для анализа различные домены коммуникации *Spanglish* возможно отнести к индивидуальной, профессиональной и социальной билингвальным ситуациям. При этом профессиональная и социальная ситуация обеспечены не столько языком (т.е. *Spanglish* как системой), сколько индивидуальной речью билингвов, находящей сегодня беспрепятственное распространение в государствах испанидад и США. Таким образом, поскольку сложившаяся билингвальная ситуация уникальна и основана на речи конкретных индивидов, а система *Spanglish* подвержена чрезвычайно интенсивному и динамичному воздействию межъязыковой интерференции, взгляд на язык меняется. По этой причине более разумным видится изучение интерференции именно в речи.

Итак, определив основные принципы и вектор исследования современного языка и (неизбежно) интерференции, рассмотрим инструментарий для достижения поставленной цели.

Методы исследования интерференции в языке и речи отличны друг от друга по ряду признаков. Изучение закрепившихся в языке заимствованных элементов проще, так как они могут быть выявлены, например, посредством повторяющихся вопросов. Что касается анализа письменных текстов, то данный метод применим как в случае с интерференцией в языке, так и в случае с речью.

Здесь уместно было бы воспользоваться понятием «эритажник», обозначающим билингвальную личность, которая приобретает навыки владения вторым языком вне рамок систематического обучения [Протасова 2014: 118]. Иными словами, исследование письменных текстов должно основываться на результатах речевой деятельности эритажников, поскольку именно они не изучали второй язык в процессе институционального обучения, не посещали

организованные и полноценные занятия (как в случае с первым языком), где бы их знакомили с нормой второго языка для ее сознательной консолидации.

Кроме этого, если речь идет о творческом литературном билингвизме, то автор, будучи даже эритажником, может сознательно не следовать норме одного из языков, создавая тем самым благоприятные условия, приближенные в какой-то степени к условиям речи, для исследования своих трудов в плане «интерференциальных следов». Стоит сказать, что и в целом тенденцию к расширению границ речевой свободы отмечают многие исследователи [см., например, Авина 2007: 10; Кирилина 2011: 58 и др.]. Безусловно, подобную тенденцию можно обнаружить и в ареалах применения *Spanglish* как в устной, так и в письменной формах выражения.

Изучение интерференции в речевом акте в большей степени зависит от различного рода условий. Так, исследователь сталкивается с проблемой поиска мотивировки испытуемого или наблюдаемого при выборе того или иного знака, поскольку данный выбор часто может быть неосознанным. Поэтому в подобных случаях применим метод интроспекции, предполагающий билингвизм непосредственно у исследователя. При этом разновидность билингвизма (естественный, искусственный, сбалансированный и т.д.) не имеет существенного значения, если известна специфика интерференции каждой такой разновидности (особенность исследования интерференции при сбалансированном билингвизме будет рассмотрена далее).

Помимо лингвистического и социолингвистического анализа [Вишневская 2016; Derrick 2015] (примеры см. в разделах 1.2, 2.1 и 2.2) и уже упомянутой интроспекции, углубленное изучение интерференции требует привлечения концептуального анализа, который бы охватывал когнитивный аспект явления и вбирал в себя ряд методик экспликации концептов. Ключевой из этих методик для понимания элементов интерференции на концептуальном уровне должен стать анализ различных билингвальных дискурсов, позволяющий выявить изначальный и конечный облик концепта (см. раздел 2.1).

В процессе исследования явления переключения кодов, наблюдаемого при сбалансированном двуязычии, особую роль играет интерференциальный элемент, инициирующий такое переключение. Дж. Липский (1985) по результатам анализа речи ведущих и слушателей англо-испанских радиостанций обнаружил, что интерференциальным элементом обычно выступают предлоги, устойчивые выражения (неизменяемые части речи) и границы предложений. Добавим, что в качестве интерференциального элемента может выступать как знак кода, с которого производится переключение, так и знак кода, на который производится переключение. Наиболее существенным здесь является его инициализирующая функция. Рассмотрим примеры.

	<i>Spanglish</i>	<i>Английский</i>
1)	<i>Pues I think I'm just goint to trabajar y luego voy a ir a LA.</i>	<i>Well I think I'm just going to work and then I'm going to LA.</i>
2)	<i>And... quiero dormir porque, you know, I don't get much sleep.</i>	<i>Y... quiero dormir porque, ya sabes, no duermo mucho.</i>
3)	<i>Mi novio, he wants to sunbath.</i>	<i>My boyfriend he wants to sunbath.</i>
4)	<i>Soncomotherehours.</i>	<i>It's about a three-hour drive.</i>

[<https://www.youtube.com/watch?v=8mrys2qjhYs>]

(1) В данном высказывании следует обратить внимание как на предлог *to*, так и на междометие *pues*, который выполняет разделительную функцию. Интерференциальный элемент, представленный предлогом, отождествляется по субстанциональному сходству с аналогичным испанским предлогом *a* и не мешает говорящему продлить высказывание на другом коде, в отличие от интерференции при несбалансированном двуязычии. В качестве обоснования реализации ассоциативного потенциала можно назвать последующее у *luego* ‘and then’, расположение которого после инфинитива в достаточной мере консолидировано в обоих языках.

(2) В данном высказывании интерференциальным элементом служит *quiero* – возможно, в силу того, что отражение базальных потребностей гово-

рящему привычнее осуществлять на языке бытового общения – испанском. Следующим интерференциальным элементом является *youknow* – устойчивое выражение, за которым следует реализация ассоциативного потенциала, обусловленная, вероятно, тем обстоятельством, что социальная жизнь говорящего обслуживается английским, и именно социальная активность не позволяет получать достаточно времени для сна.

(3) В третьем высказывании наблюдается дублирование подлежащего с помощью личного местоимения *he*, которое в нормативном испанском при отсутствии необходимости в дифференциации лиц или эмфазы опускается. Как испанский глагол *querer*, так и английский *want* являются частотными в обоих языках – признак, который можно рассматривать в качестве субстанционального для отождествления знаков. Поскольку употребление английского глагола предполагает использование фактического субъекта, говорящий интуитивно «продублировал» его в форме личного местоимения.

(4) В четвертом высказывании интерференциальным элементом видится числительное *three*, которое по частичному формальному сходству отождествляется с испанским *tres*. Подкрепляет данное предположение и отклонение от нормы на фонологическом уровне: говорящий произносит [tri:] вместо [θri:]. Реализация ассоциативного потенциала происходит, вероятно, в связи с относительно устойчивой связью с последующим элементом – *hours*.

Итак, поскольку в сложившихся условиях глобального билингвизма речь слабо способствует консолидации языковой системы как нормативной, сам факт билингвизма указывает на первостепенное значение исследования именно интерференции в речи. При этом интерференция в языке перестает находиться в прямом отношении с билингвальной коммуникацией как таковой, в то время как интерференция в речи указывает на ее присутствие. *Spanglish*, как и иные идиомы аналогичной природы, не является языком в классическом («сосюрковском») понимании, однако должен рассматриваться в качестве такового в современном понимании [Николаев, 2019, с. 81], поскольку его слабокристаллизованное синхроническое состояние парадок-

сальным образом не препятствует эффективной коммуникации. Подобное состояние языка будет сохраняться до тех пор, пока существует глобальный билингвизм. Отдельно взятую знаковую систему на уровне сознания уже нельзя рассматривать в отрыве от интерферирующей с ней другой знаковой системы, а подобное рассмотрение языка вне контекста сознания, по сути, утрачивает смысл ввиду интенсивности интерференциальной динамики. Это относится и к исследованию языка в диахроническом срезе, поскольку в настоящей ситуации четкая периодизация в развитии языка едва ли возможна.

При рассмотрении литературы, посвященной исследованию явлениям межъязыковой интерференции, становится очевидным, что большинство изысканий лишены комплексного характера и ограничиваются лишь одним-двумя подходами, что противоречит принятому в современной науке принципу междисциплинарности. В настоящей же работе предпринимается попытка всестороннего и многогранного применения различных методов исследования.

2.4 Интерференциальный дифференциальный признак и типология сфер функционирования *Spanglish*

Как следует из раздела 1.4, любая разновидность «классического» лингва франка может занимать определенные домены коммуникации внутри границ того или иного языкового сообщества. В случае со *Spanglish* в качестве языкового сообщества выступает совокупность коммуникантов в государствах испанидад и США. При этом, как указывает наименование уже настоящего раздела, следует отметить, что в зависимости от социально-коммуникативной сферы, характеризуемой определенной билингвальной ситуацией, варьируется непосредственно и специфика самой интерференции. В этой связи разумно предположить, что, исходя из данной специфики, возможно типологизировать сферы функционирования *Spanglish* на основе интерференциального дифференциального признака.

Ж. Багана и Е.В. Хапилина отмечают, что глубина и объем межъязыковой интерференции коррелируют с субъективными и объективными факторами [Багана 2006: 55]. К числу таких факторов отнесем ситуацию билингвизма, которая дифференцируется прежде всего на основании ареала контактирующих языков. Несмотря на это, по причине уже оговоренных ранее условий глобализации данный фактор, рассматриваемый также в качестве признака деления для классификации межъязыковой интерференции, теряет свое принципиальное значение. Именно поэтому в область исследования настоящего труда допустимо включить государства, в которых наблюдается англо-испанский (испано-английский) билингвизм.

К иным факторам объективной природы причисляют степень генетической близости взаимодействующих языков и их типологические особенности [Багана 2006: 55; Ананьина 2014: 51]. Здесь уместным становится привлечение термина «имманентное развитие зыка», предложенного Б. Гавранекком для обозначения тенденции контактирующего языка вбирать в себя «то, что требуется соответственно его структуре и языковым условиям его существования» [Гавранек 1972: 107] Таким образом, ученый разделяет объективные факторы, обуславливающие специфику интерференции, на внутренние внешние.

Субъективные факторы развития межъязыковой интерференции – процесса, детерминирующего специфику данного явления, – обусловлены уровнем владения вторым языком [Багана 2006: 55; Ананьина 2014: 51]. К этому следует добавить, что существуют социально-коммуникативные сферы функционирования *Spanglish*, в которых второй язык вытесняет первый, что выражается, среди прочего, в феномене переключения кодов. Уровень владения вторым языком, таким образом, должен быть достаточно высоким, а билингвизм сбалансированным (в том представлении о понятии «сбалансированный», в котором оно раскрывается в разделе 2.2). Как правило, английский язык теряет свой домен социально-коммуникативной практики в бытовой сфере, что, собственно, подтверждается наиболее частотным проявлени-

ем в указанной сфере феномена переключения кодов (в том числе в рамках единой коммуникативной ситуации).

Термин «сбалансированный билингвизм» призван указывать именно на последовательное и регулярное применение двух языков в различных социально-коммуникативных сферах. При этом, поскольку коммуникация в бытовой сфере предполагает использование языка в малой социальной группе, именно данное обстоятельство позволяет говорить о доминирующем положении английского языка в сложившейся билингвальной ситуации.

Еще одной особенностью, свидетельствующей о господствующей позиции английского языка при сбалансированном билингвизме, является отсутствие явления переключения кодов в речи на английском [<https://www.youtube.com/watch?v=GIMQWXIPuKc>]. Когда же говорящий использует испанский в приоритетном для определенного кода домене, напротив, возникает интерференциальный элемент, переходящий в переключение кодов. Это еще раз указывает на то, что уровень владения вторым языком может быть чрезвычайно высоким, однако в силу различных причин предпочтение первого языка прослеживается неизменно.

Объяснение этому обнаруживается при рассмотрении природы билингвизма в *социолингвистическом аспекте*. При этом речь здесь может вестись о билингвизме в целом, вообще, и межъязыковой интерференции в частности, поскольку субъекту общения попросту невыгодно переключаться на другой код в не требующей либо табуирующей переключение коммуникативной ситуации. Подобный «отказ от речевой свободы» со стороны значительной по составу социальной группы отчасти и стимулирует развитие автоидентичности латинского населения США и консолидации бытовой сферы как домена, в котором происходит частичное вытеснение английского языка. При этом сложно охарактеризовать «поведение» испанского в социальной практике на бытовом уровне как агрессивное, ведь в противном случае коммуниканты всегда использовали бы только один код. В случае билингвов-эритажников

переключение часто происходит вовсе неосознанно и без какого-либо особого намерения.

Рассматривая проблему интерференции и реализации ассоциативного потенциала с точки зрения *когнитивной психологии и когнитивной лингвистики*, возможно понять несколько иной, но взаимосвязанный механизм с социолингвистическим аспектом билингвизма и межъязыковой интерференции. Взаимосвязанный потому, что словесно-логическое мышление, присутствующее только человеку, возникло и ныне развивается как следствие субъект-субъектной формы (билингвальной) коммуникации, а потому речь идет о социально детерминированном явлении.

Пониманию указанного механизма способствует анализ мыслительных и сопряженных речевых операций, совершаемых билингвом в домене *lingua cotidianus* как отчетливо манифестирующем несколько отличную разновидность интерференции. Это позволит говорить о наличии интерференциальной типологии сфер функционирования *Spanglish*.

Исследуя мышление и речь, невозможно оставить без внимания проблему взаимоотношения этих двух психических процессов [см. об этом Корниенко 2013: 7], особенно в том, что касается первичности возникновения каждого из них в конкретной речевой ситуации в условиях билингвизма. Подробно вдаваться в историю вопроса тоже нет необходимости, поэтому здесь требуется оговорка: поскольку в изучении данного вопроса консенсуса во мнениях достигнуто за долгое время не было, в настоящем анализе механизма межъязыковой интерференции исходным пунктом будет первичность мышления по отношению к речи в конкретно взятой речевой ситуации.

Итак, если мышление и речь находятся в определенных отношениях, то исключением не является и билингвальная речь. Е.Б. Таскаева, например, рассматривает в качестве критерия в определении того, является ли индивид билингвом или монолингвом, его способность «выразить мысль, правильно построив предложение на этом (втором для себя. – Э.С.) языке независимо от своего первого языка» [Таскаева 2018: 178]. Исследователь использует поня-

тие предложения в качестве основного при обозначении результата мыслительно-речевого процесса, однако с этим сложно согласиться. Здесь логичнее было бы воспользоваться понятием «высказывание», поскольку речь идет о центральной единице речи (дискурса), «которая имеет непосредственное отношение к действительности и к живому говорящему (субъекту) <...>. Только высказывание может быть верным (или неверным), истинным, правдивым (ложным)» [Бахтин 1979: 318].

В действительности, категоричность утверждений о билингвальности субъекта лишь на основании его способности полностью абстрагироваться от первого языка также способна вызвать сомнения, ведь интерференция будет присутствовать в любом случае, однако в любой новой ситуации она будет иной.

Мышление – понятие достаточно емкое; в контексте настоящего исследования важно сосредоточить внимание не на всех, а на наиболее существенных его признаках.

Во-первых, в качестве основного типа следует взять словесно-логический, поскольку именно этот тип мышления обслуживается исключительно вербальной знаковой системой (хотя некоторые исследователи пренебрегают сужением типологии мышления в своих изысканиях в области отношений «мышление-речь» [см., например, Корниенко 2013; Лобастов 2017]). В словесно-логическом мышлении, которое актуализируется при использовании вербально-знаковой системы, отражение действительности происходит через посредство языковых репрезентаций, первоначально основанных на ощущениях, запечатленных в виде ментальных образов в сознании индивида до развития словесно-логического мышления.

Во-вторых, в любом языковом образовании (в том числе *Spanglish* как образовании, возникшем в ситуации билингвизма) мышление как процесс и результат реализуется в речи, а точнее в референции высказывания, которую охарактеризуем как обобщенное отражение действительности без обращения

к номинации предметов, объектов и явлений действительности и связей между ними.

Заметим, что референция, процесс, у которого есть определенный результат, не может рассматриваться как нечто аморфное – в полном отрыве от номинации из-за все той же двойственной природы знака. Собственно, межъязыковая интерференция уже сама по себе явственно демонстрирует это: общая референция различных означающих, представленных двумя денотативными системами в сознании билингва, попеременно выражается одним из этих означающих. Иными словами, референция получает оформление в речи, однако ее связь с означающим не строгая, и она обусловлена коммуникацией. Именно высказывание, необходимость которого диктует сама коммуникация – смысл существования любого языка, – является непосредственной действительностью мысли как результата мышления.

Межъязыковая интерференция, таким образом, заставляя говорящего прибегать к применению означающих различных знаковых систем, «расшатывает» ту ментальную связь между мыслью и словом (между мышлением и речью), которая сформировалась у него и приобрела устойчивый характер при освоении первого языка. Данное утверждение верно не только для межъязыковой интерференции в классическом ее понимании, но и (в намного большей степени) для явления переключения кодов, которое Э. Хауген предлагает вынести за рамки традиционного понимания межъязыковой интерференции (см. раздел 2.2).

Однако в противоположность мнению Э. Хаугена, возможно допустить рассмотрение явления переключения кодов близким по своей сути к межъязыковой интерференции. В основу данного допущения положим идею Ф. Грожана о том, что переключение кодов может ограничиваться употреблением билингвом в качестве знака лишь одной единицы лексико-семантического уровня: «Переключение кодов – это попеременное использование двух языков; иными словами, говорящий полностью переходит на другой язык на уровне слова, фразы или предложения, а затем возвращается к

основному языку. Таким образом, билингвы, которые переключаются с одного кода на другой, говорят на языке *X* в билингвальном модусе (bilingual mode), когда они в определенный момент прибегают к языку *Y*» [Grosjean 2013: 18].

В действительности, первая часть определения переключения кодов Ф. Грожана напоминает определение понятия билингвизма – возможно, вследствие того, что исследователь не углубляется в лингвистическую природу явления.

Напомним, что в разделах 2.2. и 2.3 приводятся аргументы в пользу того, что началом любого переключения кодов является системная межъязыковая интерференция. Межъязыковая интерференция, таким образом, вероятно, начинаясь с низшего фонологического уровня (не всегда очевидного в условиях сбалансированного двуязычия) может доходить до уровня полноценного высказывания, а потому позиция французского психолингвиста о том, что использование лишь одного слова в билингвальной коммуникации имеет право на существование. И вполне логично, что в своем труде он исследует феномен билингвизма с точки зрения функционирования языков, а также сфер их применения, и отрицает возможность равноправного существования двух идиомов. Отсутствие данной возможности напрямую продиктовано предпочтением билингва того или иного кода в определенном домене общения.

В этой связи и, поскольку переключение кодов также допустимо называть межъязыковой интерференцией, видится закономерным преимущественно выделять денотативную интерференцию (преобладающую в «классической» интерференции) и референтную интерференцию (преобладающую при переключении кодов). Это служит основанием для характеристики *lingua cotidianus* как социально-коммуникативной сферы, в которой превалирует референтная интерференция. *Lingua cotidianus* в этом отношении разумно дополнить *lingua fictio*, поскольку используемый в данном домене функциональный стиль (художественный в соответствии с положениями классиче-

ской функциональной стилистики) сочетает в себе элементы всех остальных. Из числа последних следует выделить разговорный как основной для уже упомянутого домена *lingua cotidianus*, а также *lingua ars*, так как в сфере искусства коммуниканты не обременены необходимостью следовать языковой норме.

В большинстве же остальных доменов интерференция ограничивается появлением в одном идиоме системной единицы другого, которую, естественно, следует рассматривать в качестве знака, однако, как выражается М.А Рыбаков, знака как «дискретного сигнала синкретичной мысли» [Рыбаков 2016: 24]. В качестве знак эта единица может быть вычленена из потока речи, тогда как ее референт «передает нелинейную, многоплановую, не членимую на отдельные осязаемые сегменты мысль» [там же].

Иными словами, денотативная интерференция не влияет на целостность мысли. Подобная целостность характеризует первоначальное, неразвитое ее состояние.

При этом и высказывание логично рассматривать в качестве знака – большего по объему передаваемой ментальной информации и иного по своей референтной природе, ведь высказывание включает в себе законченную мысль. Об этом свидетельствуют и исследования речи при переключении кодов: началом нового высказывания или концом предыдущего является системная единица (интерференциальный элемент), из которой развивается высказывание (см. раздел 2.3).

Для иллюстрации денотативной интерференции обратимся к знакам системы, наименование которых происходит без существенных с точки зрения референтной составляющей знака причин, поскольку отражение в сознании предметов, качеств, процессов (их результатов) и т.д. реального мира, репрезентируемых этими знаками, происходит без субстанциональной разницы в языке-источнике интерференции и в языке-объекте интерференции.

<i>Spanglish</i>	<i>Английский</i>
<i>Estuve en una página web que trataba sobre cine y tenía muchos links (вместо 'hipervínculos').</i>	<i>I was on a web page about movie theater and there were lots of links there.</i>

La protección del software (вместо ‘soporte lógico’) como obra del intelecto

Protection of software as intellectual work

El lifelong learning (вместо ‘educación permanente’) permite a las organizaciones y profesionistas ser competitivos en un mundo tan cambiante.

Lifelong learning makes it possible for organizations and professionals to be competitive in such a changeable world.

En dos semanas su disco se ha convertido en un hit (вместо ‘éxito’).

In a two week period his CD became a hit.

Для иллюстрации референтной интерференции разумно обратиться к высказываниям как знакам, номинация которых происходит без существенных с точки зрения денотативной составляющей знака причин (как следствие наличия интерференциального элемента).

Spanglish

Английский

M: No... Which is your favorite color or Isabella?

M: No... Which is your favorite color Isabella?

I: Mmmmm. Pink.

I: Mmmmm. Pink.

M: Pink, Wow.

M: Pink, Wow.

I: Me duele la barriga.

I have a stomachache.

M: ¿Y por qué? ¿Tienes hambre?

Why? Are you hungry?

I: Sí.

Yes.

M: Tienes hambre, vamos a hacer la comida mejor.

You are hungry, let's make our meal better.

I: ¿Te duele la barriga?

Do you have stomachache?

M: Sí, un poquito, porque yo

Yes a little bit, because I'm hungry too.

tambien tengo hambre.

Me too.

I: A mí también.

[Arias 2005: 98]

Сближение языков в сознании говорящих провоцирует переключение кодов – преимущественно референтную интерференцию, – так как речь идет о полноценных высказываниях, выражающих законченную мысль. Референция подобных высказываний на языке-источнике и языке-объекте интерференции отличается несущественно, иными словами, нет радикальной разницы в каких-либо экстралингвистических нормах, однако сам принцип языковой конвергенции не позволяет сомневаться в наличии интерференциального влияния на уровне референции.

Более очевидным подтверждением этого может служить анализ речи билингва-эритажника. Объектом подобного анализа станет иная референция с точки зрения языка-источника интерференции.

Для этого необходимо сосредоточить внимание на чем-либо устойчивом – например, на лексико-фразеологической системе языков, представляющей закрепленные в языке образцы мышления, прочно сложившиеся на основе национально-культурного опыта конкретной языковой общности [Зеленев 2012: 53-54]. Поскольку речь идет о двух языковых общностях, то и пространство значений (термин, предложенный А.Н. Леонтьевым [см. Леонтьев 1976: 26]) также будет подвергаться интерференции.

Так, известная американская поговорка *actions speak louder than words* (букв. «дела говорят громче, чем слова») диссонирует на хорошие референции высказывания с такой испанской, как *buenas palabras y Buenos modales, todas laspuertas abren* (букв. «добрые слова и вежливые манеры открывают все двери») или *con buenas palabras y mejores hechos, conquistarás el mundo entero* (букв. «добрыми словами и еще лучшими действиями завоюешь весь мир») и отличается по смыслу от *del dicho al hecho hay mucho trecho* («от слова до дела — целая верста»). Однако в испанской речи американского блогера Фредди Де Анда [<https://www.youtube.com/watch?v=JMD5bRTqVzM>] ключевой стало именно высказывание *las disculpas no significan nada, las acciones significan todo* (букв. «извинения не значат ничего, действия – все»), в котором на уровне наименования можно отметить разве что слово-знак *acciones* (*действия*), который в действительности не является столь существенным для того, чтобы утверждать о преобладании в данном примере денотативной интерференции. Данный знак служит скорее лишь признаком, доказывающим ментальную связь между закрепленными в языке исходным (*actions speak louder than words*) и реальным высказываниями.

Таким образом, есть все основания для выделения группы сфер, в которых превалирует референтная интерференция. В эту группу входят в первую очередь *lingua cotidianus*, *lingua fictio* и *lingua ars*; во вторую – сферы с пре-

обладанием денотативной интерференции: *lingua corporativa, lingua educatio*. В последних это происходит вследствие того, что говорящие не столь регулярно переключаются с одного кода на другой, и сближение языков не столь интенсивно, в то время как в сферах с преобладанием референтной интерференции подобное можно наблюдать в рамках одной речевой ситуации, что вызывает интерференцию на уровне главной мыслеобразующей единицы – высказывания как основного знака коммуникации.

2.5 Объем и глубина интерференции как сущностные критерии билингвизации дискурса

При описании современного разноязычного дискурса (см. раздел 2.1) с учетом социо-, психо- и нейролингвистических, прагматических и когнитивных характеристик этого процесса целесообразно прежде всего обратиться к понятию «устный билингвальный дискурс». В дефиниции соответствующего термина, предлагаемой Ю.А. Карповой, дискурс переводчика при устном последовательном переводе принципиально характеризуется как билингвальный [Карпова 2011]. Однако очевидно и то, что реализация билингвального дискурса осуществляется не только в таком особом виде речевой деятельности, как устный перевод, хотя именно в нем факт билингвизации не подлежит сомнению уже потому, что сам процесс перевода протекает в билингвальной ситуации общения (или, иначе, в ситуации билингвального общения).

При этом открытыми остаются два вопроса:

- 1) кого следует считать билингом при отсутствии промежуточного звена в лице переводчика, необходимость в котором возникает в условиях использования различных кодов отправителем и получателем сообщения; и
- 2) возможна, допустима ли билингвизация дискурса вне коммуникации с использованием лингва франка.

Что касается первого пункта, то на этот счет существуют различные точки зрения, однако ни одна из них исчерпывающего ответа не дает (см., например: [Щеглова 2017; Grosjean 2012: 18-27; Luk 2015; Surrain 2019 и

др.]). Существенно здесь и то обстоятельство, что интерес исследователей к установлению критериев билингвизма не идет ни в какое сравнение по своей значимости и содержательной сложности с установлением аналогичных критериев монолингвизма. Вызвано данное обстоятельство, по-видимому, наличием первого языка и его интерференциальным влиянием на второй: при плохом знании и владении нормой и ее слабой консолидации в речи более устойчивая система неизбежно поглощает слабую, что приводит к монолингвизму или утрате одного из языков. Наиболее явственно это проявляется в условиях погружения билингва в раннем возрасте (когда системы первого и второго языков еще не приобрели интегрированного и целостного характера) в коммуникативную среду второго языка.

Суть здесь в том, что способность любого монолингва коммуницировать не ставится под вопрос уже только потому, что он монолингв. Но как только речь заходит о билингвизме, возникает естественная необходимость в установлении уровня владения вторым языком.

Начать следует с того, что уже ко второй половине XX в. в определении понятия «билингвизм» устанавливается немаловажная тенденция: билингвизм противопоставляется монолингвизму и отделяется от последнего. Общую формулировку, которая отталкивается от сравнения и противопоставления этого феномена явлению монолингвизма, в отечественной научной среде дает Е.М. Верещагин: «Если первичная языковая система определенным членом семьи используется во всех прочих ситуациях общения и если им никогда не используется иная языковая система, то такой человек может быть назван монолингвом <...>. Предположим, что в определенных ситуациях общения употребляется и иная языковая система (вторичная). В этом случае носитель двух систем общения <...> называется билингвом <...>. Относящиеся к первому и второму случаю умения, то есть умения, присущие соответственно монолингву и билингву, называются монолингвизмом и билингвизмом» [Верещагин 2014: 19]. Следует отметить, что понятие «исполь-

зование системы» в приведенном контексте чрезвычайно неконкретно, поскольку предполагает достаточно широкий диапазон интерпретаций.

Продолжая дискуссию о проблеме использования второй системы в различных доменах коммуникации, обратимся к зарубежной литературе, к мнению Дж. Эдвардза [Edwards 2006], согласно которому каждый человек является билингвом, поскольку каждый знает по меньшей мере хотя бы несколько слов на языках отличных от их первого. Иной позиции придерживаются другие исследователи. Так, У. Маки [Maskey 2000] цитирует Э. Хаугена и соглашается в том, что билингв — это только индивид, способный создавать полноценные в смысловом отношении высказывания [Haugen 1953: 7]. Таким образом, авторы признают в данном вопросе уровень референции высказывания в качестве наиболее существенного критерия. Очевидно и то, что продуцировать полноценные высказывания возможно и без глубоких системных языковых знаний. Примером может служить использование латыни, которая сегодня и вовсе не существует в «живой» речи, а потому здесь разумнее строить предположения на основе способности использовать систему в качестве обслуживающего инструмента словесно-логического мышления, некогда возникшего и развивающегося как раз в живой речи. Что же касается результата данного процесса, то здесь, конечно, уместно говорить уже о высказывании.

Отстраненное от перечисленных выше, плохо поддающихся измерению признаков определение дает Р. Титоне, рассматривающий билингвизм в качестве способности индивида «говорить на втором языке, следуя концептам и структуре второго языка» [Titone 1972: 11]. Иными словами, исследователь ставит во главу угла наличие/отсутствие межъязыковой интерференции в качестве признака, на основе которого можно утверждать о билингвальных способностях индивида. Подобная гипотеза наиболее объективно отражает сущность билингвизма, причем именно с лингвистической точки зрения. Ее автор обращается к умению владеть системой в речи (а значит, и в мышлении, ее обслуживающем), а не отдельными ее элементами в виде слов или

грамматически верно построенных высказываний. Кроме того, поддается оценке и объем межъязыковой интерференции: «интерференциальные следы» можно выявить, определить их характер, систематизировать, подсчитать и т.д.

Что касается глубины межъязыковой интерференции, которая, разумеется, также требует оценки при любом лингвистическом анализе, то, как явствует из предыдущего раздела, она обусловлена уровнем владения вторым языком. Уровень взаимосвязан с разновидностью билингвизма, при этом наиболее существенным является оппозиция «естественный билингвизм-последовательный билингвизм», где в качестве признака деления берется главным образом время овладения второй языковой системой. Так, вопрос о том, является ли естественный билингв (в разделе 1.1 было оговорено, что естественный билингвизм будет рассматриваться как эквивалент симультанного) билингвом, не должен подвергаться сомнению уже только потому, что второй язык был приобретен одновременно с первым (хотя в подобных случаях не всегда ясно, какой язык следует считать первым, а какой – вторым). Между прочим, подобная точка зрения соотносима с принятым взглядом в современной западной теории обучения языку, где наивысший уровень языковой компетенции C2, на который претендуют при сдаче экзамена обучающиеся, по сути, сравнивается с уровнем носителя языка, всегда приобретающим его в раннем детстве.

Здесь можно возразить тем аргументом, что определенный уровень владения вторым языком сам по себе может свидетельствовать о наличии или отсутствии билингвальных способностей, однако это не совсем так, когда речь идет об уровне именно второго языка. Дело в том, что межъязыковая интерференция вероятна не только в сознании билингва, но и в сознании монолингва, хотя в последнем случае ее глубина будет отличаться. Иными словами, на наиболее низких общепринятых уровнях (A1 и A2), овладев которыми говорящий способен ориентироваться в весьма ограниченных ситуациях общения, межъязыковая интерференция неизбежно характеризуется, по

меньшей мере, более высокой интенсивностью уже только вследствие слабой консолидации языковой нормы. Следовательно, именно межъязыковая интерференция выступает тем параметром, который позволяет максимально определенно утверждать, является ли говорящая личность монолингвом или билингвом; благодаря этому же становится возможным установить уровень владения вторым языком.

Однако возникший ранее вопрос относительно того, является ли билингвом индивид, владеющий определенным лексико-семантическим набором и, например, способный имитировать произносительный акцент «неполноценного» второго языка в первом, иными словами, использующий билингвемы, – остается без ответа. Безусловно, утверждать наличие билингвизма у подобных индивидов весьма сложно (вопреки изложенному выше мнению Дж. Эдвардса [Edwards 2006]), но говорить о билингвизации дискурса ничего не мешает: следствием имеющихся знаний является та же межъязыковая интерференция. Это, скорее, некое первоначальное состояние билингвизма, когда индивид дифференцирует знаки первой языковой системы и «инородные», но данная дифференциация, должно быть, отличается от той, которая имеет место в сознании «истинных» билингвов, полноценно использующих второй язык как систему со всеми ее элементами и структурой. Не следует также забывать о том, что отдельной системой выступает и конкретное речевое произведение как результат мышления. Внутренние связи и взаимоотношения его элементов составляют структуру речевого произведения. Таким образом, каждая ситуация билингвизма предполагает билингвизацию дискурса, но билингвизация дискурса может проходить и вне рамок билингвальной ситуации, а значит, и не порождать ее.

В этой связи необходимо напомнить, что ситуацию билингвизма порождает коммуникация на лингва франка (на *Spanglish* как одной из его распространенных форм), который в то же самое время возникает в ней. Следовательно, должны существовать такие разновидности билингвизации дискурса, которые реализуются в условиях коммуникации на лингва франка в силу

того, что «субъекты индивидуальной и коллективной коммуникации на лингва франка автоматически могут считаться билингвами, а сама коммуникация билингвальной – по той причине, что структура лингва франка всегда будет обнаруживать признаки первого языка» Николаев, 2019, с. 74]. И, напротив, должны существовать разновидности билингвизации, проходящие вне рамок коммуникации на *Spanglish*, поскольку и монолингвы (или индивиды, не владеющие одним из языков лингва франка) могут быть частью коммуникации на *Spanglish*, а их мышление и речь подвергаться интерференциальному влиянию.

Итак, настаивать на истинности того, что быть билингвом значит подавлять любого рода интерференцию, – необоснованно, поскольку любой билингв неизбежно употребляет в коммуникации своеобразный лингва франка. Наличие же интерференции – не повод утверждать о полном отсутствии билингвизма (изначально исходя из определения Р. Титоне); как уже отмечалось в разделе 1.1, координативный билингвизм – это идеальное представление об отношениях двух языковых систем, не находящее отражения в природе. Подтверждается это тем, что «второй язык при определенных условиях (допустим, в результате длительной эмиграции) может стать первым языком индивида» [Николаев 2013: 91]. Подобное можно часто наблюдать в результате погружения во второй язык, вызывающего интенсификацию обратной интерференции (из второго языка в первый).

При этом ситуация будет оставаться билингвальной, а дискурс в ней подлежать билингвизации, даже если число билингвов – участников коммуникации не более одного, ведь даже в этом случае последствия в определенном отношении будут одинаковы как для билингвов, так и для монолингвов (или лиц, не владеющих одним из двух языков билингвальной ситуации), т.е. будет проявляться влияние межъязыковой интерференции.

Обнаружив разницу в билингвальной ситуации («билингв-билингв» vs «билингв-монолингв»), а также допуская возможность билингвизации дискурса за рамками билингвальной ситуации, считаем необходимым предпри-

нять попытку найти ее и в природе межъязыковой интерференции, характеризуемой, как уже было отмечено, параметрами объема и глубины. С этой целью разумно обратиться к практической стороне исследования и рассмотреть конкретные примеры билингвизации дискурса.

Элементы дискурса как результат билингвизации на английском/испанском

El manager del equipo, Brendan Rodgers, es un gran admirador del joven francés tras su periplo en Parkhead.

Estuve en una página web que trataba sobre cine y tenía muchos links.

You must know someone who's strapped for cash in the barrio.

I was one empanada away from a heart att.

Перевод на русский

Менеджер команды – Брендан Роджерс – стал высоко ценить талант француза после его переезда в Паркхед.

Я был на какой-то веб-странице о кино, и там было много ссылок.

Ты наверняка знаешь кого-нибудь, кому нужны деньги в каком-нибудь бедном районе.

Я был как блин после сердечного приступа.

Допустим, что в приведенных примерах отправитель сообщения не является полноценным билингом. С другой стороны, в них можно наблюдать употребление англицизмов *manager* и *link* и испанизмов *barrio* и *empanada* (довольно частотных в соответствующих языках – дескриптивная норма), являющих собой проявления межъязыковой интерференции. Данные интерференции¹ не могут служить основанием для характеристики конкретно взятого высказывания в качестве части коммуникации в рамках билингвальной ситуации, так как: а) глубина интерференции обладает определенной спецификой (не воспринимается монолингом как нечто явно инородное) и б) получатель сообщения (предположительно) также является монолингом. Тем не менее, вполне очевидно следующее: в рассмотренных примерах имеет место билингвизация дискурса, что позволяет выделить подобного рода интерференцию в качестве вида и определить ее как внешнюю (пришедшую из постоянно изменяющегося языка вследствие массового билингвизма в государствах

---

¹Понятие интерференции и соответствующий термин, обозначающий единицу измерения степени проявления интерференциальных процессов, вводит и развивает в своих трудах Р.И. Хашимов [Хашимов, с. 88, 2003]

испанидад и США) и неконтрастивную (недифференцируемую как относящуюся ко второй языковой система в сознании говорящего).

Несколько иначе по своей глубине манифестирована интерференция в песенном дискурсе американской певицы Мадонны, в текстепесни *La Isla Bonita*, отрывок из которой приведен ниже:

*Cómo puede ser verdad
Last night I dreamt of San Pedro
Just like I'd never gone, I knew the song
A young girl with eyes like the desert
It all seems like yesterday, not far away*

Высказывание *cómo puede ser verdad* (букв. ‘как это может быть правдой’), очевидно, никак не могло осесть в английском языке в качестве дескриптивной или прескриптивной нормы (как в случаях с внешней неконтрастивной интерференцией); говорящий явно не владеет испанским языком. В данном фрагменте дискурса, который следует отнести к домену *lingua ars*, речь идет о переключении кодов: законченная мысль выражается на другом языке, но, разумеется, происходит это неспонтанно, как в ситуации сбалансированного билингвизма. В качестве наиболее значимого фактора для выделения следующей разновидности интерференции следует рассматривать очевидность отнесенности встроенного высказывания на испанском к инородной языковой системе, что позволяет говорить о внешней контрастивной интерференции.

Результатом подобного переключения кодов стала предшествующая вовлеченность говорящего в ситуацию общения на лингва франка, которая, как уже было оговорено, по своей природе является билингвальной. Так, не являясь англо-испанским билингвом, автор произведения снабжает свое творение маркерами, взятыми из билингвальной языковой (или речевой) среды.

Прецедент, во многом аналогичный приведенному выше, причем тоже на материале популярного песенного текста и также демонстрирующий неполное, недостаточное владение вторым языком со стороны говорящего субъекта, был описан в работе С.Г. Николаева [Николаев 2018: 49].

Однако главным итогом проводимого анализа должно стать преимущественное разграничение интерференции по ее источнику на внешнюю и внутреннюю. В наиболее чистом виде внешнюю интерференцию возможно наблюдать как раз в приведенных выше примерах, когда интерференция априори не имеет основы в сознании коммуниканта билингвальной ситуации: нет частичного или субстанционального формального соответствия, благодаря которому происходит отождествление между знаками (или элементами системы выражения или содержания) двух языков. Об упомянутом соответствии допустимо говорить лишь тогда, когда две языковые системы лингва франка уже существуют в сознании индивида.

Как следует из вышеизложенного, помимо внешней, есть и внутренняя интерференция, которая, как и первые две разновидности, выступает в качестве существенного критерия билингвизации дискурса. Рассмотрим следующие примеры, взятые из устной речи студентов, сдающих экзамен IELTS уровня C1:

So, I think people here are going to remember this experience more than these [ðis] once.

And they've certainly faced some difficulties, such as keeping up with all the work from colleagues or the (!) school and also coping with all the problems they could have with their friends colleagues ['koliks].

В приведенных примерах, которые следует отнести к домену *lingua educatio*, первый язык обоих говорящих — испанский. Наблюдаемая интерференция в основном относится к фонологическому уровню: произношение *these* как [ðis] и *colleagues* как ['koliks]; данное обстоятельство позволяет говорить о способности коммуникантов использовать вторую языковую систему для обслуживания мыслительных процессов. Таким образом, речь идет о внутренней неконтрастивной интерференции. Ее неконтрастивный характер обусловлен неспособностью говорящих четко дифференцировать гласные и согласные во втором языке. В случае с гласными это происходит из-за их более ограниченного пространства – устной речевой прескриптивной нормы, присущей первому языку говорящего субъекта

(<https://www.google.com/search?q=%22vowel+space%22&oq=%22vowel+space%22&aqs=chrome.0.69i59j0l7.4343j0j7&sourceid=chrome&ie=UTF-8>).

Наконец, последнюю разновидность межъязыковой интерференции можно наблюдать в случае спонтанного переключения кодов.

	<i>Spanglish</i>	<i>Перевод на английский</i>
(1)	<i>Muchas gracias <u>for</u> the birthday wishes from all around the world!</i>	<i>Thank you very much for the birthday wishes from all around the world.</i>
(2)	<i>Había un farmero que tenía una borreguita <u>and</u> he called it a lamb.</i>	<i>There was a farmer who had a lamb and he called it a borreguita.</i>
(3)	<i>He tied him up in a stick y después vino un coyote y dijo: "Grrrrr! Borreguita estás bien rica!"</i>	<i>He tied him up in a stick and then a coyote came and said, 'Grrrrr! Borreguita, you're very delicious!'</i>
(4)	<i>I'll tell you exactly when I have to leave, at ten o'clock. Y son las nueve y cuarto.</i>	<i>I'll tell you exactly when I have to leave, at ten o'clock. And it's a quater past nine.</i>

Сразу следует указать, что во всех четырех последних примерах интерференция проявляется одновременно на всех уровнях системы. В первом случае интерференциальный элемент *for* инициирует реализацию ассоциативного потенциала, заменяя во многом схожий испанский предлог управления *por* с точки зрения обозначаемого, поэтому данный случай можно отнести к грамматической интерференции. Однако очевидно и то, что сама по себе лексическая единица *for* относится к другой языковой системе как грамматически, так и лексико-семантически, что и подтверждает исключительный характер данной разновидности интерференции, которую охарактеризуем как внутреннюю контрастивную: говорящий способен дифференцировать предлоги *por* и *for* как относящиеся к разным языковым системам, существующим в его сознании.

Во 2-м и 3-м примерах интерференциальными элементами уже могут выступать союзы *and* и *y* (напомним, что в качестве интерференциального элемента может выступать как знак кода, с которого производится переключение, так и знак кода, на который производится переключение). С формальной точки зрения сложно найти весомые аргументы для обоснования наблю-

даемой интерференции, так как отклонение от нормы происходит на всех уровнях системы (контрастивно), а потому единственным ответом на вопрос о причине этого может быть сближение знаков *and* и *у* на уровне референта. Интерференциальные элементы, представленные, как это чаще всего происходит при переключении кодов, предложениями и союзами – в большей степени грамматическими категориями, – практически не связаны с социальными отношениями, которые во многих ситуациях объясняют явление переключения кодов; а высокая частотность (ослабляющая дифференциацию лексико-стилистических явлений), отсутствие эквивалентных альтернатив (грамматической синонимии), общность их позиционности относительно остальных элементов, а также функциональное сходство данных грамматических единиц в обоих языках (само по себе служащее источником интерференции) приводят к ослаблению консолидации в том, что касается их отнесения в сознании к системам первого и второго языков.

В действительности 4-й пример является своеобразным итогом анализа 2-го и 3-го примеров: интерференциальным элементом в нем является конец высказывания как части более широкой мысли. К слову, конец высказывания и последующая пауза в испанском языке на фонологическом уровне исключает, например, ассимиляцию звуков, что с формальной точки зрения создает благоприятные условия для переключения кодов.

Становится очевидным: чем языковые компетенции во владении вторым языком ближе к языковым компетенциям во владении первым, тем меньше объем интерференции одновременно на всех системных уровнях, последним из которых выступает грамматический. Когда интерференция формально ослабевает на этом последнем уровне, ее динамическая активность не прекращается, а концентрируется на уровне референции высказывания, текста и дискурса как знаков.

Во многом именно здесь кроется причина, по которой неестественный билингв подчас лучше разбирается в «искусственной» грамматике второго языка, нежели монолингв в раннем возрасте в грамматике того же языка. Де-

ло в том, что, превосходно овладев фонологическим и лексико-семантическим (образными) уровнями, такой монолингв должен в достаточной мере развить словесно-логическое мышление, чтобы обслуживать производимые данной разновидностью мышления операции. Более же простые операции грамматического ряда часто основаны на знаниях фонологического и лексико-семантического уровней. Так, испанские монолингвы (или естественные билингвы), вероятно, овладевают такой грамматической категорией, как род имени существительного, благодаря заучиванию существительных в связке с артиклем, полностью раскрывающем их род. Наиболее показательными примерами, которые вызывают сложности у носителей английского языка при изучении испанского в зрелом возрасте, могут служить *el garaje, el mapa, el punte, la clase, la llave, la moto*. Вообще, чем выше уровень берется для анализа, тем очевиднее становится тот факт, что взаимодействующие языки при условии высокой степени генетической близости и сходства их типологических особенностей (факторы объективной природы, с которыми коррелируют объем и глубина межъязыковой интерференции: см. раздел 2.4), характеризуются положительной интерференцией.

Подводя итог, следует акцентировать внимание на том, что оценка уровня второго языка должна проводиться с учетом интерференциальной динамики, что предполагает знание субъектом норм первого языка и способность обнаружить влияние этих норм в языке-объекте интерференции. По этой причине оценка монолингвизма, по сути, так же должна противопоставляться оценке билингвизма, как принято противопоставлять в науке сами эти два явления. По результатам исследования можно с уверенностью говорить о наличии четырех основных разновидностей межъязыковой интерференции, в основе выделения которых лежат параметры объема и глубины:

- 1) внешняя неконтрастивная;
- 2) внешняя контрастивная;
- 3) внутренняя неконтрастивная;
- 4) внутренняя контрастивная.

Под оппозицией «внешний – внутренний» понимается деление по источнику: интерференция может быть вызвана как инородной языковой системой (следы которой ранее появились в рамках коммуникации на лингва франка, устоялись или находятся на стадии становления/консолидации в качестве дескриптивной/прескриптивной нормы, в момент речи возникающей в результате по большей части референтной конвергенции знаков), так и второй языковой системой (относительно целостно существующей в сознании). Под оппозицией «контрастивный – неконтрастивный» понимается наличие соответственно различия/сходства между разноуровневыми интерферентами с уже существующими разноуровневыми дескриптивными/прескриптивными нормами.

Пункты 1 и 2 в приведенной классификации – это такие разновидности, при которых билингвизация происходит вне билингвальной ситуации, порождающей коммуникацию на *Spanglish*. Пункты 3 и 4 — разновидности, при которых билингвизация происходит «внутри» билингвальной ситуации, порождающей коммуникацию на *Spanglish*. Таким образом, билингвизация дискурса – в зависимости от типа межъязыковой интерференции – может выполнять функцию поставщика потенциальных норм и/или их консолидатора.

Выводы к Главе 2

Специфика сложившейся ситуации глобального билингвизма делает возможным и неизбежным дифференцированный подход к осознанию природы и сущности межъязыковой интерференции в целом и, конкретно, в ее воплощении в идиоме *Spanglish*. По результатам проведенного исследования допустимо утверждать, что конвергенция двух языков (английского и испанского) и, следовательно, двух соответствующих национально-культурных картин мира, ведет к развитию особой коммуникативно-прагматической среды, обусловленной дуальным социокультурным контекстом, в которой протекает коммуникация на *Spanglish*, воплощаясь в естественном, полноцен-

ном, «незатрудненном» дискурсе. В указанной среде трансформируются отношения элементов структуры традиционно понимаемого речевого акта. Стратегии, используемые для успешной коммуникации на *Spanglish*, также отличаются от стратегий в рамках коммуникации на любых иных национальных языках.

Дискурс с использованием *Spanglish* характеризуется массовостью, а специфика его реализации варьируется диатопически. Это отражается в особенностях интерференции в языке и в речи. Сам по себе дискурс на *Spanglish* порождает ситуацию неоднородного билингвизма, и здесь можно говорить о различных видах билингвизма. Так, в государствах испанидад распространен искусственный билингвизм, в то время как в южных штатах США – сбалансированный (эритажный) билингвизм, провоцирующий еще более высокую степень межъязыковой интерференции. Динамика интерференции в рамках эритажного билингвизма порождает феномен переключения кодов, возникающий не только в пределах одной речевой ситуации, но и одного речевого акта. Анализ интерферем внутри подобных отрезков речи указывает на присутствие ассоциативного потенциала, актуализация которого ведет к интерсентенциальному переключению кодов.

Интерсентенциальная интерферема, нередко детерминированная целями коммуникации в условиях эритажного билингвизма, не воспринимается говорящим как некая проблема, вызванная одним из языков лингва франка и препятствующая «свободному» говорению и/или восприятию речи (в отличие от условий искусственного билингвизма). Такое осознание отклонения от нормы как «новой нормы» способствует развитию тенденций к изменению американского английского в целом в силу все того же массового характера билингвизма. В испанском же языке (уже независимо от ареала его распространения) также наблюдаются определенные девиации, однако главным фактором изменений теперь выступает не столько разновидность билингвизма, сколько его сближение с языком международного общения — английским, чаще всего в его американской разновидности. Таким образом, речь

здесь может вестись о едином коммуникативном конструкте, интерференциальное влияние которого распространяется на все важнейшие домены *Spanglish*.

Массовый билингвизм, в котором существуют домены *Spanglish*, никак не может способствовать консолидации языковой системы, поскольку факт интерференции в речи всегда предшествует факту интерференции в языке. Таким образом, с методологической точки зрения принципиальным выводом является необходимость исследования именно интерференции в речи. Несмотря на это, интерференция в языке (особенно в тех доменах *Spanglish*, где нет строгого стремления следовать норме, среди которых следует выделить *lingua fictio*) также заслуживает отдельного внимания, поскольку является своеобразным отражением процессов в речи. Так или иначе, как в случае с интерференцией в речи, так и в языке, насущным видится принципиально комплексное исследование с применением различных методик и методов.

Подобный подход позволяет осуществить углубленное последовательное изучение референтной (преобладает в доменах *lingua cotidianus*, *lingua fictio* и *lingua ars*) и денотативной (преобладает в доменах *lingua corporativa* и *lingua educatio*) разновидностей интерференции, возникающих вследствие низкой (денотативная интерференция) и высокой (референтная) частоты переключения кодов.

Установлено, что билингвизация дискурса может проходить как внутри, так и за пределами конкретной ситуации билингвального общения. Условия подобной ситуации предполагают определенный уровень билингвизма – иными словами, определенный уровень владения вторым языком по сравнению с первым. Соотношение двух языков при установлении уровня является здесь ключевым параметром, так как оценку и квалификацию монолингвизма нельзя сравнивать с оценкой и квалификацией билингвизма. Определение качественного состояния второго языка лишено смысла лишь в том случае, если в центр внимания помещен сбалансированный билингв-эритажник, который усваивает второй язык одновременно с первым и регулярно переключо-

чается с одного кода на другой. В случае же, например, несбалансированного билингвизма данное качественное состояние следует определять искусственно с учетом специфики интерференциальных следов во втором языке. Подобного рода специфика характеризуется в первую очередь параметрами глубины и объема, заложенными в основу разработанной классификации разновидностей межъязыковой интерференции. Так, выявлены разновидности интерференции, при которой билингвизация дискурса проходит вне рамок билингвальной ситуации, и разновидности интерференции, наблюдаемые в условиях коммуникации на *Spanglish*, а значит, в рамках билингвальной ситуации. Таким образом, билингвизация дискурса, с одной стороны — в зависимости от типа межъязыковой интерференции, — может выполнять функцию поставщика потенциальных норм и/или их консолидатора. Любого рода контрастивная интерференция выполняет функцию поставщика норм, в то время как неконтрастивная интерференция эти нормы консолидирует.

Подобная интерференционная картина будет наблюдаться всегда при существовании глобального билингвизма. Таким образом, знаковые системы на уровне сознания как носителей языка-объекта интерференции, так и носителей языка-источника интерференции не должны рассматриваться в отрыве друг от друга.

Остается добавить, что предложенная классификация межъязыковой интерференции может служить инструментом для более глубокого анализа *lingua education*, *lingua ars*, *lingua fictio* и *lingua cotidianus* с целью выявления дифференциальных признаков, характеризующих каждую из перечисленных социально-коммуникативных сфер.

ГЛАВА 3. ИНТЕРФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА РАЗНОВИДНОСТЕЙ *SPANGLISH* В ЗАВИСИМОСТИ ОТ СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫХ СФЕР

Проблема языковой вариантности является одной из приоритетной в контактной лингвистике [Parab 2015; Nan 2019 и др.]. В то же время исследователи в области теории языковых контактов зачастую уделяют недостаточно внимания роли и значению межъязыковой интерференции в процессах формирования и становления того или иного варианта языка (в том числе стандартного), что само по себе не может не препятствовать получению объективного знания. Также необходимо отметить, что рассмотрение вариантности с точки зрения синхронии и диахронии, а также диатопической типологии неизбежно отходит в таких изысканиях на второй план ввиду стремительной конвергенции языков и интенсификации контактов между ними. Так, исследование мексиканского варианта *Spanglish* (т.н. *Chicano English*) не даст сколь бы то ни было отличных по своему содержанию практических результатов для понимания общего механизма межъязыковой интерференции в сравнении, например, с исследованием пуэрториканского или испанского варианта *Spanglish*, известного как *llanito*, хотя категоричное утверждение о его бесперспективности было бы также неверным. Главным аргументом в пользу такого утверждения является следующее обстоятельство: существуя сегодня не только в реальном, но и в виртуальном пространстве, говорящий индивид оказывается вне контекста географических границ, отсюда и взаимопроникновение ставших уже нормой интерферем внутри стандартных национальных вариантов. Частотность указанного явления настолько высока, что хронологически делимитировать ход развития *Spanglish* едва ли возможно. Все инновации в *Spanglish*, возникшие как следствие интерференции, носят очевидно временный характер и не позволяют использовать традиционные способы описания динамики языковой нормы, в том числе структурные явления внутри данного идиома, возможные коммуникативные модели и т.п. На первый же план выдвигается диастратический и диафазический анализы вновь воз-

никающих вариантов *Spanglish* на предмет наличия в них определенной интерференциальной специфики. Ведь именно социально обусловленные характеристики его носителей и ситуация общения следует рассматривать сегодня как наименее поддающиеся изменениям аспекты определенного варианта, что позволяет строить на их основе предположения о разноуровневых тенденциях развития *Spanglish*. Подобный подход стимулирует структурные исследования коммуникации для последующего определения перспектив возникновения качественно нового языкового образования, в роли которого может выступить и новый язык. Особый интерес здесь представляет степень стремления к норме в различных социально-коммуникативных сферах, а также обусловленная ею интерференция.

В свете вышеизложенного целесообразным будет рассмотрение интерференциальной специфики вариантов *Spanglish*, используемых в различных социально-коммуникативных сферах: научно-образовательной (*lingua educatio*), бытовой (*lingua cotidianus*), культурной (*lingua ars*) и беллетристической (*lingua fictio*).

3.1 Интерференциальная специфика *lingua educatio*

Как следует из раздела 1.4, *lingua educatio* применяется в тех социально-коммуникативных сферах, дискурсивные практики которых требуют достаточно высокого уровня знаний структурных и коммуникативных норм и с когнитивной точки зрения большей психической активности субъекта общения для естественного подавления межъязыковой интерференции. Во многом это обусловлено использованием в данном домене преимущественно письменной формы общения, которой зачастую предшествует (например, при публикации статей в научных изданиях и презентации докладов на конференциях и симпозиумах) процесс тщательной вычитки и корректировки языка текста. Таким образом, несмотря на высокую интенсивность протекания языковых контактов в рамках *lingua educatio*, можно предположить, что наложение разных языковых норм в интерференциальной динамике созна-

тельно сводится к минимуму, что приводит к формированию вполне определенной интерференционной картины (подробно об этом см. раздел 1.2).

В разделах 2.2 и 2.3 аргументируется идея о том, что, функцию инициализатора любого переключения кодов выполняет системная межъязыковая интерференция, а потому допустимо предположить, что вне рамок системных уровней в *lingua educatio* отклонение от норм не столь частотно, как, например, в *lingua cotidianus*, – если, конечно, это отклонение не продиктовано, например, задачами научного исследования, которое обслуживается коммуникацией на *lingua educatio*. Иными словами, доходить от низшего фонологического уровня до уровня полноценного высказывания (как это происходит в условиях сбалансированного билингвизма) межъязыковой интерференции в *lingua educatio* «запрещено» принципами самой коммуникации в данном домене, при этом предпочтение, которое отдает билингв тому или иному кода в определенном домене, отходит на второй план. Здесь, основываясь на параллельной идее Ф. Грожана о невозможности равноправного существования английского и испанского в тандеме *Spanglish* с точки зрения их функционирования и применения в различных социально-коммуникативных сферах [Grosjean 2013], вполне логично еще раз напомнить, что положение дел аналогично и в плане объема и глубины межъязыковой интерференции: *lingua educatio* обладает собственной, характерной исключительно для себя, интегративной коммуникативной спецификой.

Несмотря на не столь высокую степень межъязыковой интерференции, полностью оградить письменный дискурс в *lingua educatio* от проникновения норм других языков невозможно уже только из-за существования определенных принципов лингвистических изменений. У. Лабов выделяет в их основе собственно лингвистические, когнитивные, социальные и культурные факторы [Labov 1994, 2001, 2010]. И здесь под изменениями подразумевается возникновение новых норм, явившихся результатом межъязыковой интерференции. Первые два фактора предположительно неизбежны в любом секторе *lingua educatio*, в то время как последние два, вероятно, несколько теряют

свое влияние, особенно если речь идет о коммуникации в рамках естественных наук. Но даже в таком домене, как *lingua educatio*, допустимо говорить о социальной природе этих изменений, и здесь уместно будет привести в качестве показательного примера случай, описанный специалистом по *Spanglish* Иланом Савазом, когда его негодующий подопечный выразил недовольство тем, что *Spanglish* не используется в академической среде только из-за своего статуса «неполноценного языка». Профессор утверждает, что с целью стать ближе к реальному положению дел, в том числе и в академической среде, он задумывается о необходимости ввести в свою лекционную программу курс на _____ данном _____ идиоме [https://www.youtube.com/watch?v=vo1_sVnzKqM&list=PLxFYWWtGglTa08J4zKGTx4mW8Zrgfn5Sv&index=2].

Однако в *lingua educatio* – и это вполне очевидно – используется не только письменная форма выражения, что накладывает уже несколько иной отпечаток главным образом на лингвистические последствия в данном домене: ведь отклонения от нормы, являющиеся результатом любой межъязыковой интерференции в речи, есть явление, относящееся непосредственно к устной форме речи, «чистота» которой уже не зависит от специалистов в сфере редакционно-издательских услуг. В письменной речи данное отклонение может постепенно закрепляться в качестве нормы (подробнее об этом см. в разделе 2.3). И начало настоящей главы с раздела, посвященного интерференциальной специфике именно *lingua educatio*, неслучайно. Уже сегодня в *lingua educatio* наблюдается существенное влияние внутренних и внешних факторов, детерминирующих интерференционную картину конкретно в данном домене. Что касается последних, то отсутствие в США (эпицентре интенсификации и экспансии языковых контактов между английским и испанским языками) специальных правительственных структур, таких, например, как *Real Academia Española* в Испании, для изучения национального варианта языка и поддержания его языковой и литературной нормы вызывает непонимание у специалистов в тех странах, где стремление к консолидации норм

является частью языковой политики. Стандартизацию языка в стране обеспечивают нормативные грамматики и учебники по языковому узусу, что неспособно полностью заменить работу языковых академий, особенно после того, как учащиеся завершают среднее образование и прекращают регулярно консультироваться с соответствующими ресурсами. Учитывая ситуацию билингвизма в США и характерную для нее интерференционную картину, данное обстоятельство ставит под угрозу кодификацию национального варианта американского английского даже в таких (гипотетически) высоко нормированных сферах, как *lingua educatio*.

Следует также отметить, что на этот счет имеются и иные точки зрения. По мнению некоторых исследователей, отсутствие институтов формального нормирования не препятствует поддержанию стандартного английского языка на основе системы национального образования, ответственной за обучение языку [см., например, Найман 2013: 162]. У. Уолфрам и Н. Шиллинг считают: «без официального агентства, ответственного за поддержание единообразного формального стандартного английского языка, можно ожидать разногласий между прескриптивными грамматистами, но в большинстве случаев имеется высокая степень согласия» [Wolfram 2006: 10].

Говоря о лингва франка в целом и о *lingua educatio* в частности с лингвистической и когнитивной точек зрения, следует заметить, что вариативность, сложившаяся к настоящему моменту в том числе и особенно под воздействием межъязыковой интерференции, рассматривается как «результат чисто языкового развития вне зависимости от деятельности людей, использующих язык в социальном и ситуационном контексте» [Milroy 2005: 2].

Еще большая неясность в вопросе о нормированном английском языке и тех образованиях, которые возникают под воздействием межъязыковой интерференции, возникает в процессе преподавания английского языка как иностранного. Это приобретает особенную актуальность в контексте темы данного исследования в связи с тем, что сама по себе коммуникация в процессе преподавания английского как иностранного является частью *lingua*

educatio и помогает коммуникантам стать частью данного домена, поскольку без высокой степени знаний структурных и коммуникативных норм существовать в нем невозможно. В то же время С.Г. Николаев в этом отношении делает оговорку и выражает мнение, что *Spanglish* (как и любой другой лингва франка) некорректно отождествлять с английским/испанским как иностранным [Николаев 2019: 74]. Так, аудиторная коммуникация на английском студентов-иностранцев, прибывших в США из стран Латинской Америки, по мнению исследователя, не может рассматриваться в качестве дискурсивной практики на лингва франка, так как она протекает в учебных/формальных условиях (то есть в присутствии преподавателя, других студентов и т.д.).

С данным утверждением можно согласиться лишь в том случае, когда условия протекания процесса обучения настолько благоприятны, что студент на практике не допускает в своей речи разноуровневых отклонений от нормы под воздействием первого языка. Если же дело касается начальных уровней овладения иностранным языком (особенно если ситуация общения в аудитории допускает «умеренный билингвизм»), то так или иначе имеет место билингвизация дискурса, в любом случае предполагающая различного рода межъязыковую интерференцию (см. раздел 2.5).

Обращаясь к вопросу типологии межъязыковой интерференции *Spanglish* конкретно в *lingua educatio*, в общих чертах описанной в разделе 2.5, следует заметить: представить билингвизацию дискурса в социально-коммуникативной сфере, обслуживаемой *lingua educatio*, вне рамок билингвальной ситуации гораздо сложнее, чем внутри ее. Таким образом, билингвизация дискурса – в зависимости от типа межъязыковой интерференции – выполняет в данном домене, скорее, функцию «поставщика» потенциальных норм, нежели их консолидатора, поскольку интерференция в ней априори преимущественно внутренняя (см. раздел 2.5). Консолидации в *lingua educatio* подвержены, по всей видимости, те интерференциальные элементы, которые формально схожи в языке-источнике и в языке-объекте интерференции

как следствие высокой частотности их употребления в языке-источнике интерференции. Поскольку сама по себе частотность относится к категории нормы, при описанной интерференционной картине происходит ослабление дифференциации менее частотных и более частотных единиц системного уровня, в результате чего менее частотные нормы закрепляются в языке-объекте интерференции. Подобного рода консолидация, по-видимому, происходит из-за отсутствия эквивалентных альтернатив (синонимии на фонологическом, лексико-семантическом и грамматическом уровнях). И, поскольку в таком высоконормированном домене, как *lingua educatio*, появление новых норм табуируется, то именно превращение менее частотных норм в языке-объекте интерференции в более частотные вследствие интерференциального влияния и должно стать главной отличительной чертой интерференционной картины в рассматриваемом домене.

Необходимость исследования *lingua educatio* на предмет наличия в данном домене интерференциальной специфики продиктован той гипотезой, что именно в нем стремление к норме достигает наивысшей степени. Однако подтвердить или опровергнуть выдвинутую гипотезу можно будет только после контрастивного анализа всех социально-коммуникативных сфер, выделенных и деноминированных в разделе 1.4. Целью же данного раздела является выявление интерферем именно на системных уровнях с последующим обобщением их характеристик.

Далее следует анализ отрывков дискурса, взятых из видеолекций *Bilingual Brain* профессора психологии Артуро Э. Эрнандеса – билингва из Университета Хьюстона. Поскольку говорящий является билингвом-эритажником, существенных отклонений от нормы на фонологическом уровне в его английской речи не наблюдается, поэтому анализ следует начать с лексико-семантического уровня. Кроме этого, необходимо указать на то, что с точки зрения кодификации языка фонологический уровень отходит здесь на второй план.

Лексико-семантический уровень

Главной особенностью интерференционной картины на данном уровне стало преимущественное употребление менее частотных единиц для устной речи, которые имеют частичное формальное денотативное сходство в языке-объекте и языке-источнике интерференции, при этом в языке-источнике интерференции их употребление в устной речи более частотно, либо субстанционально корректнее.

Исходный вариант со следами интерференции	Альтернативный вариант без интерференции
В испанском наиболее частотным вариантом является <i>nuevotrabajo</i>	
<i>So in this newer work (nuevo trabajo) what they did is they took images across development.</i>	<i>So in this <u>newer work</u> what they did is they took images across development.</i>
В испанском наиболее частотным вариантом является <i>siguiente</i>	
<i>Now <u>subsequent</u> work done by Elizabeth Sowell at UCLA along with Arthur Toga and a group of very well-known group that's done work with neuroanatomical MRI.</i>	<i>Now <u>following</u> work done by Elizabeth Sowell at UCLA along with Arthur Toga and a group of very well-known group that's done work with neuroanatomical MRI.</i>
Глагол <i>toencounter</i> имеет значение «познакомиться с кем-л.» или «пережить что-л.»; однако в значении «находить что-л.», как это бывает в случае с соотносимым с ним весьма частотным испанским глаголом <i>encontrar</i> , в английском обычно не используется	
<i>Well, to me it was very interesting at the time when I first <u>encountered</u> this case. I encountered it when I was an undergraduate a UC Berkeley.</i>	<i>Well, to me it was very interesting at the time when I first <u>came across</u> this case. I encountered it when I was an undergraduate a UC Berkeley.</i>
Понятие <i>picture</i> включает в себя понятие <i>image</i> в том значении, в котором оно используется. Тем не менее, говорящий раз за разом прибегает именно к лексической единице <i>image</i> , соотносимой с испанской лексемой <i>imagen</i>	
<i>And then they would take, they would then present <u>images</u>.</i>	<i>And then they would take, they would then present <u>picture</u>.</i>
<i>To a cat and look at which cells fired for which types of <u>images</u>.</i>	<i>To a cat and look at which cells fired for which types of <u>picture</u>.</i>

Грамматический уровень

В приводимых ниже фрагментах отчетливо прослеживается перенос глагольной тенденции испанского языка, выражающейся в следующем.

- 1) Глагольные формы в испанском тексте заметно превосходят по частотности использования именные формы, например:

Исходный вариант со следами интерференцией	Альтернативный вариант без интерференции
<i>The second thing we have is <u>we have an overproduction of</u> the actual connections between neurons, right?</i>	<i>The second thing we have is <u>an overproduction of</u> the actual connections between neurons, right?</i>

<i>And <u>what was found</u> was that the pruning occurred earliest in sensory parts of the brain, right?</i>	<i>And <u>the finding</u> was that the pruning occurred earliest in sensory parts of the brain, right?</i>
<i>And <u>what they found</u> was that, these metrics also showed a similar type of pattern, right?</i>	<i>And <u>their finding</u> was that, these metrics also showed a similar type of pattern, right?</i>
<i>If you recall what Rebeau proposed, he talked about early memories being organic or deeply rooted, and later memories in life being more conscious, you might use the word controlled in the psychological literature.</i>	<i>If you recall <u>Rebeau's proposal</u>, he talked about early memories being organic or deeply rooted, and later memories in life being more conscious, you might use the word controlled in the psychological literature.</i>

И нередко это происходит под влиянием распространенных в испанском языке, возможно, из-за все той же глагольной тенденции, придаточных предложений-подлежащих (*oraciones subordinadas sustantivas*), особенно, когда оные вводятся сложным относительным местоимением *lo que*, например:

Исходный вариант со следами интерференции	Альтернативный вариант без интерференции
<i>So <u>and what I mean is that the size of whatever body part is not actually represented exactly in that way in the brain.</u></i>	<i>So <u>I mean that the size of whatever body part is not actually represented exactly in that way in the brain.</u></i>
<i>So for example, if we were to take and make a picture of this area <u>what we would see is</u>, we would see a person with very huge hands.</i>	<i>Говорящий корректирует свою речь сам.</i>
<i>And in this section <u>what were going to consider is</u> how early and late learning differ, and we'll talk a lot about the nature of early learning and its sensory motor basis.</i>	<i>And in this section <u>were going to consider</u> how early and late learning differ, and we'll talk a lot about the nature of early learning and its sensory motor basis.</i>
<i>And <u>what they found was that</u> in fact, when you looked at the effect of early versus late, making them equivalent on frequency, that early was faster than late.</i>	<i>And <u>they found that</u> in fact, when you looked at the effect of early versus late, making them equivalent on frequency, that early was faster than late.</i>

2) Часто употребляются избыточные для английского текста предикаты событийной семантики типа *to happen, to occur, to exist (there's/there're), to be*, например:

Исходный вариант со следами интерференции	Альтернативный вариант без интерференции
<i>One change <u>that happens is</u> in fact, early in development there's an overproduction of brain cells, so we actually have, when we're born, more brain cells than we do later in life and as an adult.</i>	<i>One change is that, in fact, early in development there's an overproduction of brain cells, so we actually have, when we're born, more brain cells than we do later in life and as an adult.</i>
<i>So, <u>what happens is that</u> light, goes from the environment, right, in through, the eye, right, through the lens.</i>	<i>So, <u>the thing is that</u> that light, goes from the environment, right, in through, the eye, right, through the lens.</i>
<i>And <u>what happens across development is</u>, these connections between the neurons, the synapses</i>	<i>And <u>across development</u> these connections between the neurons, the synapses actually get</i>

<i>actually get pruned back, they get reduced.</i>	<i>pruned back, they get reduced.</i>
<i>Otherwise, what happens is visual development never ever seems to occur naturally.</i>	<i>Otherwise, visual development never ever seems to occur naturally.</i>

3) Частотные глагольно-завершенные конструкции с эксплицитно выраженным предикатом:

Исходный вариант со следами интерференции	Альтернативный вариант без интерференции
<i>So interestingly, birdsong is very complex, complex enough that we know now that people have suggested that some parts of grammar that are very complex are actually present in birdsong.</i>	<i>So interestingly, birdsong is very complex, complex enough <u>to know</u> now that people have suggested that some parts of grammar that are very complex are actually present in birdsong.</i>

Последний из приведенных примеров можно отнести и к характеристике, выделенной Б. Зайдельхофер [Seidelhofer 2004], которая говорит об использовании придаточных предложений с *that* вместо *to* + инфинитив. Также здесь следует обратиться к другому наблюдению исследователя: использование *isn't it?* или *no?* в разделительных вопросах в качестве универсального варианта. К слову *¿no?*, так же как и *¿sí?* и *¿verdad?* употребляется в аналогичной функции в испанском. В анализе дискурса настоящего исследования подобную тенденцию также можно проследить, однако в случае билингва-эритажника в качестве универсального варианта повсеместно используется соответствующее норме *right?* независимо от первой части предложения, например:

Исходный вариант со следами интерференции	Альтернативный вариант без интерференции
<i>And of course, the brain is divided into two hemispheres, right?</i>	<i>And of course, the brain is divided into two hemispheres, isn't it?</i>
<i>And after that, it travels down the optic nerve, through some subcortical circuits and then back to the occipital lobe, right?</i>	<i>And after that, it travels down the optic nerve, through some subcortical circuits and then back to the occipital lobe, doesn't it?</i>
<i>And then as we go through the frontal lobe, more and more forward, you get more and more complex types of processing, right?</i>	<i>And then as we go through the frontal lobe, more and more forward, you get more and more complex types of processing, don't you?</i>

Наконец, следующий, последний пример иллюстрирует фактическое отклонение от нормы: нарушен порядок слов в придаточном предложении, вводимом вопросительным словом:

Исходный вариант со следами интерференции	Альтернативный вариант без интерференции
<i>We can ask about how does the brain develop, in the sense of how does it mature.</i>	<i>We can ask about how <u>the brain develops</u>, in the sense of how <u>it matures</u>.</i>

Вполне допустимо предположить, что данное отклонение вызвано отсутствием строгой дифференциации между схемами построения порядка слов в подобных случаях в испанском языке. Кроме того, продолжая, Б. Зайдельхофер пишет, что в речи билингвов часто можно наблюдать опущение окончания *-s* у глаголов третьего лица единственного числа, которое должно присутствовать в варианте без интерференции, и говорящий может просто «компенсировать» таким образом данное упущение (в перспективе своей речи) вспомогательным глаголом *does* [Seidelhofer 2004].

Подводя итог сказанному, можно констатировать, что, помимо уже ранее описанных Б. Зайдельхофер некоторых типичных для классического лингва франка отклонений от нормы, есть и такие, которые характерны именно для *lingua educatio*. Вполне определенная коммуникативная специфика данного домена заключается прежде всего в стремлении говорящего контролировать свою речь в плане ее соответствия разноуровневым нормам, что продиктовано социальными условиями домена. Поскольку исследование проводилось на материале дискурса билингва-эритажника, существенных отклонений на фонологическом уровне обнаружено не было, однако исключать таковые в речи билингва, который приобрел вторую языковую систему в условиях искусственного билингвизма, не следует. Это важно главным образом потому, что симультанная интерференция на всех уровнях способствует еще большей конвергенции языков. При этом надо отметить, что для *lingua educatio* фонологический уровень не имеет столь принципиального значения, так как большая часть коммуникации в данном домене является письменной и строго регламентированной, поэтому прямой контакт говорящих и живая речь наблюдаются не столь часто. На лексико-семантическом уровне прослеживается тенденция отдавать предпочтение тем единицам, которые по формальным признакам схожи с единицами второго языка, что может приво-

доть к незначительным отклонениям от нормы в референтном отношении. Главной особенностью грамматического уровня стал перенос глагольной тенденции испанского языка, которая не столько приводит к отклонению от нормы, сколько к увеличению частотности употребления менее частотных единиц в языке-объекте интерференции.

3.2 Интерференциальная специфика *lingua cotidianus*

Проанализировав в предыдущем разделе такой высококонформированный домен, как *lingua educatio*, здесь далее видится необходимым указать на существующий контраст в интерференционной картине диастратических вариантов *Spanglish*. В первую очередь необходимо сразу оговориться: *lingua cotidianus* – это вариант *Spanglish*, в котором часто в качестве первого языка выступает испанский, особенно, если сравнивать испанскую модификацию *linguacotidianus* по параметру частотности применения с испанской модификацией *lingua educatio*. В этой связи в данном разделе будут рассмотрены в том числе и примеры испано-английской разновидности *Spanglish*.

Как уже было отмечено в разделе 1.2, *Spanglish* во всех своих вариантах относится к числу тех идиом, которые только исходя уже из лингвистических параметров могут рассматриваться в качестве «классического» лингва франка, поскольку в его интерференциальной динамике в целом стабильно доминируют максимумы. Однако интерференциальная специфика домена *lingua educatio* указывает на то, что объем отклонений от норм может быть несущественным, а потому, начиная с настоящего раздела, интерференционная картина данного идиома, включая весь диастратический континуум, предлагается к рассмотрению в качестве трехмерной. Основанием для подобного рассмотрения интерференциальной динамики служит упомянутый контраст, выражающийся в том, что в одних сферах билингв стремится следовать нормам, а в других – нет. Иными словами, если в *lingua educatio* интерференциальная динамика в основе своей нисходящая, то в *lingua cotidianus* она, напротив, восходящая и характеризуется преобладанием мак-

симумов. Подобное развитие межъязыковой интерференции, как следует из раздела 2.4, среди прочего и в основном, обусловлено субъективными факторами, среди которых особо значимым здесь является уровень владения вторым языком. Уровень владения английским билингва, академический дискурс которого был подвергнут анализу ранее, сопоставим с уровнем первого настолько, что эти два понятия становятся тождественными, и допустимо говорить о сбалансированном билингвизме. Однако сложно представить такую ситуацию, при которой английский язык начнет терять свой домен *lingua educatio*, поскольку экстралингвистические факторы не позволяют коммуникантам допускать отклонение от нормы. Переключение кодов в *lingua cotidianus* – это следствие подобного отклонения, итогом которого является высшей степени конвергенция языков и, следовательно, более глубинное интерференциальное влияние друг на друга идиом билингва, реализуемое на уровне референции высказывания (см. раздел 2.4).

Другим фактором, относящимся больше к когнитивному аспекту межъязыковой интерференции и сдерживающим ее развитие в одних доменах (*lingua educatio*) и, напротив, способствующих ее развитию в других (*lingua cotidianus*), является языковая картина мира, которая обслуживается данными доменами.

Первые представления о «картине мира» сложились в естественных науках. Так, немецкий физик Г. Герц одним из первых применяет в своих работах данный термин для обозначения физической действительности, под которой ученый подразумевает «совокупность внутренних образов внешних предметов, из которых логическим путем можно получать сведения относительно поведения этих предметов. Внутренние образы, или символы, внешних предметов, создаваемые исследователями, должны быть такими, чтобы логически необходимые следствия этих представлений в свою очередь были образами естественно необходимых следствий отображенных предметов» [Герц 1959: 208]. За физикой последовали биология и химия. Данную картину мира Ю.Д. Апресян предлагает называть «научной» [Апресян 1993], кото-

рая в своей основе является универсальной. Универсальной во многом является и вариант языка, ее обслуживающий, а также речевое поведение употребляющих данный вариант коммуникантов, большинство которых в современном мире являются билингвами. Иными словами, в домене типа *lingua educatio*, в отличие от домена *lingua cotidianus*, расхождение норм на референтном уровне вызывает отторжение у сообщества, которое эти нормы использует в силу специфики самой научной картины мира.

Г. Герц пишет о научных концептах со строгой логикой. Однако, поскольку мышление человека принципиально основано на не классической логике, для него характерна нечеткость. Вне рамок науки мышление основано на логике с нечеткой истинностью, нечеткими связями и нечеткими правилами вывода [Лихачев 1993: 4].

Если естественные науки способствуют формированию научной картины мира, то обыденное сознание — наивной, которая во многих существенных отношениях отличается от научной. «При этом отраженные в языке наивные представления отнюдь не примитивны: во многих случаях они не менее сложны и интересны, чем научные» [Апресян 1993: 350]. И наивные представления являются концептами — когнитивными образованиями, служащими в процессе мышления неопределенным множеством предметов одного и того же рода [Лихачев 1993: 4]. Таким образом, можно считать, что концепты представляют собой нечеткие множества [Бабушкин 2003: 14], реализуемые в языковом сознании единицами различных уровней, а также ассоциациями, входящими в периферийную зону концепта [Полякова 2010: 102]. Эта связь концептов с разноуровневыми единицами системы языка еще раз подтверждает идею о возможном когнитивном начале межъязыковой интерференции.

При этом содержанием дискурса на *lingua cotidianus* может быть схоже с содержанием дискурса на *lingua educatio*, однако неполным в силу специфики обыденного сознания, а значит отличаться у каждого индивида. Отличаться содержание может и у пользователей *lingua educatio*, однако вариант

языка, описывающий, например, научные феномены, подвергается унификации научным сообществом с целью сделать это содержание более объективным и понятным для всех членов сообщества. Таким образом, важную роль при выборе материала для исследования *lingua cotidianus* играет не только содержание, но и коммуникативная ситуация.

Итак, в условиях относительной интерференциальной стабильности референтного уровня, при языковом контакте не наблюдается отсутствие наименования тех или иных знаков, имеющих в другом языке, а значит нет смысла переноса норм денотативного уровня, особенно с учетом степени закреплённости именно за английским домена *lingua educatio*. В противном случае (*lingua cotidianus*), по мнению З.Д. Поповой и И.А. Стерниной, есть все основания говорить о межъязыковой лакунарности [Попова 1984: 7].

Феномен лакунарности в целом является близким к феномену интерференции уже только потому, что оба они делятся на внутриязыковые и межъязыковые варианты и проявляются на всех уровнях системы языка. Поскольку материалом настоящего исследования служит билингвальный дискурс, именно межъязыковые лакуны представляют здесь наибольший интерес. При этом межъязыковая интерференция должна несколько изменить взгляд на природу соответствующей лакунарности, происхождение которой следует рассматривать как отсутствие существующего во втором языке означающего и/или означаемого, поскольку данное отсутствие не является единственным условием в ситуации «живой» речи билингвов: попеременная актуализация в индивидуальном сознании различных означающих для выражения их общего референтного содержания приводит, как уже было отмечено в разделе 2.4, к ослаблению границ между мыслью и словом. Подобное «расшатывание» денотативно-референтных связей создает благоприятные условия для возникновения лакун в сознании билингва, при этом в языке эти лакуны могут и не наблюдаться. Иными словами, важнейшей здесь является интерференция в речи, а не в языке. Таким образом, есть все основания утверждать, что лакунарность вызывает не только межъязыковую интерференцию в классическом

ее понимании, но и такой феномен *lingua cotidianus*, как переключение кодов, хотя два этих феномена не могут рассматриваться в отдельности друг от друга (см. раздел 2.4).

Л.К. Байрамова полагает, что феномен лакуарности (как и феномен интерференции) вызывают лингвистические и экстралингвистические факторы. Исследователь, выделяя наличие системных лакун, также особое внимание уделяет концептуальным [Байрамова 2011: 25]. На основе предложенной ею классификации лакуарных единиц и лакун (хотя и немного отступив от изначальной модели) по уже оговоренным причинам можно выделить **мотивированные и немотивированные интерферемы**. Появление **немотивированных интерферем** обусловлено психо- и нейролингвистическим аспектом межъязыковой интерференции. Иными словами, они также «мотивированы», однако их появление связано в первую очередь с самим фактом интерференции. К данному типу интерферем следует в первую очередь отнести **уровневые интерферемы**. Они взаимосвязаны с другими, так как любое языковое образование существует благодаря своей многоуровневой системе. В *lingua educatio*, как явствует из предыдущего раздела, если и есть вызванные интерференцией системные отклонения от нормы, то они связаны по большей части с изменения норм в плане частотности применения тех или иных разноуровневых единиц системы. Это обусловлено либо высоким уровнем владения билингвом языками, либо предварительной редакционной работе с текстом перед, например, его публикацией в научном издании. Сравнивая в этом отношении *lingua educatio* и *lingua cotidianus*, необходимо отметить, что в последнем варианте диапазон степени владения языком существенно разнится. Однако наиболее любопытным здесь представляется эритажный билингвизм, который, как правило, предполагает высокий уровень владения вторым языком и способность билингва переключаться с одного кода на другой в нескольких социально-коммуникативных сферах с минимальным ущербом для качества коммуникации. Любопытным еще и потому, что сбалансированный билингвизм, распространенный в США (особенно в южных

штатах), позволяет проследить, как в процессе письма и говорения билингв стремится к норме, но в то же время очевидным становится факт: говоря на английском, высказывания «подгоняются» под английский/испанский. Иными словами, билингв стремится универсализировать средства двух языков для выстраивания собственной речи, что соответствует принципу экономии в языке [о принципе экономии в языке см. Величко 2015]. Это также подтверждает идею об отклонении от нормы в плане частотности употребления системных единиц под влиянием интерференции.

Далее рассмотрим анализ фрагментов дискурса на *lingua cotidianus* эритажного билингва (7 минут 27 секунд) [<https://www.youtube.com/watch?v=xCG6UUXym44&list=PLxFYWVtGglTa08J4zKGTX4mW8Zrgfn5Sv&index=7>].

В начале монолога говорящий использует такой распространенный в испанском языке прием выражения экспрессивности, как повторение интенсификаторов *really* ‘mucho’, *very* ‘muuy’:

Being bilingual was something that she really, really stressed for us.¹

It was very, very, very important to my parents that we, myself and my syblings, became bilingual.²

Для последнего примера также характерна особенность, которую отмечает Б. Зайдельхофер [Seidelhofer 2004]: употребление придаточных предложений с *that* вместо конструкции *to* + инфинитив. В качестве соответствующей норме альтернативы можно предложить вариант:

My parents thought it was very important to my siblings and me to become bilingual.

Глагольная тенденция испанского языка, элементы которой были обнаружены в *lingua educatio*, находит свое интерференциальное отражение и в *lingua cotidianus*, что, помимо примера 1, можно наблюдать в следующих фрагментах:

And this is what she didn't want to happen, so what happened was the focus shifted.³

Being bilingual is something I truely believe has really had an impact in how I lived my day-to-day life – from getting a job, to excelling in school, to making connections in my community.⁴

На грамматическом уровне в примере 4 наблюдается нарушение управления во фрагменте *had an impact in how ...*: предлог *in* употребляется говорящим вместо нормативного *on*, вероятно, вследствие частичного формального сходства с аналогичным для данной системы выражения испанского языка предлогом *en* (ср. *Las declaraciones del presidente causaron gran impacto en la opinión pública.*), что приводит к актуализации динамического потенциала данной нормы испанского в языке-объекте интерференции.

Похожий случай представляет собой фрагмент *exceling in school*⁵: если исходить из национальной нормы американского английского (как и британского английского), то употребление предлога *in* для обозначения школы как института (без апелляции к пространственному расположению) является отклонением от нормы, вызванным все тем же – отождествлением с предлогом *in* по частичному формальному сходству, так как в испанском есть только один предлог для подобного выражения – *en*. Еще один похожий пример – *Even learning in school ...*.⁶

Любопытным представляется семантическое калькирование во фрагменте *San Juan is this beautiful place, the capital of Puerto Rico.*⁷: с позиции английского языка употребление указательного местоимения *this* в данном номинативном контексте является отклонением от нормы, в то время как в испанском указательное местоимение *este* здесь может использоваться для эмпазы.

Фрагмент *In Puerto Rico my whole family has been there for generations and generations.*⁸ заслуживает внимания тем, что говорящий при наличии выбора между глаголом в единственном и множественном числе в английском, отдает предпочтение первому варианту – единственно возможному с позиции нормы испанского языка. И здесь снова уместно обратиться к идее, предложенной в разделе 2.4, о том, что есть нормы, которые под воздействием языка-источника интерференции, «забываются» билингвом вследствие высокой частотности применения в языке-источнике интерференции и отсутствия необходимости их употребления при наличии другой, схожей, идентичной

как для языка-объекта интерференции, так и для языка-источника интерференции. Аналогичная унификация норм находит свое отражение и в высказывании *My father's side of the family speaks predominantly English.*⁹

В ходе своей речи говорящий трижды использует глагол *to raise* 'воспитывать', и в данном значении он похож на испанский глагол *criar*. Это позволяет существенно уменьшить необходимость в употреблении конструкции *to be brought up*, являющейся единица из категории фразовых глаголов (*to bring up*), отсутствующей в испанском языке:

*I was raised there.*¹⁰

*And not only was <he> in the Air Force, he was actually born and raised in Brooklyn.*¹¹

*My mother was born and raised in Puerto Rico, lived her whole life there.*¹²

Продолжая анализ фрагмента 11, отметим, что говорящий опускает личное местоимение (*he*), что в данном контексте также характерно для испанского языка.

В испанском языке глагольная форма единственного лица множественного числа в прошедшем времени, аналогичном во многих отношениях *past simple*, – *pretérito indefinido* – у правильных глаголов идентична соответствующей форме в настоящем времени, что отражается в форме межъязыковой интерференции во фрагменте *In the house we did not speak English, we speak Spanish.*¹³

В примере *When it come to asking my parents how they learned English ...*¹⁴ можно наблюдать нечто похожее, однако здесь речь идет о 3-м лице единственном числе, и говорящий, вероятно, забывает изменить форму из-за отсутствия необходимости вносить изменения в корень слова в испанском языке.

В *The primarily language I spoke was Spanish.*¹⁵ билингв использует наречие *primarily* в качестве порядкового числительного, отождествляя его по частичному формульному сходству, по всей видимости, с порядковым числительным испанского языка *primero*. Следует также отметить паузу, сде-

ланную после употребления *primarily* в этом «ложном» значении, выдающую факт осмысления «ошибки».

На фонетическом уровне отклонения от нормы не столь частотны, поскольку, как и при анализе дискурса в *lingua educatio*, речь идет о симультанном билингвизме.

Испанский согласный [n] перед губными согласными внутри слова и на стыке слов звучит как [m], и данная норма находит свое интерференциальное отражение в *In Puerto Rico* ['ĩm 'pweɾ.to 'ri.ko], *it's not just Spanish that is spoken*.¹⁶

Следуя фонологической норме испанского языка под влиянием межъязыковой интерференции, билингв при артикуляции *were born* в *And it's not because they were born in the United States or anything or I'm half Puerto Rican*.¹⁷ не смыкает полностью губы, а образует посередине щель, через которую проходит струя воздуха, что в итоге дает следующее произношение ['wɜ:ɾ 'βoɾn].

В *So if you didn't already have a idea, a skill in English, you were gonna struggle with it*.¹⁸ перед *idea* употребляется артикль *a* вместо нормативного для этого случая *an*. Вероятно, это происходит потому, что в испанском эквивалент слова *idea* 'idea' женского рода и требует употребление артикля женского рода *una* (оканчивается на *a*), а не *un*, который по частичному формальному сходству отождествляется с *an*. Таким образом, в какой-то степени допустимо говорить о частичной интерференции категории рода.

Появление мотивированных интерферем обусловлено, по всей видимости, отсутствием определенных реалий в жизни билингвального сообщества (социолингвистический и когнитивный аспекты межъязыковой интерференции).

Среди мотивированных интерферем следует выделить:

1. Лингвокультурные интерферемы, указывающие на своеобразие быта лингвокультурного социума, сформированного под влиянием географического положения, истории, культуры, традиций, религии и др.

Так, во взятом из коммуникативного пространства интернета предложении *Muchas gracias muchachos por limpiar mi driveway. интерферема driveway. – Thank you very much for cleaning my driveway.* актуализировалась вследствие отсутствия обозначающей ей реалии, которая характеризует традиционный дом выходцев из государств Латинской Америки. Кроме того, актуализировалась еще и потому, что чистить *driveway* от снега в теплом климате этих государств нет надобности.

В предложении *Elviernes pasado hicimos camping, me fui con mis dos hijos por el lado de Ochomogo. → Last Friday we went camping, I went with my two children across the side of Ochomogo.* возникает интерферема *camping*, которую, хотя и можно заменить испанской лингвемой *acampada*, все же имеет несколько иное содержание: английский *camping* всегда предполагает времяпрепровождение в палатке или трейлерах и является чем-то обыденным для отпуска. При этом следует отметить, что, хотя данные признаки отсутствуют в строго прескриптивном словаре Королевской испанской академии (DRAE), они присутствуют, например, в словаре *Clave: Instalación en un lugar al aire libre para vivir temporalmente en él, generalmente en tiendas de campaña o en caravanas.* → Конструкция на открытом воздухе для временного проживания, обычно в походных палатках или фургонах.

В примере *My parents never gave me money for lunch, so me and my friends would go to the local Mexican restaurant to eat and they would give me their extra tortillas* [<https://www.UrbanDictionary.com/define.php?term=Tortilla>] используется лингвокультурная интерферема *tortillas*, обусловленная лакуной в языке-объекте интерференции.

Любопытным с точки зрения лингвокультурной интерференции также представляется концепт *barrio* 'район', который в США в латиноамериканской эмигрантской среде используется в качестве синонима *ghetto*. В примере *In Nueva York we call Spanish Harlem "El Barrio".* актуализация данного значения очевидна [<https://www.UrbanDictionary.com/define.php?term=Barrio>].

Связано это, по всей видимости, с особенностями быта проживающих в данном районе лиц.

Рассматривая глаголы, связанные с изменениями в сфере коммуникации в западном обществе, можно привести немало примеров лингвокультурной интерференции.

A: *Let me know where we're having dinner.*

B: *Sure, I'll whatsapp you later.*

Whatsappear – адаптированный под испанскую грамматику глагол *to whatsapp* [<https://www.UrbanDictionary.com/define.php?term=Whatsappear>]. Далее приведен похожий пример с глаголом *to text*. *Alguien me puede "textear" una alcapurria de jueyes???* → Кто-нибудь мне может отправить сообщение с рецептом алькапурии с раками???

2. Ментальные, ассоциативные интерферемы, отражающие мировосприятие, самосознание народов, их способ мышления, ассоциации и т.п.

В следующем диалоге, взятом из примеров для статьи по концепту *guapo* 'красивый' из *Urban Dictionary*, рассматривается англо-испанский вариант *lingua cotidiana*:

A: *Hey, are you gonna go to that party guys!? If you do, can i come too?*

B: *Shut the fuck up El Guapo.*

Как поясняет автор статьи, в данной коммуникативной ситуации – ситуации разговора между друзьями – испанское *guapo* используется в качестве саркастической формы обращения к младшему члену группы с самой непривлекательной внешностью для того, чтобы его унижить.

Лексема *pana* 'друг' в приветствии *Wats Up My Pana!* [<https://www.UrbanDictionary.com/define.php?term=pana>] употребляется как эквивалент *friend*, однако выбор в пользу данной интерферемы может быть мотивирован, например, несколько иным представлением о дружбе коммуникантов, содержание которого невозможно передать английским *friend*. Интерферема мотивирована прагматическим аспектом явления интерференции.

Таким образом, допустимо утверждать, что для *lingua educatio* характерен весьма широкий типологически спектр интерферем, и сложно выделить

определенную, свойственную лишь для данного варианта интерференциальную категорию. Даже при стремлении к норме билингв не в состоянии избежать проникновения интерференциальных элементов в язык-объект интерференции. Обусловлено это, должно быть, слишком высокой степенью конвергенции языков в наивной картине мира, обслуживаемой *lingua cotidianus*. Иными словами, в домене типа *lingua cotidianus* расхождение норм на референтном уровне не вызывает отторжения у сообщества, которое эти нормы использует в силу специфики наивной картины мира бытовой коммуникации. Специфика эта заключается в том, что данная картина мира неуниверсальна для коммуникантов-билингвов, которые вынуждены ее универсализировать не вследствие необходимости приведения ее в соответствие с объективным миром, а по причине многоуровневого расхождения норм внутри языка, используемого для ее описания. Поскольку интерференция – это многогранный феномен, рассмотренный когнитивный аспект как часть единой системы способствует отклонениям, связанным с другими: чисто лингвистическом, социолингвистическом, психо- и нейролингвистическом и прагматическом.

3.3 Интерференциальная специфика *lingua ars*

Длительный процесс контактирования между английским и испанским языками в регионе государств испанидад и США оказывал и оказывает влияние не только на системы этих двух языков, формируя *Spanglish* и его диатопический, диастратический, диафатический и диахронический континуумы, но и на когнитивную систему контактирующих субъектов. Связано это с тем обстоятельством, что воспитание, обучение, наблюдение и разнообразная рефлексия об окружающем мире проходят именно в условиях стабильных языковых контактов. Таким образом, обогащение когнитивной системы обязательно осуществляется только по схеме взаимодействия «билингв-билингв»: неизбежно возникающая интерференция в ходе языковых контактов накладывает свой отпечаток и на монолингвов. В основе данного утверждения лежит мнение Е.Г. Хомяковой о том, что именно взаимодействие языка (языков

в условиях глобального билингвизма) с мышлением, сознанием и памятью выстраивает когнитивную систему [Хомякова 2004].

Высокий уровень владения вторым языком либо такие знания о носителях одного из идиомов *Spanglish*, которые приводят к интерференции на уровне референции высказывания и предполагают когнитивную гибкость индивида (подробнее об этом см. в [Adi-Japha 2010]), открывают перед говорящим/пишущим новые перспективы, среди которых выделяется реализуемый в сфере искусства (в меньшей степени – в иных сферах) личностный творческий потенциал. С учетом сказанного в центр внимания данного раздела помещен вариант *Spanglish*, поименованный нами *lingua ars*. Согласно Дж. Майбину и Дж. Свану, важнейшей и неизбежной составляющей в творчестве билингва является параметр лингвокреативности (далее – ЛК) [Maybin 2007: 491].

Интерференция в *lingua ars* уже и сама по себе является феноменом ЛК, который, исходя из рассуждений Л. Аронина [см. о доминантной констелляции многоязычных индивидов: Aronin, 2019], позволяет проследить, каким образом интерференция влияет на способность билингва отступать от языковых норм и создавать новые культурные знаки с учетом их двойственной природы. В основе подобных феноменов лежит лингвокреативное мышление – такой тип понятийного мышления, при котором, «используя различные ассоциативные связи, человек довольствуется уже имеющимися звуковыми комплексами, реализуя тем самым ассоциативный потенциал языкового знака в области связи между формой и содержанием» [Гридина 1996: 10]. В том же случае, если для создания творческих инноваций билингв закономерно допускает привлечение ресурсов двух языков, мы вправе говорить о билингвальной креативности. При этом если способность к инновациям зависит от (1) определенного эмоционального состояния и (2) недостаточного лексического запаса [Kharkhurina 2014: 1], то межъязыковая интерференция может уже рассматриваться в качестве явления, поддающегося контролю. Наличие связи между эмоциональной сферой и способностью к инновациям

в качестве существенного фактора развития ЛК указывает на сбалансированный билингвизм как предпосылку возникновения контролируемой, то есть субъективно-волевой межъязыковой интерференции, поскольку именно психо- и нейролингвистический аспект позволяет полноценно определить уровень билингвизма, а именно способность билингва посредством вербальной коммуникации успешно реализовать эмотивную функцию языка.

Таким образом, билингвизация дискурса в *lingua ars* может проходить как в рамках полноценной билингвальной ситуации, порождающей коммуникацию на *Spanglish*, так и вне этих рамок. Иными словами, коммуниканты могут быть принципиальными монолингвами, но при этом использовать и воспринимать интерферемы как неотъемлемый компонент дискурса, ведь даже при условии отсутствия способности понять значение той или иной интерферемы реципиент переживает определенное состояние, а продуцент высказывания, будучи монолингвом, не способным соотнести употребляемую интерферему с полноценно существующей в его сознании второй языковой системой, намеревается это состояние вызвать. Это могут быть состояния неадекватного понимания («недопонимания»), конфуза, удивления и т.д.

В других случаях следствием использования контролируемой интерферемы может стать и коммуникативная неудача ([Остин 1986: 32-33]), или, как предлагает терминировать данное явление С.Г. Николаев в своем анализе песенного текста *The Beatles 'Michelle'*, коммуникативный коллапс. Автор описывает дискурс с элементами англо-французской билингвизации и делает акцент на вербальном взаимодействии именно героев произведения, которых, исходя из коммуникативной ситуации, двое, причем оба являются полярными монолингвами (первые языки – разные). Несмотря на это, единственный активный участник дискурса – главный герой произведения – использует (пока будем выражаться именно так) интерферему, выраженную в полном переключении кодов (с английского на французский), для достижения коммуникативной цели. Однако, ввиду того, что реципиент высказывания английским не владеет, коммуникация не может быть продолжена. Иными

словами, несмотря на достигнутую изначальную цель, происходит коммуникативный коллапс, так как коммуниканты в действительности не являются билингвами [Николаев 2018, Ч.1; Николаев, 2018, Ч.2]. По причине описанных обстоятельств подобный случай интерференции следует отнести к категории внешней контрастивной (см. далее, а также раздел 2.5).

В связи с этой особенностью в *lingua ars* (а также других вариантов *Spanglish*, где в той или иной мере присутствует контролируемая интерференция), следует дифференцировать субъективно-волевые интерферемы и особо обозначать их, в некоторой степени актуализируя термин С.Г. Николаева «билингвема». Под билингвемой, помимо уже изложенных автором признаков – «минимальная внеуровневая единица выражения, чье присутствие делает художественную речь двуязычной», то есть билингвизирует её [Николаев 2004: 152] – будем понимать исключительно контролируемую интерференцию в речи, поскольку об интерференции в языке в случае билингвемы говорить неуместно. Вместо же понятия «использование интерферемы», которое противоречит самой природе естественной интерферемы (возникающей в силу комплексной и многогранной сущности явления), следует использовать понятие «использование билингвемы».

Контролируемое использование интерференции, пожалуй, может быть характеристикой любого варианта *Spanglish*, однако именно в *lingua ars* данная характеристика проявляется наиболее очевидно. Во многом это обусловлено, как и в случае с уже рассмотренными вариантами *Spanglish*, особенностями самой социально-коммуникативной сферы, которую обслуживает *lingua ars*: в ней автор сообщения (актер, певец, декламатор и др.) располагает временем и возможностью подобрать ресурсы для построения высказывания и прогностически проанализировать эффект, который произведет на адресата сообщение с элементами интерференции. При этом тот, кто «оживляет» сообщение креативностью, может и вовсе не быть билингвом, впрочем, как и создатель сообщения. Но, отчасти благодаря возможности досконально изучить связь интерферемы с системой языка в целом и ее связь с когнитивной

системой, которая, как отмечалось в начале раздела, отчасти в значительной мере и для монолингвов, и для билингвов, они способны создать такое произведение (или его элемент), которое наверняка произведет требуемый эффект. Таким образом, логично предположить, что интерференция в *lingua ars* весьма разнородна по своей глубине: она может быть внешней неконтрастивной, внешней контрастивной, внутренней неконтрастивной, внутренней контрастивной (подробнее об этом см. раздел 2.5). Во многом это обусловлено тем положением, что создателю произведения гораздо проще найти, например, хорошего (востребуемого, «продаваемого») актера, нежели искать соответствующего намеченной роли билингва.

Итак, интерференция в *lingua ars* является проявлением феномена контролируемого взаимовлияния идиомов *Spanglish* и, одновременно, показательным примером ЛК – процесса, который следует рассматривать не только в аспекте лингвистическом, но и (возможно, даже в большей степени) социолингвистическом, психо- и нейролингвистическом, когнитивно-прагматическом. Например, М.Н. Еленевская находит важным свойством ЛК ее прагматическую ценность, подчеркивая ее ключевую роль не только в повседневной речи (*lingua cotidianus*), но и в искусственно созданном языке (*lingua ars*). В тех случаях, когда отправитель сообщения намеренно использует такие приемы ЛК, как метафору и метонимию, гиперболу, параллелизм, повтор, каламбур, паронимию и т.д., он добивается вполне определенной цели: предлагает собеседнику новый взгляд на предметы и явления или акцентирует внимание на каком-либо фрагменте сообщения (см. об этом [Еленевская 2020: 147-148]). Намеренно прибегая к отклонениям от норм, автор может выразить критику, несогласие, подчеркнуть идентичность героев своих произведений, что представляет особую важность для мигрантов, завоевание аудитории которых является одной из целей в *lingua ars*.

Наконец, языковые инновации следует рассматривать как способ создания в высказывании юмористического эффекта, вовлечения собеседника в

языковую игру или оживления коммуникации в целом [Carter 2004: 63-64; Jones 2010].

Исследование *lingua ars* в качестве отдельного варианта *Spanglish* обусловлено необходимостью выявления и описания интерференциальной специфики данного идиома, который, помимо прочего, функционирует в достаточно объемной социально-коммуникативной сфере (домене), а главное, который оказывает существенное влияние на «либерализацию» и популяризацию ЛК в той форме, в какой она известна на сегодняшний день. Восприятию *Spanglish* как «модного» на сегодняшний день средства коммуникации в особенности способствуют такие разновидности искусства, как игровое и мультипликационное кино, песня и мюзикл, эпизоды которых в качестве примеров будут рассмотрены далее.

Прежде чем последовательно рассматривать разновидности контролируемой (субъективно-волевой) межъязыковой интерференции в условиях *lingua ars*, считаем необходимым обратиться к результатам раздела 2.5, поскольку приведенная в нем классификация позволяет раскрыть всю многогранность интерференции именно в данном домене.

Внешняя неконтрастная интерференция. Признак, характеризующий данный вид интерференции как «внешний», свидетельствует об отсутствии целостной системы языка-источника интерференции в сознании индивида или, иными словами, недостаточной дифференциации в речи многоуровневых единиц языка-объекта интерференции и языка-источника интерференции, в результате чего инородные элементы (интерферемы) на психо- и нейролингвистическом уровне не воспринимаются либо слабо воспринимаются как таковые. В результате речь идет о наборе звуков, исключительно присущих системе языка-объекта интерференции. При этом признак неконтрастности указывает на то, что взаимодействующие единицы языка-объекта и языка-источника интерференции схожи по частичным формальным и одновременно субстанциональным признакам. Поясняя, следует отметить, что, лингвокультурные, социально-исторические и ментальные интерфере-

мы, рассмотренные в разделе 3.2 при анализе интерференциальной специфики *lingua cotidianus*, не могут подпадать под категорию неконтрастивной интерференции, поскольку, отражая в той или иной степени реалии, в субстанциональном отношении по определению не обладают сходством с единицами языка-объекта интерференции.

Внешняя контрастивная интерференция. Если первый признак (критерий) был описан в пояснении к предыдущей разновидности, в данном случае необходимо раскрыть критерий контрастивности. Интерферемы контрастивного типа по системным характеристикам отличаются от эквивалентных в языке-объекте интерференции или, если речь идет о лакунарности, то и вовсе не находят эквивалентных себе, а потому не отождествляются с ними. Подобные интерферемы – частый случай при сбалансированном билингвизме, а значит их проявление в сочетании с внешней интерференцией маловероятно, если, конечно, не *lingua ars*. В качестве исключения допустимо привести те интерферемы, которыми монолингвы покрывают лакуны в научной сфере в родном для себя языке, но это, опять же, безэквивалентные единицы, так как они деноминируют научные явления.

Внутренняя неконтрастивная интерференция. Напомнив о природе контрастивной и неконтрастивной интерференции, здесь следует пояснить признак, характеризующий ее как «внутренний». Рассматривая данный признак в качестве оппозиции внешней интерференции, укажем на то, что индивид в этом случае является полноценным билингвом, так как внутри его сознания существует язык-источник интерференции как система, а потому интерферема соотносима с другими элементами системы. Сочетание с неконтрастивным признаком дает такой тип интерференции, который часто можно наблюдать при любой разновидности билингвизма.

Внутренняя контрастивная интерференция. Сочетание в любом проявлении межъязыковой интерференции внутреннего и контрастивного признаков часто свидетельствуют о естественном/эритажном/сбалансированном билингвизме, при этом наиболее репре-

зентативными примерами здесь будут интерсентенциальные переключения кодов. Внутренние контрастивные интерферемы репрезентируют преимущественно следствие интерференции в речи, а не в языке.

Итак, хотя все перечисленные разновидности интерференции в том или ином объеме можно обнаружить в заявленных в разделе 1.4 вариантах *Spanglish*, именно *lingua ars* являет собой тот вариант, при котором данная типология реализуется в полной мере. Так, например, сложно представить внешнюю контрастивную/неконтрастивную интерферему, служащую отправной точкой для переключения кодов, поскольку индивид, не являющийся билингом, по определению естественно не может переключиться на другой код. В то же самое время в *lingua ars*, где переключение может осуществляться искусственно, это вполне возможно, о чем свидетельствует распределенный далее по трем видам искусства – театральное искусство, киноискусство и песенное искусство – эмпирический материал данного исследования.

3.3.1 *Spanglish*: театральное искусство

Материалом для данного подраздела послужили песенные тексты известного американского рок-музыканта Пола Саймона (Paul Simon), написанные им в соавторстве с Дерекком Уолкоттом (Derek Walcott, нобелевская премия по литературе 1992 г.) к авторскому бродвейскому мюзиклу *The Capeman*. Данный материал примечателен не только с лингвистической точки зрения, но и благодаря возможности проиллюстрировать сказанное в начале раздела в целом: межъязыковая интерференция способна накладывать отпечаток на когнитивную систему монолингва по отношению к *Spanglish*, а ее волевое выражение в наиболее ярком виде проявляется в *lingua ars*. *The Capeman* – это драматургия, отражающая жизнь пуэрториканских эмигрантов в Нью-Йорке, США. Ключевым аспектом анализа будет оставаться лингвистический, который, впрочем, детерминирует и когнитивный. И здесь необходимо также отметить, что отдельного внимания заслуживает и смешение различных североамериканских и латиноамериканских музыкальных стилей,

что дает право утверждать о существовании, по аналогии с визуальным билингвизмом (см. выше), билингвизма аудиального.

Sal and Salvador
 - *Afraid to leave the projects*
To cross into another neighborhood
 Sal
 - *The blancos and the nigger gangs*
Well, they'd kill you if they could

(*Adios Hermanos*; исполнитель: Пол Саймон и др.; лейбл: *Warner Bros.*; 1997 г.) [Simon 2008: 274].

В данном фрагменте текста главной интерферемой видится слово *the blancos* – лексемы, которая используется выходцами из Латинской Америки для обозначения людей более светлых по цвету кожи. Означая буквально «белые», данное слово, хотя и указывает на расовую принадлежность, не имеет негативной коннотации в устах самих латиноамериканцев, хотя может использоваться пренебрежительно, если актуализируется в речи представителей африканского происхождения [см.: <https://www.UrbanDictionary.com/define.php?term=Blanco>]. Будучи внешней неконтрастивной, данная интерферема используется авторами и исполнителем для эмфатизации и повышения эмотивного потенциала высказывания. Интерес представляет и название музыкального произведения, фраза *Adios Hermanos* – «Прощайте, братья», которое фигурирует и в тексте композиции. Используя данные интерферемы, авторы и исполнитель преследуют намерение указать на религиозный подтекст, ведь братничество является неотъемлемой частью католической религии, традиции которой получили значительное развитие в латиноамериканском обществе и культуре. *Adios*, являясь в примере внешней и неконтрастивной интерферемой (см. ее кодификацию в словарях <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/adios> и <https://www.lexico.com/definition/adios>), сама по себе буквально означает *a* «к» и *Dios* «Богу».

На фонологическом и грамматическом уровнях следует отметить англификацию интерферемы: огубленный гласный заднего ряда среднего подъема [o] → дифтонг [əʊ] и глухой альвеолярный фриктивный [s] → звонкий

Hernandes

– *Oh, now you ready to rumble?*

I'm scared!

I'm gonna run to your stepfather's church and start praying

Oye, mother fucker, where's this jibaro from?

You know it takes a strong man to survive.

(*The Vampires*; исполнители: Пол Саймон и др.; лейбл: *Warner Bros.*; 1997 г.) [Simon 2008: 255].

Поскольку исполнителем здесь является сам Пол Саймон (не англо-испанский билингв), обе интерферемы следует отнести к категории внешней интерференции. Поиск информации по ним в престижных словарях американского английского не дал результатов, а потому речь не идет об уже закрепленных в языке нормах, что свидетельствует о контрастивном характере интерференции. При этом заметим, что *oye* встречается в народных словарях типа *Urban Dictionary: Oye, what time is da bitches getting here* [<https://www.UrbanDictionary.com/define.php?term=oye>]. Нельзя обойти вниманием и возможность данной интерференциальной лексемы закрепиться в дальнейшем в американском английском в качестве нормы, основанием чему служит ее способность отождествляться по частичному формальному сходству с аналогичной по функции с английской единицей *hey*.

При рассмотрении интерферемы *jibaro* в фонологическом аспекте необходимо отметить следующие отклонения: губно-губной аппроксимант [β] → звонкий губно-губной взрывной согласный; произношение веллярного ретрофлексивного согласного вместо альвеолярного одноударного согласного. Названные отклонения вызваны внешним характером интерференции.

В следующем случае интерферемой является испанская лексема *coño*, которая упоминается в «пользовательских» словарях *Spanglish* с примерами употребления

<https://www.UrbanDictionary.com/define.php?term=Co%C3%B1o>], а в интернете имеются статьи о том, как правильно использовать данный термин в английском (см., например: [<https://www.speakinglatino.com/cono-what-a-bad-spanish-word/>]). И все же не достигает уровня лексико-семантической нормы американского варианта английского языка. Будучи внешней неконтрастив-

ной интерферемой (продуцентом высказывания является Пол Саймон), она, с одной стороны, служит средством замены аналогичных стилистически сниженных единиц, а с другой сохраняет эмотивность высказывания, особенно, если реципиентом является англо-испанская аудитория.

Sal
 – *Zoom zoom zoom zoom*
Every time they see me
Walk down the street, they say
“Coño, that boy is fine
The way he moves
It’s got quality”

(*Quality*; исполнители: Пол Саймон и др.; лейбл: *Warner Bros.*; 1997 г.) [Simon 2008: 266].

Рассматриваемая ниже композиция исполняется естественным англо-испанским билингвом, и примечательна не столько интерферемами на лексико-семантическом уровне (которых в действительности не столь много), сколько на фонологическом. Тем не менее, начать следует именно с лексико-семантического уровня, поскольку он отчасти раскрывает особенность внутренних контрастивных и неконтрастивных интерферем в речи естественных билингвов, которые произносят их в соответствии с нормами языка-источника интерференции; следовательно, речь здесь идет о полноценном переключении кодов (норме соответствуют все уровни системы). В предлагаемом к рассмотрению произведении привлекают внимание лингвокультурные интерферемы (см. об этом раздел 3.2) – таких, как: *Gumersindo* и *Aguinaldo* – пуэрто-риканская рождественская музыка (контрастивные), – *Salvador* и *Puerto Rico* (неконтрастивные). Логично предположить, что для индивида, который освоил вторую языковую систему в искусственных условиях, подобное использование в дискурсивных практиках билингвом субъективно требует немало усилий с позиций соблюдения фонологических норм, даже если он знаком с фонологической системой языка-источника интерференции и владеет ими.

Esmeralda
 – *On such days I find I am longing for Puerto Rico*
Though I never would return 'til you are free
But when I hear the Aguinaldo my heart's a little lighter

And we danced together Aurea and me
(*Sunday Afternoon*; исполнитель: Эднита Насарио; лейбл: Warner Bros.; 1997 г.) [Simon 2008: 282].

Согласно теоретическим положениям раздела 2.2, переключению кодов предшествует интерференциальный элемент, который может быть вызван намерением совершить полноценное переключение (не только на субкоде) и который сам по себе может служить начальным пунктом самого переключения кодов. В рассматриваемой композиции таким элементом выступает интерферема фонологического субкода (выраженное произношение альвеолярного одноударного согласного вместо велярного ретрофлексивного) в предложении *for*, предшествующая лексеме *Puerto Rico*, о которой было сказано ранее. Данный конкретный случай может свидетельствовать о желании (в силу психо-нейролингвистических особенностей механизма интерференции) продуцента высказывания осуществить переключение кодов «плавно».

Любопытным прецедентом с точки зрения идентификации принадлежности интерферемы к одной из двух языковых систем является лексема *barrio*: будучи кодифицированной (см. <https://www.collinsdictionary.com/es/diccionario/ingles/barrio> или https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/american_english/barrio?q=barrio], она выступает по своей природе неконтрастивной интерферемой. Тем не менее и несмотря на то, что интерфереме предшествует английский артикль, отход от нормы английского языка в фонологическом субкоде (произношение «испанских» гласных вместо предусмотренных нормой американского английского, также произношение альвеолярного одноударного согласного [r] вместо велярного ретрофлексивного), позволяют говорить именно об интерсентенциальном переключении на испанский код.

Esmeralda

– *But I tell Aurea*

The Barrio's boundaries are our own little nation

Sometimes I hear you run up stairs

And I view my light with resignation

Keep your Bible near you

Time is an ocean of endless tears

(*Sunday Afternoon*; исполнитель: Эднита Насарио; лейбл: Warner Bros.; 1997 г.) [Si-

mon 2008: 282].

Еще одной характерной интерференциальной чертой дискурса исполнителя можно считать ярко выраженное оглушение звонкого альвеолярного фрикативного согласного [z] в конце слов, что является следствием отсутствия звука [z] в современном испанском. Иными словами, данная интерференца носит контрастивный характер.

В следующем примере происходит интерсентенциальное переключение кодов; но, поскольку речь идет о внешней контрастивной интерференции, здесь невозможно говорить о наличии интерференциального элемента. Иными словами, в данном случае имеется намерение, но нет того пускового механизма, который дает начало реализации намерения. Таким образом, если переключение кодов проходит в естественных условиях (*lingua cotidianus*), то для коммуникативной ситуации присущи оба составляющих – интерференциальный элемент, которым, как правило, является интерференца субкода, и намерение отправителя сообщения.

Border Patrolman

– *Any aliens here, you better check with us*

How 'bout you son?

You like you 've got Spanish blood

Do you "habla ingles"? Am I understood?

(*Trailways Bus*; исполнитель: Пол Саймон и Сара Рамирес; лейбл: *Warner Bros.*; 1997 г.) [Simon 2008: 296].

Здесь же (*Do you "habla ingles"? Am I understood?*) интерсентенциальное переключение кодов происходит в искусственных условиях (*lingua ars*). Следовательно, интерференция внешняя неконтрастивная, которая, помимо прочего, выражена полноценным переключением кодов, что само по себе позволяет утверждать об уникальности интерференциальной специфики подобных дискурсивных практик *lingua ars*.

3.3.2 *Spanglish*: киноискусство

Другим видом искусства, который рассматривается в исследовании в качестве одного из наиболее значимых в плане трансформации *lingua ars*, яв-

ляется киноискусство. Эта значимость обусловлена тем, что именно американское кино с самого начала своего существования представляет собой своеобразный вненациональный эталон, что указывает на масштабы его распространения на планете, а тенденции, особенно последнего времени, связанные со стремлением создателей продуктов киноискусства билингвизировать их, выдвигает чисто лингвистический и социолингвистический аспекты в качестве ключевых. Но, как уже отмечалось, феномен межъязыковой интерференции многогранен, и, по мнению О.В. Гавриченко, Т.Д. Марцинковской и В.Р. Орестовой, важную функцию выполняют психологические и эмоциональные компоненты кинофильмов, которые затрагивают внутренний мир зрителя, его представление о себе [Гавриченко 2014]. Эти авторы подчеркивают, что в киноязыке, наиглавнейшей частью которого, возможно, является язык вербальный, важную роль играет киномонтаж, который дает возможность создателям произведения донести свое видение до зрителя [там же]; а это уже непосредственно указывает на связь с интерференциальной спецификой в тех случаях, когда создание произведения сопряжено с билингвизацией дискурсивных практик.

Далее видим необходимость в последовательном рассмотрении различных видов интерференции, в том числе с их классификацией в соответствии с разновидностями, заявленными в разделе 2.5 и получившими пояснение в настоящем.

– *Hastalavista, baby* 'пока, крошка' в контексте сцены (фильм *Terminator 2: Judgment Day*; режиссер: Джеймс Кэмерон; авторы сценария: Джеймс Кэмерон, Уильям Вишер мл.; кинокомпания: *Carolco Pictures*; 1991 г.); выражение было кодифицировано в виде словарных статей (<https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/hasta-la-vista> и <https://www.UrbanDictionary.com/define.php?term=hasta%20la%20vista>); при этом необходимо отметить, что его употребление не было столь распространенным до выхода кинокартины, которая послужила в данном случае как по-

ставщиком нормы, так и ее консолидатором. Последнее обстоятельство также характеризует интерференциальную специфику *lingua ars*.

– *Looks like she's the one with the cojones in the family.* 'Похоже, именно она в доме хозяйин.' (фильм *Rocky V*; режиссер: Джон Эвилдсен; автор сценария: Сильвестр Сталлоне; кинокомпания: *United Artists*; 1990 г.), где интерферемой выступает испанское слово *cojones* – “тестикулы”. В первую очередь необходимо отметить, что данная лексема уже существует и определяется в авторитетных словарях американского варианта английского языка, таких как 1) *New Oxford American Dictionary*: a man's testicles (courage) [kə'həʊneɪz]: guts he does not have the cojones to kill a flea [<https://www.lexico.com/en/definition/cojones>]; 2) *Collins English Dictionary*: testicles (manly courage) [ko'xɒnes] [<https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/cojones>]. Неконтрастивный характер данной интерферемы подтверждает и неопределенность ее нормативного произношения, ведь каждый из словарей приводит свой вариант, при этом *Collins English Dictionary* предлагает наиболее близкий с точки зрения испанской нормы. Кстати, лексема *cojones* используется героями фильма неоднократно, и в ином варианте можно услышать произношение [kə'dʒəʊneɪz]: *He's gonna get his cojones knocked out.*

Во-вторых, референт данной интерферемы уже давно актуализируется в американском английском как семантическая калька (подробнее о кальках при интерференции см. раздел 1.2 и ...), что также отмечается в словаре: "Interestingly, its use in the sense of courage is exactly paralleled in the Spanish term «cojones»": 1) *New Oxford American Dictionary*: courage or nerve [<https://www.lexico.com/en/definition/balls>]; 2) *Collins English Dictionary*: courage or nerve (vulgar slang) [<https://www.collinsdictionary.com/es/diccionario/ingles/balls>].

Помимо этого, наблюдается контраст при анализе в диахроническом срезе в плане отношения к данной лексеме со стороны американского общества, а также, что является во многом следствием первого, постепенное раз-

мытие принципов коммуникации на инварианте английского языка в американском социуме под влиянием языковых контактов. Это следует из того, что «both its anatomical senses and its various extended senses nowadays have far less impact than they used to, and seen unlikely to cause offence, though some older or more conservative people may object» [там же: <https://www.collinsdictionary.com/es/diccionario/ingles/balls>].

– *Bender, think of the señoritas. – Vámonos.* 'Бэндер, подумай о сеньоритах. – Вперед!' (анимационный сериал *Futurama*, серия – 33 “*Amazon Women in the Mood*”, сезон 3; режиссер: Брайан Шизли; автор сценария: ЛьюисМортон; 2001 г.). В данном примере, помимо лингвокультурной интерферемы *señoritas* ‘сеньориты’, следует также обратить внимание на интерферему *vámonos* “пойдем”, которая также уже получила закрепление в словарях, хотя и в несколько иной фонологической форме – [və'mu:s] – и с более узким значением (сема *hurriedly* отсутствует в стандартном варианте лексемы): 1) *New Oxford American Dictionary*: (informal) depart hurriedly: we'd better vamoose before we're caught [<https://www.lexico.com/en/definition/vamoose>]; 2) *Collins English Dictionary*: (slang) to leave a place hurriedly [<https://www.collinsdictionary.com/es/diccionario/ingles/vamoose>].

При этом если фонетическое выражение обусловлено особенностями языка-объекта интерференции, то лексико-семантическое преобразование связано с лингвокультурными факторами, одним из которых может быть то обстоятельство, что испаноязычное население США зачастую ассоциируется с криминальным миром и отношениями, следовательно, и со стремлением «убежать», скрыться от правосудия.

– *Hey. You got enough money to pay for all this? You know, money? Cash? Dollars? Dinero?* ‘Слушай, у тебя есть, чем заплатить за все это? Деньги, понимаешь? Наличные? Доллары? Динеро?’ (фильм *Universal Soldier*; режиссер: Роланд Эммерих; продюсер: Марио Кассар; авторы сценария: Ричард Ротстайн, Кристофер Лейтч, Дин Девлин; кинокомпания: *TriStar Pictures*, 1992 г.). Еще одна интерферема – *dinero*, которую можно рассматривать в ка-

честве кодифицированной, см. *New Oxford American Dictionary*: (informal) money: their pockets full of dinero [<https://www.lexico.com/en/definition/dinero>].

В приведенном интерфереме потенциально обладает больше, чем одной функцией. Нельзя исключать того, что намерением автора сообщения могло быть желание указать на непонятливость, то есть коммуникативную неадекватность собеседника отправителя сообщения. Перечисление схожих по значению лексических единиц, последней из которых является лексема-экзотизм *dinero*, также придает всему высказыванию юмористический характер, вовлекая зрителя в языковую игру и оживляя коммуникацию

– *I have written many different songs of the ver... Name. Many different versions of the songs* (фильм *The Mambo Kings*; режиссер: Арн Глимчер; автор сценария: Синтия Сидре; кинокомпания: *Alcor Films*, 1992 г.). В представленном отрывке актер, исполняющий роль билингва, – Антонио Бандерес – говорит на английском с естественным испанским акцентом, поскольку к тому времени его владение вторым языком ограничивалось лишь заучиванием наизусть текста роли, что и указывает на внешний характер интерференции. Среди фонологических особенностей интерферем следует отметить произношение глухого [t] как зубного вместо альвеолярного в слове *written* [rit.ən]; произношение звонкого [d] как зубного вместо альвеолярного, [t] как зубного вместо альвеолярного в слове *different* [di.fə.rənt]; оглушение согласных в конце слов: [sɑŋs] вместо [sɑŋz] в *songs* и [ɑ:f] вместо [ɑ:v] в *of*, а также произношение [ɑ] как [o] (там же). На контрастивный характер интерференции указывает полное отсутствие кодификации зафиксированных отклонений в словарях.

– *Not a space between us. Qué sea la última vez que...* (фильм *Spanglish*, режиссер: Джеймс Л. Брукс; автор сценария: Джеймс Л. Брукс; кинокомпания: *Gracie Films*, 2004 г.). Актриса Пас Вега на момент съемок фильма не владела английским, и незаурядность ее высказывания на английском связана скорее с незнанием норм, нежели их ослаблением под воздействием первого языка, и, конечно, с творческим замыслом автора картины.

Однако необходимо указать и на то, что неуместное употребление неопределенного артикля *a* в какой-то степени приближает высказывание к общему фонологическому строю испанского языка, в котором сочетание согласных [t] и [s] без гласных звуков между ними встречается крайне редко. В связи с этим подобное отклонение допустимо отнести к межъязыковой интерференции.

– *Antonio Montana. And you, what you call yourself?* (фильм *Scarface*; режиссер: Брайан Де Пальма; автор сценария: Оливер Стоун; кинокомпания: *Universal Pictures*, 1983 г.). Говорящий не является англо-испанским билингом (внешняя интерференция), однако на протяжении всей картины, исполняя главную роль, имитирует речь англоязычного кубинца, внося изменения на всех уровнях системы. Для приведенного примера характерны отклонения и на фонологическом уровне:

- произношение [o] вместо долгого неогубленного гласного заднего ряда нижнего подъема [ɑ:] в словах *what* и *call*;
- замена придыхательного смычного [k^h] на обыкновенный смычной коррелят в слове *call*;
- замена твердого [l] на полумягкий ([kol'] вместо [k^hɑ:l] в слове *call*, где знак апостроф (') обозначает мягкость согласного);

также на грамматическом уровне:

- опущение вспомогательного глагола;
- использование возвратного местоимения для передачи значения возвратного глагола *llamarse* (называть себя).

Поскольку перечисленные отклонения не кодифицированы в национальном варианте американского варианта английского языка, есть все основания говорить в данном случае о контрастивном характере рассмотренной интерференции. Ее целенаправленное употребление может быть связано с намерением создателя сообщения указать на свободолюбие кубинцев, которые даже «себя называют», особенно учитывая контекст сцены: автор высказывания бежал из Кубы в поисках свободы.

– *Están actuando como un grupo de niños. ¡Si alguien dice otra cosa, les voy a pegar en la boca!* ‘Вы ведете себя как маленькие дети. Если я еще что-нибудь услышу, получите по губам’. *All of you, behind the bleachers. Now!* (сериал *On My Block*, сезон 1, глава 6; режиссер: Райян Шираки; автор сценария: Джейми Уеширо; кинокомпания: *Crazy Cat Lady Productions*, 2018 г.). Актриса, которая исполняет роль билингва, не является ни носителем американского варианта испанского, ни эритажником. Несмотря на это, ей удается эффективно скопировать оригинальное произношение высказывания. Среди интерференциальных отклонений следует отметить взрывной характер согласных, свойственны ее родному языку – американскому варианту английского.

– *I mean, look at the way he dresses, man.* (фильм *Scarface*; режиссер: Брайан Де Пальма; автор сценария: Оливер Стоун; кинокомпания: *Universal Pictures*, 1983 г.). В данном фрагменте наибольший интерес представляет распространенное в американском английском обращение *man*, которое вероятно оказалось в американском варианте в результате отождествления по субстанциональному сходству с испанской лексемой *hombre*, выполняющей ту же функции. Данное значение кодифицировано, о чем свидетельствуют следующие словарные статьи: *New Oxford American Dictionary*: used, irrespective of the sex of the person addressed, to express surprise, admiration, delight, etc., or for emphasis: *man, what a show!* [<https://www.oxfordify.com/meaning/man>]. *Collins English Dictionary*: an expression used parenthetically to indicate an informal relationship between speaker and hearer [<https://www.collinsdictionary.com/es/diccionario/ingles/man>].

К комментарию фрагмента необходимо добавить, что, как следует из раздела 2.4, именно в референции высказывания как единицы системы выражения или содержания находит свою реализацию понятийное мышление. Сегодня оно по уже оговоренным причинам билингвально, и в таком состоянии является источником процессов воссоздания, преобразования и модификации лингвокультурных ресурсов, а также их контекстуализацию в процессе вербальной коммуникации. Выделение здесь понятийного мышления весьма

значимо, поскольку оно может сопоставляться или, напротив, противопоставляться другим видам мышления, отраженным, например, в визуальном или пространственном билингвизме, существование которого только подтверждает гипотезу об интерференции на референтном уровне независимо от разновидности мышления и средствах его обслуживающих.

– *Toni, coño, cálmate, man* (фильм *Scarface*; режиссер: Брайан Де Пальма; автор сценария: Оливер Стоун; кинокомпания: *Universal Pictures*, 1983 г.) Данное высказывание принадлежит англо-испанскому билингву, и даже единственный его английский элемент (*man*), как следует из одного из вышеприведенных примеров, вероятно, также появился в американском варианте английского в результате межъязыковой интерференции. Однако в качестве еще одной неконтрастивной интерферемы, хотя и с некоторыми оговорками, следует рассматривать слово *cálmate*. Найти в авторитетных словарях данную лексико-семантическую единицу по объективным причинам не удалось, но в «народных» словарях она существует. Так, например, в *Urban Dictionary* ей дается следующая дефиниция:

‘This Spanish word comes from the verb *calmar*, meaning "to calm". This word will appear in Spanish classrooms, outside of Spanish classrooms when spoken by Spanish students or native Spanish speakers, or by people who have picked it up from those previously mentioned types, or from *Urban Dictionary*’ [<https://www.UrbanDictionary.com/define.php?term=calmate>]

Кроме того, о неконтрастивном характере данной интерферемы говорит и потенциал ее отождествления по частичным формальным признакам с *calm*, имеющим французское происхождение. Таким образом, романские языки-адстраты по отношению к английскому благодаря своей генетической близости способствуют возникновению неконтрастивных интерферем, что в свою очередь может отражаться на процессе формирования и становления норм.

– *So, you got the money?* (фильм *Scarface*; режиссер: Брайан Де Пальма; автор сценария: Оливер Стоун; кинокомпания: *Universal Pictures*, 1983 г.).

Говорящий использует испанскую модель построения предложения на английском: он под воздействием интерференции не употребляет отсутствующий в первом для него языке (испанском) вспомогательный глагол (*have*). В то же время данный способ построения вопросительного предложения не является грамматическим отклонением при рассмотрении данного случая в контексте коммуникативного субкода повседневной речи, поэтому речь идет о неконтрастивной интерференции.

– *Close your mouth* (фильм *Scarface*; режиссер: Брайан Де Пальма; автор сценария: Оливер Стоун; кинокомпания: *Universal Pictures*, 1983 г.). В картине данное выражение в таком лексическом составе употребляется лишь однажды; в остальных случаях чаще всего используется фразовый глагол *to shut up*. Данный вариант рассматривается в качестве интерферемы потому, что (1) ее произносит англо-испанский билингв и (2) в испанском нет категории фразовых глаголов, и единственным способом выражения здесь будет сказать *cierrala (tu) boca* (букв. *Close your mouth*). Неконтрастивный характер интерферемы определяется допустимостью с точки зрения нормы так выразиться. Следовательно, в *lingua ars* системные отклонения от нормы также могут быть связаны с изменением норм в плане частотности применения тех или иных разноуровневых единиц системы под воздействием межъязыковой интерференции.

– *In the car?* (фильм *Scarface*; режиссер: Брайан Де Пальма; автор сценария: Оливер Стоун; кинокомпания: *Universal Pictures*, 1983 г.). Говорящий – англо-испанский билингв – допускает отклонения от фонологических норм, вызванных его первым языком – испанским: в слове *in* альвеолярный носовой согласный [n] произносится как зубной носовой согласный [ɲ], в слове *the* средний центральный гласный [ə] произносится как неогубленный гласный среднего переднего ряда [e], в слове *car* – долгий неогубленный гласный заднего ряда нижнего подъема [ɑ:] произносится как краткий неогубленный гласный переднего ряда нижнего подъема [a]. Произношение в слове *car* альвеолярного ретрофлексивного согласного [r] как альвеолярного одноударно-

го согласного следует рассматривать в качестве интерферемы неконтрастивного типа, поскольку в фонологической системе английского языка есть альвеолярный одноударный звук, и в данном случае его употребление не искажает значения слова. То же самое касается и отсутствия придыхания в глухом велярном взрывном согласном [k^h]. – ¡Ay Dios mío! Mira eso. Look at that one. That one right there in the pink. She's beautiful, man (фильм *Scarface*; режиссер: Брайан Де Пальма; автор сценария: Оливер Стоун; кинокомпания: *Universal Pictures*, 1983 г.). В приведенном фрагменте, как и последующих данной категории интерференции, есть все основания утверждать о системном переключении кодов, которые субъект относит к двум существующим в его сознании языковым образованиям. Данное переключение кодов обусловлено изменением ролевых отношений между билингвами в процессе коммуникации: оба они представлены в картине в качестве говорящих на испанском лиц, намеревающихся показать зрителю, что они общаются «по-своему».

– *Banks, or is it still bodegas, you and the others?* (фильм *Scarface*; режиссер: Брайан Де Пальма; автор сценария: Оливер Стоун; кинокомпания: *Universal Pictures*, 1983 г.). Билингв употребляет лексему *bodega*, которая уже консолидировалась в американском варианте английского в том числе в близком к актуализирующемуся значении: *Oxford American Dictionary*: a small grocery store in a Spanish-speaking neighborhood [https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/american_english/bodega]; *Collins English Dictionary*: a shop selling wine and sometimes groceries, especially in a Spanish-speaking country [<https://www.collinsdictionary.com/es/diccionario/ingles/bodega>].

3.3.3 *Spanglish*: песенное искусство

Популярная песня представляет собой тот вид искусства, в котором *lingua ars* приобрел наибольшую популярность и престиж. По мнению Н.И. Мокровой, данный вид искусства требует комплексного рассмотрения.

Исследователь полагает, что песенный текст и поэтический текст обладают схожими структурными и образными особенностями [Мокрова 2015]. Несмотря на это, при анализе интерференциальной специфики песенного текста как объекта исследования *lingua ars* следует учитывать наличие в нем и фонологического уровня, поскольку песня всегда актуализируется в речи. Продолжая, Н.И. Мокрова пишет, что песенный текст – это «лингвистическая, антропологическая, культурная, эстетическая, духовная, эмоциональная и креолизованная» категория. При этом один из наиболее важных аспектов песенного искусства представляет собой музыкальный аккомпанемент, поскольку он взаимосвязан с вербальной составляющей [там же: 389], и также может проходить через билингвизацию.

– *¿Cómo te llamas, baby?*
A little mezcal got me feelin' spicy
I know that we don't speak the same language
But I'm gonna let my body talk for me

(Песня *Con Calma* в исполнении Кэти Перри и др., авторы: Рамон Родригес, Даррин О'Брайн, Хуан Ривьера, Кэти Перри; лейбл: *ElCartel*, 2019 г.)

К заявленному типу интерференции следует отнести первую строчку – *¿Cómo te llamas, baby?*, – а остальное рассматривать лишь как контекст, указывающий на интерсентенциальное переключение кодов. Несмотря на неспособность говорить на языке (внешняя интерференция), певица практически без акцента произносит испанскую вставку; отсутствие же интерферемы в словарях указывает на ее контрастивный характер.

Переключение кодов здесь может рассматриваться как поэтический прием, направленный на привлечение внимания реципиента, в качестве которого в то же самое время потенциально выступает англо-испанский билингв.

– *Baby, like this is perfecto.* (песня *Hips Don't Lie* в исполнении Шакиры; автор: Шакира и др.; лейбл: *Epic*; 2006 г.). Первый язык исполнителя – испанский, второй английский, что позволяет говорить о сбалансированном билингвизме (внутренняя интерференция). Не исключено, что лексико-семантическая интерферема *perfecto* вызвана по субстанциональному и частично формальному сходству с лексемой *perfect*, однако ее интерференци-

альная форма уже успела кодифицироваться в американском английском: *New Oxford American Dictionary*: a type of cigar that is thick in the center and tapered at each end [<https://www.lexico.com/en/definition/perfecto>]; *Collins English Dictionary*: a large cigar that is tapered from both ends [<https://www.collinsdictionary.com/es/diccionario/ingles/perfecto>].

В песне данная интерферема также используется как часть полноценного интерсентенциального переключения кодов:

Don't you see, baby? Así es perfecto.

Использование интерферемы здесь, помимо прочего, следует рассматривать в качестве игры слов.

– *Upside, inside out*

She's livin' la vida loca ‘Она живет безумной жинью’

She'll push and pull you down

Livin' la vida loca

(Песня *Livin' la Vida Loca* в исполнении Рики Мартина, авторы: Луис Гомес Эсколар, Дезмонд Чайлд, Драко Роса; лейбл: *Colombia*, 1999 г.)

В ключевом элементе песенного текста – *She's livin' la vida loca* – происходит интерсентенциальное переключение кодов, которое достаточно сложно обосновать с точки зрения влияния на возникновение интерсентенциального переключения кодов интерференциального элемента системного уровня. Здесь, по всей видимости, речь идет об интерференциальном элементе концептуального уровня, поскольку использовать вместо испанской вставки английский аналог *the crazy life* было бы неадекватно с точки зрения плана содержания, поскольку авторы и исполнитель песни пожелали вложить противоположно другой смысл. Дело в том, что речь идет о кардинально отличающихся концептах. *The crazy life* – бытовое понятие, которое определяется носителями языка следующим образом: «When the world is crazy around you and you feel the world is out to get you. It can be karma and all bad stuff happening to you» [<https://www.UrbanDictionary.com/define.php?term=crazy%20life>]. *La vida loca* «means doing wild and crazy things that make you cool» [<https://www.UrbanDictionary.com/define.php?term=la%20vida%20loca>]. Таким

образом, авторы песни прибегают к ЛК с целью лаконично и эффектно заполнить концептуальную лакуну.

– *I wanna be contigo*
And live contigo, and dance contigo
Para have contigo
Una noche loca (Una noche loca)
Ay besar tu boca (Y besar tu boca)

(Песня *Bailando* в исполнении Энрике Иглесиаса; авторы: Энрике Иглесиас и др., лейбл: *Republic*, 2014 г.)

Здесь автор песни использует интерференцу *contigo* 'с тобой' в качестве элемента поэтического языка, в то же самое время обращая свой дискурс на англо-испанскую аудиторию, для которых понимание подобного гибридного содержания рассматривается как нечто естественное. При этом контрастивный характер интерференцы не мешает монолингву «додумать» и полностью понять смысл, что свидетельствует об успешности в достижении коммуникативной цели, несмотря на целенаправленный отход от нормы.

Итак, рассмотренные интерференцы указывают на некоторые особенности, которые в своей совокупности позволяют достоверно выделить *lingua ars* на фоне остальных вариантов *Spanglish*. Очевидно, что все они создаются искусственно и намеренно допускаются для достижения коммуникативных целей, среди которых существенное значение отводится национальной идентичности потребителя *lingua ars*. Иными словами, создатели *lingua ars* не руководствуются принципом стремления к норме, а, напротив, целенаправленно отходят от нее. Таким образом, интерференция в *lingua ars* относится к категории подконтрольной. В основе создания интерференцы в *lingua ars* лежит ЛК, и это обстоятельство само по себе коррелирует с природой сферы искусства, которая, собственно, и обслуживается *lingua ars*. Специфику *lingua ars* также определяет и глубина ее интерференции, ведь данный вариант *Spanglish* характеризуется интерференцами всех типов: внешней контрастивной, внешней неконтрастивной, внутренней контрастивной и внутренней неконтрастивной. Представить наличие подобной глубины и в подобном объеме в большинстве других вариантов *Spanglish* довольно затруднительно, осо-

бенно в контексте переключения кодов при внешней контрастивной интерференции.

3.4 Интерференциальная специфика *lingua fictio*

Последней в настоящем исследовании анализируется разновидность *lingua fictio*, поскольку, с одной стороны, данный идиом в силу своих стилистических особенностей способен проявлять базовые признаки остальных, предшествующих, а с другой, он все же закономерно и существенно отличается от них, и прежде всего в плане интерференции. Обоснование последнего утверждения служит целью данного раздела.

Что касается проблемы стиля и его связи с межъязыковой интерференцией, то, по мнению ряда исследователей, допустимо считать, что в *lingua fictio* реализуется взаимодействие читателя с тем выбором, который писатель делает на лексико-семантическом и грамматическом уровнях с целью наиболее эффективного выражения [Sebranek 2006: 111], но со значимым параметром следования нормам в одних контекстах и, напротив, отхода от них в других, с выражением социальной идентичности, вызываемым определенными приемами эмотивным эффектом, оказываемым на аудиторию [Ray 2015: 16]. При этом если раньше считалось, что следование нормам «наделяет» писателя гибкостью в выражении мысли [Strunk 1979: 66], то в настоящих условиях массового билингвизма правила кардинальным образом меняются и всякого рода отход от норм делает коммуникацию с читателем преимуществом (см. в этой связи раздел 2.4).

Художественный текст являет собой сложную систему взаимосвязанных и взаимозависимых языковых и речевых приемов и средств, отражающих индивидуальные представления автора об окружающем мире. В конечном счете эта система складывается в уникальный авторский идиостиль. В результате личного когнитивного опыта, отчасти сформированного под активным воздействием длительных контактов с языковым коллективом (влияние внутриязыковой интерференции на концептуальном уровне), в сознании

писателя рождаются и укореняются индивидуальные метафоризованные концептуальные структуры.

Под метафоризованными концептуальными структурами здесь понимаются ментальные образования в языковом сознании индивида, которые не только являются частью системы знаний о действительности, но и, будучи искаженными вследствие своей метафорической природы, заключают в себе особую динамическую силу, обуславливающего его поведение. Большой вклад в создание и развитие теории когнитивной (концептуальной) метафоры, составляющей основу подобных структур, внесли Дж. Лакофф и Дж. Джонсон [Lakoff 1980].

Рассуждая о механизме интерференции в *lingua fictio*, следует обратить внимание на весьма значимую особенность: в данном варианте идиома фонологический уровень интерференциально реализуется в функционально специфическом секторе текста – во внутренней речи автора. Кстати, автор, по сути, всегда выступает в *lingua fictio* активатором интерференции, в то время как читатель лишь пассивно ее «обрабатывает», т.е. интерпретирует. Это, разумеется, уже с точки зрения лингводидактики не способствует консолидации интерферем из-за отсутствия их выхода во внешнюю речь. В то же время и во многом в силу обусловленной единоличным авторством и относительным превосходством в плане объема текста, излагаемого в едином коммуникативном акте, специфики дискурсивных практик *lingua fictio* должны создавать благоприятные условия для интерферируемых концептов в контексте концептосфер и двух языковых картин мира, отраженных в идиостиле автора. Ограниченная фонологическая интерференция указывает на несущественное влияние фонологического уровня языка-источника интерференции на расшатывание норм языка-объекта интерференции, поскольку в *lingua fictio* основным видом речевой деятельности в процессе коммуникации выступает чтение. Пассивная вовлеченность читателя в процесс коммуникации является следствием отсутствия непосредственного контакта с занимающим активное положение автором и большей односторонности во взаимодействии

ввиду нерегулярности обратной связи, чем даже в дискурсивных практиках *lingua ars*: в театральном искусстве и в киноискусстве контакт осуществляется с актерами визуально и аудиально, а в песне аудиально (на концерте и в клипе – посредством двух репрезентативных систем).

Важным инструментом в формировании дискурса с использованием *lingua fictio* является ЛК (см. раздел 3.3). Как и в случае с *lingua ars*, литературные произведения на *lingua fictio* во многом представляют собой результат контролируемой интерференции; их же анализ, например, с лингводидактической точки зрения, не имеет большой ценности. Центральными при контролируемой интерференции выступают «вербальные стратегии, применение которых приводит к тонкой языковой настройке текста, и продиктовано это психологическими, социальными и установочными мотивами» [Kachru 1985: 20]. При этом, по мнению Б. Качру, примеры такого рода креативности можно обнаружить в художественных текстах, авторами которых являются не носители языка, либо в которых используется идиомы, основанные на принципе переключения кодов [там же]. Таким образом, билингвизм писателя формирует его идиостиль с его собственной картиной мира, способность к уникальной ЛК в принятии авторских решений, обусловленной сосуществованием в его сознании двух национальных языков.

Для практического обоснования вышеизложенного проведем анализ трех разновидностей художественного текста – оригинального текста, авторского перевода, перевода.

3.4.1 Элизабет Асеведо. Роман *The Poet X*: оригинальный художественный текст автора-билингва

Одним из трех объектов исследования специфики *lingua fictio* станут фрагменты оригинального текста романа Элизабет Асеведо *The Poet X*. В романе обнаруживается достаточно высокая степень интенсивности и предельное многообразие проявления интерференции, которая по большей части представляет собой набор билингвем – интерферем, используемых автором

целенаправленно и характеризующих идиостиль. Собственно, интерференциальным элементом служат здесь стремление автора к самобытности собственного стиля и постоянное акцентирование его связи с национальной идентичностью. Это во многом обусловлено и тем, что в *lingua fictio* нет интерференции фонологического уровня как проявления отклонений во внешней речи, материально оформленной в звуках (перед читателем – только графическое ее отражение), а создатель текста в то же самое время располагает временем для обдумывания того, какие билингвальные ресурсы ему следует использовать для достижения искомого восприятия текста и себя как его автора с позиций читателя. Перечисленные признаки, с одной стороны, роднят *lingua fictio* с *lingua ars*, а с другой ограничивают любого рода системную интерференцию, так как интерференциальный элемент фонологического уровня может привести к отклонению на любом уровне системы языка.

Тем не менее, некоторые примеры употребления билингвем имеют под собой иную основу, которая, впрочем, также может сближать *lingua fictio* и *lingua ars* по заключенной в них языковой специфике. Кроме того, при построении высказывания автор может за счет постоянного визуального контакта с текстом проанализировать сочетаемость билингвемы с единицами текста языка-объекта интерференции, что упрощает для него задачу использования различных художественных приемов. Названная специфика в *lingua fictio* выражена в большей степени, чем в других вариантах *Spanglish*.

Для поиска и последующего анализа билингвем нет необходимости углубляться в содержание книги: ее автор, будучи естественным англо-испанским билингвом, прибегает к использованию иноязычия с самого начала текста. Рассмотрим наиболее репрезентативные примеры.

*Watch the old church ladies, **chanquetas** flapping against the pavement, their mouths letting loose a train of island Spanish as they spread he said, she said* [Acevedo 2018, p. 3]. **Chanquetas** – cheap sandals or flip-flops
[<https://www.UrbanDictionary.com/define.php?term=Chanqueta>]

В данном примере использование билингвемы может быть связано с желанием автора избежать построения высказывания посредством однокоренных слов (*flip-flops – flapping*).

*Listen to honking cabs with **bachata blaring** from their open windows compete with basketballs echoing from the Little Park* [Acevedo 2018: 3].

Использование лингвокультурной интерференцы/билингвемы (см. классификацию мотивированных интерферем, предложенную в разделе 3.2) обусловлено отсутствием реалии, для обозначения которой она используется в языке-объекте интерференции. Кроме того, интерференциальным элементом может служить графическая гармония слов *bachata* и *blaring*, с одной стороны, начинающихся на похожие по звучанию слоги (в обоих есть звук [b] и неогубленные гласные: [a] в испанской билингвеме; [e] дифтонга [eə] в английской билингвеме), а с другой имитирующих музыкальный ритм.

Отметим использование в двух рассмотренных фрагментах конструкции со сложным дополнением, которая более подробно будет рассмотрена в подразделе 3.4.3.

*Laugh at the **viejos** (старика) — my father not included — finishing their dominoes tournament with hard slaps and yells of “Capicu!”* [Acevedo 2018: 3].

В данном примере, по-видимому, автор использованием билингвемы подчеркивает смысловой контраст внутри высказывания: *the viejos* могут плохо владеть английским и называть себя именно так, а не иначе. Любопытным представляется использование определенного артикля английского языка для генерализации (соответствует грамматической норме испанского языка, но противоречит норме английского). С концептуальной точки зрения здесь явно ощущается религиозный подтекст: среди христиан грешно смеяться над отцом (подробнее о концептуальной интерференции см. подраздел 3.4.3).

Интерес представляет и следующий пример рассматриваемого явления, на этот раз на грамматическом уровне:

*Shit, you’d **be wifed up** before going back to school* [Acevedo 2018: 4].

Be wifed up здесь частично является грамматической калькой с испанского *casarse* (жениться, выходить за муж), поскольку в испанском нет конструкции, подобной *to get married* для выражения того же значения; однако есть два типа пассивного залога, образование одного из которых (*se* + глагол в третьем лице ед. или мн. ч.) с формальной точки зрения похоже на использование местоименного глагола в 3-м лице ед. ч. (и других с частицей *se*), а потому начало предложения было бы близко к испанскому *te casarías*.

Билингвемы, составляющие заголовки разделов книги, такие как "Mira, Muchacha", часто являясь закрепившимися в языке-источнике интерференции как лингвопрагматические маркеры аутентичного дискурса, сразу контекстуализируют все их содержание и погружают читателя в особую дуальную социокультурную среду (см. раздел 2.1). В этой связи можно процитировать слова самого автора, которыми начинается данный раздел. "Is Mami's favorite way to start a sentence and I know I've already done something wrong when she hits me with: "Look, girl. . ." [Acevedo 2018: 6]. Также следует обратить внимание на грамматическую интерференцию в самом начале предложения, где, аналогично испанскому, не используется личное местоимение *it* в качестве субъекта сказуемого, а далее автор намеренно использует игру слов как прием.

Таким образом, основной характеристикой оригинального художественного текста автора-билингва является намеренное использование иноязычия для достижения определенной коммуникативной цели. Интерферемы названной разновидности текста, реализуемые в качестве билингвем, представляют, пожалуй, наиболее широкий интерференциальный спектр с типологической точки зрения: в тексте наблюдаются системные, лингвокультурные, ментальные и др. интерферемы. Поскольку данная разновидность художественного текста отличается от остальных активным использованием билингвем, которые зачастую носят неконтрастивный характер (см. раздел 2.4), то и предполагаемая целевая аудитория подобных произведений обязательно билингвальна.

3.4.2 Ариэль Дорфман. Роман *Konfidenz*: текст испано-английского автоперевода

В данном подразделе объектом исследования специфики *lingua fictio* станут фрагменты автоперевода текста художественного произведения Ариэля Дорфмана *Konfidenz*. Исследователи, изучающие автоперевод с различных точек зрения, указывают на такую его характеристику, как повышенная вольность (в этой связи см., например, статью И.А. Зюбиной и Н.А. Кумпан [Зобина 2015], В.И. Фролова [Фролова 2016], посвященную автопереводу романа В.В. Набокова «Лолита»). Но для анализируемого здесь текста эта черта не характерна, поэтому при рассмотрении данного аспекта текст автоперевода в определенной степени сравним с текстом перевода. Несмотря на это, «хотя перед переводчиком вообще и переводчиком-автором стоят, казалось бы, одни и те же задачи и трудности, в автопереводе разрешение их приобретает несколько иной характер, иное направление, иное содержание, чем в переводе обычном» [Финкель 1962: 104]. Именно последнее утверждение, а также тот факт, что исходный текст художественного автоперевода не направлен исключительно на билингвальную аудиторию (как в случае с некоторыми двуязычными оригинальными художественными текстами, «сопротивляющимися» переводу), позволяет выделить автоперевод в качестве отдельного объекта исследования специфики *lingua fictio*.

В обсуждаемом случае автор практически не использует альтернативные варианты для лексических единиц, по формальному сходству близких к единицам исходного текста. Кроме того, при анализе оригинального испаноязычного текста становится очевидной общая тенденция предпочтительного отношения к тем единицам первого и второго языков, которые в наибольшей степени близки по формальному признаку. Так, в тексте на испанском отсутствуют либо почти не употребляются синонимичные лексемы для *apenas* (*as soon as*), такие как *tan pronto como* (1), *en cuanto* (0), *al punto que* (0). С точки зрения формы именно подобное соотношение – *apenas* – *as soon as* – пред-

ставляется наиболее близким для означающих двух языков не только по фонемному составу ([a] в субъективном восприятии близка к фонеме [ə] и к фонеме [æ], которая в стандартном варианте английского языка является «сильной» альтернативой – strong form – для первой), но и по количеству слогов (3):

Оригинал	Автоперевод
<i>Apenas la mujer entra en la habitación 242, suena el teléfono</i> [Dorfman 1994: 11].	<i>As soon as the woman enters room 242, the phone rings</i> [Dorfman 1996: 3].
<i>¿Dijo que íbamos a casarnos apenas él volviera?</i> [Dorfman 1994: 46]	<i>And did he tell you we were going to marry as soon as he came back?</i> [Dorfman 1996: 42]
<i>Apenas el camarero se lleva el carro de la comida, suena el teléfono</i> [Dorfman 1994: 101].	<i>As soon as the waiter clears the room, the phone rings</i> [Dorfman 1996: 140].

Таким образом, при наличии подобных единиц в языке оригинала и языке перевода под воздействием межъязыковой интерференции в качестве основы при выборе тех или иных ресурсов зачастую берутся признаки самого низкого – фонологического уровня. Чем ниже уровень, на котором наблюдается сходство норм, тем «проще» переводчику отдать предпочтение определенной единице с данным сходством с сопутствующим нарушением адекватности перевода на более высоких уровнях. Для выделения данной интерференции введем понятие «структурной интерференции», так как сходство наблюдается лишь в отдельных элементах структуры нормы.

Еще одним показательным примером выступают случаи, когда лексемы языка-источника интерференции (здесь это язык исходного текста) и языка-объекта интерференции (языка перевода) имеют частичное формальное сходство из-за единого происхождения корня лексемы:

Оригинал	Автоперевод
<i>Ella no atiende de inmediato</i> [Dorfman 1994: 11].	<i>She does not answer immediately</i> [Dorfman 1996: 3].

Альтернативой *immediately* могло бы служить, например, *atonce*; хотя предложенный вариант не свидетельствует о переводческом упреке в адрес автора, поскольку целью настоящего анализа не является оценка адекватности конкретного перевода. Иными словами, в данном случае интерференци-

альное влияние (в отличие от структурной интерференции) проявляется и на лексическом уровне. Безусловно, речь здесь не идет об интерференции в классическом понимании, однако есть все основания утверждать о таком взаимовлиянии контактирующих языков, при котором происходит приоритезация используемых единиц. Следствием последнего является «забывание» прежде приоритетных единиц стандартного варианта языка (приведенное выше *atonce* или, например, *instantly*), что приводит к трансформации языка-объекта интерференции. Для выделения подобной разновидности интерференции ее можно номинировать как «родственную». Родственная интерференция вызвана спецификой процесса перевода и автоперевода, поскольку переводчик находится в постоянном визуальном контакте с родственной для языка перевода нормой.

Родственную интерференцию в анализируемом автопереводе можно обнаружить и на грамматическом уровне. Как в испанском, так и в английском языках существует конструкция со сложным дополнением, которая также имеет общие латинские корни, и в обоих языках она выполняет, пожалуй, идентичную по своей значимости для системы в целом функцию.

Оригинал	Автоперевод
<i>Veo a la mujer dudar otro instante</i> [Dorfman 1994: 11].	<i>I see the woman hesitate for one more moment</i> [Dorfman 1996: 3].
<i>Siento sus ojos pasear por mi cara y seguir de largo sin la menor señal de reconocimiento, posarse en otros rostros, volver al mío, continuar su búsqueda</i> [Dorfman 1994: 111].	<i>I feel her eyes passing over my face, continuing on their way without the slightest glimmer of recognition, stopping on other faces, returning to mine, continuing her search</i> [Dorfman 1996: 109].

Очевидно, что если бы родственная интерференция наблюдалась сразу на трех уровнях системы (не только на фонологическом и лексическом, как показано выше), то следовало бы говорить о диалектах одного языка, а не о различных языках.

Приведем пример интерференции на грамматическом уровне.

Оригинал	Автоперевод
<i>Se queda en el umbral, con la maleta en una mano y la llave en la otra, examinando la</i>	<i>She remains there in the doorway, her suitcase in one hand and the key in the other, examin-</i>

<i>habitación vacía, como si esperase que otra persona apareciera desde la nada y contestara</i> [Dorfman 1994: 11].	<i>ing the empty room, as if waiting for someone to appear out of nowhere and answer</i> [Dorfman 1996: 3].
Функционально аналогичное использование герундия.	

Родственная интерференция, наряду с другими типами интерференции, способствует унификации норм двух языков *Spanglish*. При этом в качестве интерференциальной специфики именно *lingua fictio* на системном уровне видится именно визуальная природа интерференции, поскольку при переводе автор находится в постоянном зрительном контакте с разноуровневыми нормами исходного текста. В *lingua cotidianus*, вероятно, преобладает аудиальный фактор. Следовательно, интерференция может возникать в зависимости от преобладающей репрезентативной системы в процессе речевой деятельности, внутри которой выделим внутреннюю речь и перевод в качестве характерных видов речевой деятельности для интерференции в *lingua fictio*.

Еще одним важным пунктом при рассмотрении именно художественного текста является знание и способность автора текста следовать нормам на стилистическом уровне. По мнению Л.В. Щербы, нередко авторы забывают про данный уровень, который не менее, если не более, важен, чем любой другой, и который по существу меньше всего зависит от «произвола» писателя, если только этот последний желает быть правильно понятым [Щерба, 2004: 276-277]. В этой связи рассмотрим следующий пример интерферемы, которая нарушает стилистическую норму английского языка и придает соответствующей единице перевода разговорно-сниженную окраску (*offensive*):

Оригинал	Автоперевод
<i>Sí, pero no traía ningún mensaje de Martin. Traté de preguntarle pero parecía mudo</i> [Dorfman 1994: 12].	<i>Yes, but he didn't bring any message from Martin. He seemed deaf and dumb</i> [Dorfman 1996: 4].

В испанском *mudo* («немой»), согласно словарю *Clave*, применимо к человеку лишь в своем 3-м и 4-м значениях, причем именно в 3-м оно имеет значение 'молчаливый', а в 4-м – лишенный способности говорить в результате заболевания. При этом в своем 3-м значении оно не имеет негативной

коннотации, как используемый А. Dorfmanом фразеологизм *deaf and dumb*, который в этом плане имеет противоположное значение: "Deaf and dumb" (or even just "dumb", when applied to deaf people who do not speak) is an archaic term that is considered offensive [<http://www.nchearingloss.org/dumb.htm>].

Данный автоперевод представляет интерес и с точки зрения концептуального анализа (см. подраздел 3.4.1).

Оригинал	Автоперевод
<i>Una mujer que yo... aprecio mucho, me aconsejó hace muchos años que nunca describa a una persona muerta. La muerte se repite a través de las palabras, me dijo. Es nuestra responsabilidad negarle el lenguaje a la muerte [Dorfman 1994: 32].</i>	<i>A woman whom I—let's say somebody special, she gave me some advice many years ago: Never describe a dead person. Death repeats itself through words, she told me. We have to deny a language to death [Dorfman 1996: 26].</i>

Персонификация смерти в контексте обращения к ней в памяти свойственна для концептуальной картины мира, отраженной в текстах других испаноязычных авторов, что свидетельствует об отношении подобного способа концептуализации к норме для испанской картины мира в целом (а не к идиостилю отдельного автора). Ниже приводятся фрагменты с аналогичным представлением о смерти двух других авторов.

Sabe venir sola y no debe nombrársela, pues puede creer que la llaman... (Vicente Blasco Ibáñez) [<https://www.frasesde.org/frases-de-muerte.php>]. Она умеет приходить одна, и не следует называть ее по имени, ведь ей может показаться, что ее зовут.

Yo no me pienso morir, ya lo tengo claro. Lo he estado hablando y no le encuentro la gracia (Andreu Buenafuente) [<https://citas.in/frases/89707-andreu-buenafuente-yo-no-me-pienso-morir-ya-lo-tengo-claro-lo-he-es/>]. Я не думаю о смерти, мне это совершенно ясно. Я говорил с ним о смерти и не нахожу ее веселой.

Фразеология английского языка, связанная со смертью, не опровергает наличия подобной концептуализации, но и не опровергает ее отсутствия. В связи с этим следует обратиться к фольклорной версии языковой картины мира. В первую очередь необходимо отметить, что концепт смерти неизбеж-

но связан с религиозными представлениями народа, что не может не отражаться на нем самом. В США, например, ведущим христианским направлением является протестантизм [Johnstone 2001], в рамках которого существует отличное от католицизма представление о смерти. Согласно протестантскому учению, все исповедующие христианство извели первую смерть, когда отреклись от жизни греховной и возродились во Христе. Поэтому вторая смерть, при которой душа оставляет тело, уже не страшна. По учению доминирующей среди латиноамериканского населения США католической церкви, смерть – это конец земной жизни, отлучение души от тела. Причем душа отлучается не навсегда, но до времени восстания из мертвых. Тело умершего погребают на кладбище, а душа переходит в вечность и идет на Божий суд. Далее приведем фрагменты из народных американских песен, вербально выражающие подобную концептуализацию, причем также в религиозном контексте.

<i>I'll Fly Away</i> (исполняли Хэнк Уилльямз, Джонни Кэш, Джерри Ли Льюис и др.)	<i>I'll Fly Away</i> (исполняли Хэнк Уилльямз (автор), Джонни Кэш, Джерри Ли Льюис и др.)
<i>Some glad morning when this life is over, I'll fly away. To a home on God's celestial shore, I'll fly away.</i>	<i>Now I am climbing higher each day Darkness of night has drifted away My feet are planted on higher ground Glory to God, I'm home-ward bound He set me free, yes, He set me free And, He broke the bonds of prison for me</i>
[https://www.youtube.com/watch?v=Ts1N2snAHZY]	[https://www.youtube.com/watch?v=FmtK6KwvkWI]

Таким образом, исходный текст автоперевода художественного текста сравним с любым другим двуязычным оригинальным художественным текстом с учетом того обстоятельства, что авторами обоих текстов являются билингвы. Однако не каждый текст двуязычного оригинального художественного произведения сравним с исходным текстом, послужившим основой для автоперевода, поскольку определенная разновидность первого изначально направлена на билингвальную аудиторию, что и послужило основой для отдельного анализа в исследовании оригинального художественного текста и автоперевода.

Тот факт, что исходный текст автоперевода трансформируется в переводной текст, сам по себе свидетельствует о несколько иной интерференциальной специфике, но данная специфика, конечно, не столь существенна, чтобы выделять текст автоперевода и оригинальный художественный текст как самостоятельный вариант *Spanglish*. В данной специфике нет признаков намеренного отхода от нормы, как и в случае с переводом, однако, поскольку посредником в автопереводе, как правило, является сбалансированный билингв, то этой специфике присущи структурная интерференция, родственная интерференция и другие отклонения, которые, вследствие высокой степени конвергенции языков в сознании переводчика, приводят к изменению индивидуальной языковой системы. А это ведет к закреплению спровоцировавших эти изменения фактов (в случае билингвов) и сами изменения (в случае билингвов и монолингвов) в сознании языкового коллектива в целом. Среди них отметим, прежде всего, изменение распределения приоритета в предпочтении тех или иных языковых единиц, стилистические «сдвиги» (когда меняется стилистическая окраска определенной единицы текста перевода под воздействием языка-источника интерференции) и интерференцию на концептуальном уровне.

3.4.3 Карлос Руис Сафон. Роман *La sombra del viento*: текст перевода (перевод Лусии Грейвз)

Для заявленного в названии данного раздела перевода характерна именно концептуальная интерференция, в частности, использование в тексте оригинала и перевода когнитивных метафор, которые либо преимущественно относятся к идиостилю автора оригинала, либо к испанской метафорической картине мира, и которые под влиянием межъязыковой интерференции переходят в язык перевода – английский. Для выявления подобных интерферем используем комбинацию методов концептуального анализа и контрастивного анализа. Она позволяет, с одной стороны, выявить когнитивные метафоры в тексте оригинала и перевода, а с другой, сопоставить и определить их при-

надлежность к идиостилю автора и/или испанской и/или английской метафорической картине мира посредством обращения к фразеологическому фонду двух языков. В случае, если когнитивные метафоры текста оригинала и перевода и ранее существовали в языках оригинала и перевода в качестве нормы, уместно утверждать о консолидации данных когнитивных метафор в обоих языках, а также об их интерференциальной актуализации (по аналогии с теми интерферемами, которые увеличивают частотность употребления тех или иных единиц, подробно рассмотренных в разделе 3.1) с определенными последствиями для языкового сознания коммуникантов (автор-читатель); в случае, если когнитивные метафоры являются инородными элементами для метафорической картины мира языка-объекта интерференции, уместно утверждать о полноценной концептуальной интерференции.

Анализ фактологического материала указывает на то, что одним из основных элементов испанской метафорической картины мира, которые актуализируются в романе, является концепт книги. Метафорическое переосмысление указанных концептов свойственно не только идиостилю Карлоса Руиса Сафона, но и присутствует в лексико-фразеологической системе испанского языка. Однако концепт книги в своем метафорическом воплощении не всегда имеет одинаковое значение в метафорической картине мира носителей других языков, в частности, английского, что вызывает концептуальную интерференцию и, следовательно, определенные сложности перевода, особенно в контексте стремления добиться максимально возможной адекватности текста перевода тексту оригинала.

La sombra del viento, по сути, — это книга о книге. Любопытно, что книга в нем зачастую метафоризируется, персонифицируется, отождествляется с живой сущностью. Например, у каждой книги есть душа, о чем свидетельствует следующий фрагмент:

<i>Cada libro, cada tomo que ves, tiene alma.</i> [Zafón 2005: 10].	Every book, every volume you see here, <i>has a soul</i> [Zafón 2004: 3].
---	---

Используя метафору *cementerio de los libros olvidados* [Zafón 2005: 5]

(*the Cemetery of Forgotten Books* [Zafón 2004: 1]), автор указывает на то, что книги, как и люди, смертны. Современный мир забыл о таких ценных атрибутах жизни, как книги, а худшая судьба для книг и писателей – это забвение.

Книга отражает внутренний мир читателя, является зеркалом для человека (его отражением), без нее невозможно заглянуть себе в душу:

<i>Los libros son espejos: sólo se ve en ellos lo que uno ya lleva dentro</i> [Zafón 2005: 250].	Books are mirrors: you only see in them what you already have inside you [Zafón 2004: 215].
--	--

С книгами заводят дружбу:

<i>Me crié entre libros, haciendo amigos invisibles en páginas que se deshacían en polvo y cuyo olor aún conservo en las manos</i> [Zafón 2005: 8].	<i>I was raised among books, making invisible friends in pages that seemed cast from dust and whose smell I carry on my hands to this day</i> [Zafón 2004: 1].
---	--

На книгах женятся:

<i>Los dos nos habíamos quedado viudos y él se lamentaba de que ahora estábamos casados con los libros, yo con los viejos y él con los de la contabilidad</i> [Zafón 2005: 82].	<i>We were both widowers by then, and he would complain that we were now married to the books, I to the old ones and he to his ledgers</i> [Zafón 2004: 67].
--	---

Таким образом, в тексте перевода можно наблюдать концептуальные интерференции, которые передаются средствами другого языка и воплощаются в нем. Однако полноценными интерференциями данные концепты можно назвать лишь в том случае, если доказано их отсутствие или консолидация в языке-объекте интерференции и, напротив, их репрезентативность и фиксация в языке-источнике интерференции; иными словами, данные концепты не должны быть свойственны исключительно идиостилю автора.

В испанской поговорке *el mejor amigo, un libro* (лучший друг – книга) [<http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/refranes-alusivos-a-la-ensenanza/html/>] можно найти сходство с метафорическим представлением автора романа о книге; следовательно, речь идет о сходстве используемого им способа концептуализации книги с метафорической картиной мира испанского языка в целом. Так, в испаноязычном фразеологическом фонде

имеется и такая метафора, связанная с зеркалом: *no hay mejores pejo que el amigo viejo* (нет лучше зеркала, чем старый друг) [<http://hombrefranero.blogspot.com/2011/02/no-hay-mejor-espejo-que-el-amigo-viejo.html>], а, как следует из уже проведенного концептуального анализа, лучший друг человека – это книга.

В следующем весьма распространенном обороте можно наблюдать сравнение книги с душой в том плане, что книга, как и душа, открыта, искренна: *como un libro (abierto)* – букв. ‘открытый, как книга’ [Clave 2006].

Аналог последнего фразеологизма (аналог потому, что передается средствами другого языка), существует и в английском – *an open book* [<https://www.espressoenglish.net/10-english-expressions-with-the-word-book/>], но очевидно, что одной ее недостаточно для построения метафорической модели, существующей в испанском языке. Приведем другие подобные когнитивные метафоры английской фразеологии, концептуализирующие человека в терминах книги, однако их разработка ограничена лишь, как правило, фактом или процессом познания, например: *a closed book* (как противоположность *an open book*), *a booksmart*, *a bookworm*, *bankbook*, *do you read me?*, *in my book*, *off the books*, *on the books*, etc. И здесь необходимо отметить, что в английском сегменте интернета существует немало примеров, когда различные цитаты (часто переведенные), отражающие, таким образом, идиостиль их автора, выделяются и фиксируются как нечто уже консолидированное [<https://www.keepinspiring.me/quotes-about-books-and-reading/>]. Так, в последней ссылке приводится цитата из Цицерона: «A room without books is like a body without a soul». Иными словами, речь здесь вновь идет о концептуальной интерференции, но языком-источником интерференции на этот раз является мать испанского языка – латынь.

Итак, перевод художественного текста представляет интерес именно благодаря концептуальной интерференции, которая, в отличие от оригинального художественного текста, направленного исключительно на билингвальную аудиторию, может оказывать влияние не только на читателей-билингвов,

но и на монолингвов, поскольку ни автор исходного текста, ни переводчик не стремятся к отходу от нормы, а сам отход от нормы, если он и наличествует, происходит в результате невозможности более адекватно передать план содержания исходного текста ввиду глубокого интертекстуального проникновения метафорических концептов в смысловую ткань текста.

Подводя итог, можно сказать, что для *lingua fictio* в большей степени характерна интерференция на концептуальном уровне, в частности, его спецификой являются когнитивные метафоры, которые получают развитие в связи с тем, что взаимодействие между автором и читателем происходит в ходе одного коммуникативного акта; отсутствие традиционного диалога способствует более глубокому метафорическому переосмыслению концептов и установлению новых связей между ними. В качестве другой особенности *lingua fictio* можно отметить тот факт, что в результате визуального контакта с оригиналом текста (при переводе) переводчик отдает предпочтение тем единицам в тексте перевода, которые по частичному формальному сходству близки к единицам текста оригинала, поэтому для переводов характерна структурная и родственная разновидности интерференции. В то же время спецификой данного варианта *Spanglish* является объединение практически всех интерференциальных признаков, свойственных и для других вариантов *Spanglish*. Логично предположить, что это связано с тем обстоятельством, что *lingua fictio* реализуется потенциал всех функциональных стилей, которые во многом и определяют степень стремления к норме со стороны автора.

Выводы к Главе 3

Анализ четырех диафазических вариантов *Spanglish* – *lingua educatio*, *lingua cotidianus*, *lingua ars*, *lingua fictio* – приводит к выводу: каждый из этих вариантов обладает своим уникальным набором характеристик, определяющим его интерференциальную специфику. Очевидным становится доминирование в количественном отношении тех вариантов, в которых стремление к норме и, следовательно, субъективное подавление интерференции не

являются обязательным условием для успешной коммуникации: *lingua cotidianus*, *lingua ars* и *lingua fictio*. Иными словами, для всех вариантов присуща различная степень стремления к норме в речи, что обусловлено преимущественно экстралингвистическими факторами.

В *lingua educatio* это строгие требования той социально-коммуникативной сферы, в которой данный идиом реализуется; эти требования продиктованы необходимостью стандартизации изложения научного знания в соответствии с общепринятыми нормами, в том числе и на системном уровне, а также контролем за ее соблюдением со стороны третьих лиц, особенно в письменной речи (высокая степень стремления к норме).

В *lingua cotidianus*, напротив, наблюдается резкое снижение требования стремления к норме, хотя ее нарушение зачастую предопределено психо- и нейролингвистическими факторами, и в качестве чисто лингвистических индикаторов последнего утверждения могут рассматриваться интерференциальные элементы, наблюдаемые в речи билингвов. Поскольку одной из главных особенностей *lingua cotidianus* является явление интерсентенциального переключения кодов (всегда в рамках одной речевой ситуации), то для данного варианта, как ни для одного другого, характерна внутренняя интерференция (обусловлена сбалансированным билингвизмом).

В *lingua ars*, в отличие от *lingua educatio* и в известной мере от *lingua cotidianus*, речи коммуникантов присуща контролируемая (субъективно-волевая) интерференция, что снова обусловлено участием в коммуникации третьих лиц-посредников; однако, в отличие от *lingua educatio*, третьи лица способствуют отходу от нормы, и это обстоятельство позволяет терминировать интерферемы данного варианта как билингвемы.

Lingua fictio во многом близок по специфике к *lingua ars*, так как в данном варианте игнорирование нормы предопределено интенцией автора, но при этом названному варианту также свойственны дифференцирующие признаки: (1) продуцентом билингвем всегда является автор текста; (2) в *lingua fictio* наблюдается весьма ограниченное влияние языка-источника интерфе-

ренции с позиции трансформации интерферемы в норму на фонологическом уровне, поскольку как автор продуцирует текст во внутренней речи (отсутствие выхода во внешнюю речь), а участник коммуникации, не являющийся автором текста, лишь пассивно интерпретирует переданное автором сообщение; (3) именно в *lingua fictio* и именно в переводческом секторе данного варианта наиболее явно проявляется родственная интерференция; (4) наконец, в *lingua fictio*, как ни в одном другом варианте *Spanglish*, развита традиция использовать метафоризованные когнитивные структуры. Это обстоятельство обусловлено тем фактом, что коммуникация в нем происходит в рамках одной (единой) коммуникативной ситуации.

Анализ автоперевода (авторского перевода) как специфического вида креативной двуязычной деятельности позволяет утверждать, что наличие в нем определенной интерференции зависит от степени буквализма и/или вольности в подходе к переводу. Если автор-переводчик прибегает к значительной трансформации исходного текста, что весьма распространено в данном подвиде перевода, то источником интерференции преимущественно является один из двух языков билингва как доминирующее ментальное образование; если автор не допускает подобной трансформации (как в рассмотренном выше тексте автоперевода), то также наблюдается интерференциальное влияние языка оригинального текста («языка оригинала»). Таким образом, ЛК переводчика при автопереводе влияет на специфику интерференции, но не может ее исключать в силу уже самого факта сосуществования и взаимодействия в сознании автора двух языков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Межкультурная вербальная коммуникация в эпоху глобализации способствует конвергенции языков, развитию контактов между ними и, следовательно, утверждению билингвальных практик и межъязыковой интерференции. Интерференция результирует в отклонение от нормы на всех уровнях системы языка. Сегодня массовый билингвизм, хотя и обнаруживает сходство конфигураций в ситуациях общения с прежними эпохами, отличается от них по некоторым значимым признакам, которые требуют если не пересмотра, то постоянной актуализации знания, полученного и систематизированного ранее авторами фундаментальных трудов по теории языковых контактов. Принципиальным здесь является то, что, возникая в ситуации билингвизма, межъязыковая интерференция изменилась и продолжает изменяться по форме выражения, то есть в своем речевом воплощении.

Во-первых, интерференционная картина «классического» на сегодняшний день лингва франка по динамике чередования минимумов и максимумов отклонения от нормы (результат интерференции) не позволяет приравнивать его к прежним вариантам идиома с лингвистической точки зрения. Иными словами, межъязыковая интерференция проявляется неизменно; варьируется лишь степень ее интенсивности.

Во-вторых, сегодня существует *Spanglish* – диатопический вариант АЛФ, для которого характерно, помимо специфической интерференционной картины, явление интерсентенциального переключения кодов, представляющее собой своего рода продолжение интерференции не на уровне системы языка, а на уровне высказывания как единицы речемыслительной деятельности. Импульс подобному переключению задает интерференциальный элемент и его ассоциативный потенциал. Одно из главных отличий интерференциального элемента от обыкновенной интерферемы заключается в том, что он рассматривается говорящим в условиях естественного билингвизма в качестве нормы, а отклонение от нормы возникает тогда, когда наличествует сам факт интерсентенциального переключения кодов. Иными словами, ин-

терсенциальному переключению кодов предшествует неопределенность говорящего между тем, что является нормой для языка-объекта интерференции и нормой для языка-источника интерференции. При этом знания и навыки стандартных вариантов двух языков приобретены билингвом естественно. Подобное отождествление нормы с ненормой указывает на постепенное ослабление и вытеснение первой. Этот процесс детерминирован и тем фактом, что в США, например, не существует институтов, планомерно и основательно эту норму поддерживающих.

В-третьих, в настоящее время *Spanglish* демонстрирует намного больший масштаб охвата и проникновения в систему многочисленных доменов «живой» коммуникации, что привело к возникновению и развитию различной степени следования норме в доменах как элементах данной системы в силу особых экстралингвистических характеристик сфер деятельности, которые они обслуживают.

Так, в образовании и науке (*lingua educatio*) следование общепринятой норме является обязательным условием для соблюдения критерия объективности в передаче знания, а отклонения от нормы, если и присутствуют, обусловлены появлением новых терминов и не содержат всеобъемлющего и глубокого в системном отношении характера. В повседневной речи (*lingua cotidianus*), напротив, у коммуникантов нет строгих предписаний относительно того, как выстраивать свое речевое поведение, результатом чего являются не только многоуровневые отклонения от нормы, но и переключение кодов. В домене искусства (*lingua ars*) интерференция в сравнении с доменом науки, напротив, – по причине экстралингвистических особенностей соответствующей сферы деятельности – интерференция используется намеренно (субъективно-волевая интерференция) для привлечения внимания собеседника или для того, чтобы подчеркнуть национальную идентичность героев произведения искусства. Причем зачастую сами герои не являются носителями билингвизма, а лишь имитируют интерференцию для реализации авторской концепции, что также являются одной из основных интерференциальных

особенностей дискурса на *lingua ars* и накладывает отпечаток на переход интерферемы в определенную норму. Вариант *lingua fictio*, используемый в социально-коммуникативной сфере художественной литературы, объединяет в себе все разновидности межъязыковой интерференции, являясь, таким образом, наиболее благоприятной средой для ее развития. Причем в рамках данного варианта следует особо выделить перевод и автоперевод как его частные проявления, в которых билингвизацию дискурса осуществляет переводчик, а аудитория знакомится с новой концептуальной картиной мира, передаваемой знаковой системой языка перевода.

Контрастивный анализ специфик вариантов *Spanglish* не исключает тенденции данного идиома к формированию внутри себя новых норм. Об этом допустимо утверждать потому, что, хотя и в отдельных социально-коммуникативных сферах для трансформации языка-объекта интерференции предпосылок нет, ареалы использования *Spanglish* в государствах американского континента в целом в настоящее время характеризуются благоприятными экстралингвистическими признаками для гармоничного развития и равномерного разделение ролей двух составляющих его языков в процессе коммуникации.

В-четвертых, как свидетельствуют специфики рассмотренных вариантов *Spanglish*, интерференция в них всегда реализуется в речи, поскольку современный «классический» лингва франка не является кодифицированным идиомом и не служит основой для создания новых языков уже только потому, что параллельно с ним столь же широко используются национальные языки. Возможно, их более активное вытеснение – это вопрос времени, поскольку результаты настоящего исследования указывают и на то, что с появлением новых норм, которые раньше были интерферемами, постепенно трансформации подвергается и язык. Связано это с тем, что теперь язык как явление социальное ранее придавал устойчивость языковой норме; сейчас же он находится в ином отношении с речью как психофизическим механизмом,

работающим с симультанным вовлечением двух или более разноязычных систем с контрастирующими нормами.

Наконец, в-пятых, *Spanglish* и его интерференционная картина – это уникальный пример идиома, возникшего как следствие конвергенции двух из числа наиболее распространенных национальных языков, и то обстоятельство, что носители *Spanglish* подчас естественным образом овладевают идиомами англо-испанского билингвизма, позволяет говорить о единой модели возникновения интерференции между этими языками на всех уровнях системы. В условиях массового билингвизма в государствах испанидад и США данное обстоятельство лишь подтверждает гипотезу о способности и возможности *Spanglish* перейти в иное лингвистическое состояние.

Говоря о перспективах, следует отметить, что сложившиеся условия открывают новые перспективы для исследования механизмов функционирования речи как знаковой системы. Возникающая в подобной ситуации билингвизма межъязыковая интерференция, в основе которой, очевидно, лежит ассоциативная теория, позволяет по-иному взглянуть на ЛК, что способствует получению новых знаний для выстраивания творческого процесса и моделирования рассуждений в разработках искусственного интеллекта. В частности, любопытными представляются исследования проблем близости механизма межъязыковой интерференция со способностью абстрактного мышления, которое, как и в случае билингвального мышления, предполагает переключение на отличную от изначальной систему координат восприятия мира, комбинирование образов и символов, которые в монолингвальной среде невозможно свести воедино.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Авина, Н.Ю. Язык русской диаспоры: культурно-речевые проблемы (на Материале Литвы) / Н.Ю. Авина // Язык в движении: к 70-летию Л.П Крысина / отв. ред. проф. Е.А. Земская, проф. М.Л. Каленчук. – М.: Языки славянской культуры, 2007. – С. 9-19.
2. Алисова, Т.Б. Введение в романскую филологию / Т.Б. Алисова, Т.А. Репина, М.А. Таривердиева. – М.: Изд-во «Высшая школа», 2007. – 453 с.
3. Ананьина, М.А. К вопросу об особенностях языковой интерференции / М.А. Ананьина // *Linguamobilis*. – Челябинск: Изд-во «Энциклопедия», 2014. – № 1 (47). – С. 50-54.
4. Апресян, В.Ю. Метафора в семантическом представлении эмоций / В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – М.: Изд-во «Наука», 1993. – № 3. — С. 27-35.
5. Арапова, Н.С. Калька / Н.С. Арапова // Большой энциклопедический словарь: языкознание / глав. ред. проф. В.Н. Ярцева. – М.: Большая российская энциклопедия, 1998. – С. 211.
6. Арутюнова, Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / глав. ред. проф. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 688.
7. Бабушкин А.П. Роль стереотипов в натурализации элементов «чужой» концептосферы // Лакуны в языке и речи: сб. науч. тр. / под ред. проф. Ю.А. Сорокина, проф. Г.В. Быковой. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. – С. 178-183.
8. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин. — Воронеж: Изд-во ФГБОУ ВО ВГУ, 1996. — 104 с.
9. Багана, Ж. Акцент и ошибки как проявление интерференции / Ж. Багана, Е.В. Хапилина // Вестник Воронежского государственного университета. – Воронеж: Изд-во ФГБОУ ВО ВГУ, 2006. – № 1. – С. 55-58.

10. Багироков, Х.З. Билингвизм: теоретические и прикладные аспекты (на материале адыгейского и русского языков) Х.З. Багироков. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2004. – 316 с.
11. Байрамова, Л.К. Лингвистические лакунарные единицы и лакуны / Л.К. Байрамова // Вестник Челябинского государственного университета. – Изд-во ЧелГУ. – № 25. – С. 22-27.
12. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин / 2-е издание. – М.: Искусство, 1986. – 446 с.
13. Башкова, И.С. Нейропсихологическая характеристика билингвизма / И.С. Башкова, И.Г. Овчинникова // Вопросы психолингвистики. – М.: Изд-во Института языкознания РАН, 2013. – №17. – С. 52-69.
14. Бородина, Д.С. Транснациональный английский язык в англоскандинавском билингвизме / Д.С. Бородина. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. - 324 с.
15. Вайнрайх, У. Основные вопросы теории языковых контактов/ У. Вайнрайх // Новое в лингвистике / под ред. В.Ю Розенцвейг. – М.: Изд-во «Прогресс», 1972. – Вып. VI. – С. 25–60.
16. Вайнрайх, У. Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования / У. Вайнрайх. – Киев: Высшая школа, 1979. – 263 с.
17. Величко, А.В. Закон экономии как условие функционирования и развития языка / А.В. Величко // Мир русского слова. – СПб: Изд-во «РОПРЯЛ», 2015. – № 2. – С. 12-17.
18. Верещагин, Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма) / Е.М. Верещагин. — М.-Берлин: Директ-Медиа, 2014. — 162 с.
19. Вишневская, Г.М. Канадский языковой разлом (англо-французский билингвизм) / Г.М. Вишневская, А.А. Абызов. – Иваново: ИВГПУ, 2016. – 200 с.

20. Вишневская, Г.М. Канадский языковой разлом (англо-французский билингвизм) / Г.М. Вишневская, А.А. Абызов. – Иваново: Изд-во ИВГПУ, 2016. – 200 с.
21. Вишневская, Г.М. Современный билингвизм и языковая глобализация / Г.М. Вишневская // Межвуз. сб. науч. тр / отв. ред. проф. Г.М. Вишневская. – Иваново: Изд-во ИГУ, 2008. – С. 6-12.
22. Гавранек, Б.К. проблематике смешения языков / Б. Гавранек // Новое в лингвистике / под ред. В.Ю Розенцвейга. – М.: Изд-во «Прогресс», 1972. – Вып. VI. – С. 94–111.
23. Гвариленко, О.В. Киноязык в современной культуре / О.В. Гвариленко, Т.Д. Марцинковская, В.Р. Орестова // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. – М.: Изд-во РГГУ, 2017. – № 3 (9). – С. 58-72.
24. Герц, Г. Принципы механики, изложенные в новой связи / Г. Герц // Жизнь науки. Антология вступлений к классическому естествознанию / ред. И.И. Артоболевский; пер. В.Ф. Котов, А.В. Сулимо-Самуило. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. – 383 с.
25. Гридина, Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество / Т.А. Гридина. – Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 1996. – 214 с.
26. Дешериева, Ю.Ю. Проблемы интерференции и языкового дефицита. На материале рус. речи носителей англ. языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Дешериева Юлия Юнусовна. – М., 1976. – 15 с.
27. Еленевская, М.Н. Повседневная речь мигрантов: многоязычие, аттриция и креативность / М.Н. Еленевская // Уральский филологический вестник. – Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2020. – № 2. – С. 146-155.
28. Жеребило, Т.В. Словарь лингвистических терминов / Т.В. Жеребило. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
29. Жеребило, Т.В. Термины и понятия лингвистики: Общее языкознание. Социолингвистика: Словарь-справочник / Т.В. Жеребило. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2011. – 280 с.

30. Захватаева, К.С. Языковые контакты: базовые понятия и их стратификация / К.С. Захватаева // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2010. - № 126. – С. 165-170.
31. Зеленев, Е.И. Постижение образа мира / Е.И. Зеленев. – СПб.: КАРО, 2012. – 336 с.
32. Зюбина, И.А. Фрагмент речевого поведения билингва В. Набокова и его переводчиков (на материале романа «Лолита») / И.А. Зюбина, Н.А. Кумпан // Полилингвильность и транскультурные практики. – М.: Изд-во РУДН, 2015. – № 5. – С. 343-348.
33. Ильяшенко, Т.П. Социальные диалекты и профессиональные стили: отдельный оттиск доклада на Международном социологическом конгрессе в Варне / Т.П. Ильяшенко. – М., 1970. С. 4.
34. Карпова, Ю.А. Языковая личность переводчика в устном переводе / Ю.А. Карпова // Вестник Челябинского государственного университета. — Челябинск: Изд-во ЧГУ, 2011. — С. 233–235.
35. Кирилина, А.В. Основные модели описания языковых изменений в условиях глобализации / А.В. Кирилина, Е.С. Грищенко // Власть. – М.: ООО «Редакция журнала «Власть», 2011. – № 5. – С. 56-59.
36. Клюев, Ю.В. Дискурс в массовой коммуникации (междисциплинарные характеристики, концепции, подходы) / Ю.В. Клюев // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. – СПб: Изд-во СПбГУ, 2013. – № 1. – С. 207– 217.
37. Корниенко, А.Ф. Соотношение понятий «язык», «мышление» и «сознание» в психологии и когнитивной лингвистике / А.Ф. Корниенко // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. – № 3 (36). – С. 5-15.
38. Крутобережская, А.С. Интерференция как объект исследования психолингвистики / А.С. Крутобережская, Я.В. Солдатова // Иновационная наука. – Уфа: ООО «Аэтерна», 2015. – № 7-2. – С. 53-56.

39. Крысин, Л.П. Кодовые переключения как компонент речевого поведения человека / Л.П. Крысин // Речевое общение: специализированный вестник. – Красноярск: Изд-во СГУ, 2000. – Вып. 3 (11). – С. 61-64.
40. Лалетина, А.О. Языковая норма в эпоху глобализации / А.О. Лалетина // Ученые записки Казанского университета. – Казань: Изд-во КФУ, 2011. - Вып. 153, № 6. – С. 219-226.
41. Леонтьев, А.Н. О путях исследования восприятия / А.Н. Леонтьев // Восприятие и деятельность / под ред. А.Н. Леонтьева. – М.: Изд-во МГУ, 1976. – С. 3-28.
42. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под общ. ред. проф. В.П. Нерознака. — М.: Academia, 1997. — С. 280-288.
43. Лобастов, Г.В. Мышление и речь: что было вначале? / Г.В. Лобастов // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. – М.: Изд-во РГГУ, 2017. – № 2 (8). – С. 29-51.
44. Мартине, А. Распространение языка и структурная лингвистика / А. Мартине // Новое в лингвистике/ отв. ред. В.Ю Розенцвейг. – М.: Изд-во «Прогресс», 1972. – Вып. VI. – С. 81–93.
45. Межецкая, Г.Н. Интерференция в письменном переводе студентов неязыковых направлений подготовки / Г.Н. Межецкая // Вестник Череповецкого государственного университета. – Череповецк: Изд-во ЧГУ, 2014. – №3 (56). – С. 93-96.
46. Мележик, К.А. Деловая коммуникация на английском лингва франка как процесс и дискурс / К.А. Мележик // Язык в различных сферах коммуникации: сб. материалов междунар. науч. конф. / под общ. ред. проф. Т.Ю. Игнатович. – Чита: Изд-во ЗабГУ, 2014. – С. 84– 87.
47. Мележик, К.А. Факторы идентификации статуса английского языка как лингва франка в межнациональной коммуникации / К.А. Мележик // Вестник Брянского государственного университета. – Брянск: Изд-во БГУ, 2016. - № 2 (28). – С. 187-190.

48. Мещанинов, И.И. Вопросы грамматики: сборник статей к 75-летию академика И.И. Мещанинова / И.И. Мещанинов / отв. ред. В.М. Жирмунский. – Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 12-28.

49. Михальченко, В.Ю. Словарь социолингвистических терминов / В.Ю. Михальченко, В.А. Кожемякина, Н.Г. Колесник и др. – М.: Изд-во Института языкознания РАН. Институт языкознания. Российская академия лингвистических наук, 2006. – 312 с.

50. Мокрова, Н.И. Песня как явление комплексного характера / Н.И. Мокрова // Вестник Иркутского государственного университета. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2015. – № 6 (101). – 389-393.

51. Мустайоки, А. Почему общение на лингва франка удается так хорошо? / А. Мустайоки // Языки соседей: мосты или барьеры? Проблемы двуязычной коммуникации: сборник статей. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. – С. 10–31.

52. Найман, Е.А. Английский язык в статусе языка всемирного общения в сфере образования / Е.А. Найман, С.К. Гураль, В.М. Смокотин // Вестник Томского государственного университета. – Томск: Изд-во ТГУ, 2013. – № 367. – С. 158-164.

53. Нелюбин, Л.Л. Толковый переводоведческий словарь / Л.Л. Нелюбин. – М.: Изд-во «Флинта», 2006. – 320 с.

54. Николаев, С.Г. Иноязычие как метакомпонент художественного текста (к вопросу о билингвеме в поэзии) // Филологический вестник Ростовского государственного университета. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 2004. – № 3. – С. 28-33.

55. Николаев, С.Г. Монолингвизм героев песни *The Beatles* ‘MICHELLE’ как причина коммуникативного коллапса в лирическом тексте. Часть 1 // Известия Южного федерального университета. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2018. – № 3. – С. 12-21.

56. Николаев, С.Г. Монолингвизм героев песни *The Beatles* ‘MICHELLE’ как причина коммуникативного коллапса в лирическом тексте.

Часть 2 // Известия Южного федерального университета. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2018. – № 4. С. 48-53.

57. Николаев, С.Г. Русский как лингва франка: утверждение статусных характеристик / С.Г. Николаев // Славянская филология и культура в интеллектуальном контексте времени: сб. материалов I междунар. науч.-практ. конф. / отв ред. проф. А.В. Кузнецова. – Ростов-на-Дону – Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2019. – С. 72-82.

58. Николаев, С.Г. Феноменология билингвизма в творчестве русских поэтов. Часть I: теоретические основы изучения иноязычия в поэзии / С.Г. Николаев. — Ростов-на-Дону: Изд-во «Старые русские», 2004. — 176 с.

59. Николаев, С.Г. Феноменология билингвизма в творчестве русских поэтов. Часть II: онтологические, корреляционные и функциональные характеристики иноязычия в поэзии / С.Г. Николаев. — Ростов-на-Дону: Изд-во «Старые русские», 2005. — 295 с.

60. Николаев, С.Г. Феномен билингвизма: проблематика и исследовательские перспективы / С.Г. Николаев // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2013. – № 3. – С. 86-96.

61. Остин, Дж.Л. Слово как действие / Дж.Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике / отв. ред. Б.Ю. Гордецкий. М.: Изд-во «Прогресс», 1986. – Вып. XVII. – С. 22–129.

62. Павленко, А. Русский язык как лингва франка в зарубежной сфере обслуживания / А. Павленко // Мир русского слова. – СПб: Изд-во «РОПРЯЛ», 2016. – № 1. – С. 23–32.

63. Панькин, В.М. Языковые контакты. Краткий словарь / В.М. Панькин, А.В. Филиппов. – М.: Изд-во «Флинта», 2011. – 160 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://language_contacts.academic.ru/ (дата обращения: 10.10.2021).

64. Паскарь, Л.М. Грамматическая интерференция в русской речи студентов-молдаван и пути ее преодоления в практическом курсе русского языка: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Л.М. Паскарь. – М., 1989. – 17 с.

65. Пелевина, Н.А. Лингвокультурная специфика концептуализации и актуализации компонентов авторской картины мира (на материале текстов тюремной прозы): дис. ... канд. филол. наук / Н.А. Пелевина. – Ставрополь, 2020. – 197 с.

66. Полякова, Е.В. Лакунарность этических концептов в английской и русской национальных концептосферах / Е.В. Полякова // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. – Таганрог: Изд-во Таганрогского института имени А.П. Чехова, 2010. – № 2. – С. 102-107.

67. Попова, З.Д. Лексическая система языка / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: ВГУ, 1984. – 149 с.

68. Протасова, Е.Ю. Письменные тексты билингвов / Е.Ю. Протасова // Вестник Череповецкого государственного университета. – Череповец: Изд-во Череповецкого государственного университета, 2014. – № 3 (56). – С. 115-119.

69. Розенцвейг, В.Ю. Языковые контакты: лингвистическая проблематика / В.Ю. Розенцвейг. – Л.: Наука, 1972. – 80 с.

70. Россетти, Л. Смешанный язык и смешение языков / Л. Россетти // Новое в лингвистике / отв. ред. В.Ю. Розенцвейг. – М.: Изд-во «Прогресс», 1972. – Вып. VI. – С. 112–129.

71. Рыбаков, М.А. Развитие представлений о типологическом сходстве языков: от многомерной классификации Э. Сепира до системной типологии Г.П. Мельникова / М.А. Рыбаков // Системный взгляд как основа филологической мысли. – М.: Изд-во «Издательский Дом „ЯСК“», 2016. – С. 17-130.

72. Семенюк, Н.Н. Языковая норма / Н.Н. Семенюк // Большой энциклопедический словарь: языкознание / отв. ред. В.Н. Ярцева. – М: Большая российская энциклопедия, 1998. – С. 237-238.

73. Соколова, Т.С. Фольклорная версия языковой картины мира / Т.С. Соколова // Вестник Тамбовского государственного университета. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2009. – № 11. – С. 199-203.

74. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр / пер. с франц. С.В. Чистяковой / отв. ред. проф. М.Э. Рут. – Екатеринбург: Изд-во УР, 1999. – 432 с.

75. Сусов, И.П. Введение в языкознание: учебник для студентов лингвистических и филологических специальностей / И.П. Сусов. – М.: АСТ: Восток–Запад, 2007. – 379 с.

76. Таривердиева, М.А. Средневековая латынь: искусственный конструкт или «живой» язык? / М.А. Таривердиева // Индоевропейское языкознание и классическая филология. – СПб.: ФГБУН ИЛИ РАН, 2008. – Т. XII. – С. 409-413.

77. Таскаева, Е.Б. Билингвизм сквозь призму философской рефлексии / Е.Б. Таскаева // Идеи и идеалы. – Новосибирск: Изд-во НГУЭУ, 2018. – № 3 (37). – С. 171-181.

78. Томсон, Г.В. Комплексный подход в сопоставительном изучении / Г.В. Томсон // Вопросы языковых контактов и сопоставительное изучение языков / отв. ред.ы Г.С. Романова, Г.Г. Тяпко. – М.: Б.и., 1992. – С. 113-119.

79. Трещева, Н.В. Типологические особенности заимствованных языковых единиц (на материале английских заимствований в канадском варианте французского языка): дис. ... канд. филол. наук / Н.В. Трещева. – Белгород, 2007. – 160 с.

80. Финкель, А.М. Об автопереводе (на материале авторских переводов Г.Ф. Квитки-Основьяненко) / А.М. Финкель // Теория и критика перевода / отв. ред. проф. Б.А. Ларин. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1962. – С. 104-125.

81. Фролов, В.И. Автоперевод романа В.В. Набокова «Лолита» / В.И. Фролова // Вестник Московского государственного лингвистического уни-

верситета. Общественные науки. – Изд-во МГЛУ, 2016. – № 10 (749). – С. 38-49.

82. Хауген, Э. Языковой контакт / Э. Хауген // Новое в лингвистике. – М.: Изд-во «Прогресс», 1972. – Вып. VI. – С. 61–80.

83. Хашимов, Р.И. Интерференция и ее единицы / Р.И. Хашимов // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. — Чебоксары: Изд-во ЧГПУ им. И.Я. Яковлева, 2003. — № 4 (38). — С. 86-92.

84. Хомякова, Е.Г. Информационная-когнитивная система и ее актуализация в языке / Е.Г. Хомякова // Коммуникация и образование / Отв. ред. проф. С.И. Дудника. – СПб: Изд-во «Санкт-Петербургское философское общество», 2004. – С. 180-197.

85. Щеглова, И.В. Билингвизм – понятие с интерпретационной активностью / И.В. Щеглова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Изд-во «Грамота», 2017. – № 9-2 (75). — С. 183-186.

86. Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба. – 2-е изд., стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 432 с.

87. Acevedo, E. The Poet X / E. Acevedo. – New York: Harper Collins Publishers (Harper Collins Children's Books), 2018. – 368 p.

88. Adi-Japha, E. Cognitive flexibility in drawings of bilingual children / E. Adi-Japha, J. Berberich-Artzi, A. Libnawi, A. //Child Development. – New Jersey: John Wiley & Sons, 2010. – Vol. 81, no. 5. – Pp. 1356-1366.

89. Ansaldo, A. Language therapy and bilingual aphasia: Clinical Implications of psycho-linguistic and neuroimaging research / A.I. Ansaldo, K. Marcotte, L. Scherer, G. Raboyeau // Journal of Neurolinguistics. – Oxford: Elsevier, 2008. – Vol. 21, no. 6. – Pp. 539-557.

90. Ardila, A. *Spanglish*: an anglicized Spanish dialect / A. Ardila // Hispanic Journal of Behavioral Sciences. – SAGE Publications, 2005. – Vol. 27, no. 1. – Pp. 60-81.

91. Arias, R. Code-switching in a Spanish-English bilingual child: a communication resource / R. Arias, U. Lakshmanan // Proceedings of the 4th International Symposium on Bilingualism. – Somerville: Cascadilla Press, 2005. – Pp. 94-109.
92. Aronin, L. What is multilingualism? // Twelve lectures on multilingualism / L. Aronin, D. Singleton (eds.). – Bristol: Multilingual Matters, 2019. – Pp. 3-34.
93. Bach, K. Linguistic communication and speech acts / K. Bach, R.M. Harnish. – Cambridge: Mass.: MIT, 1979. – 327 p.
94. Busmann, H. Routledge dictionary of language and linguistics / H. Busmann. – London and New York: Taylor & Francis e-Library, 2006. – 1303 p.
95. Cañas, A. *Spanglish: the third way* / A. Cañas // Bulletin of Hokuriku University. – Hokuriku: Hokuriku University Press, 2001. – Vol. 25. – Pp. 209-218.
96. Carter, R. Talking, creating: interactional language, creativity and context / R. Carter, M. McCarthy // Applied Linguistics. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – Vol. 25, no. 1. – Pp. 62-88.
97. CVC. Centro Virtual Cervantes [Электронный ресурс]. – <https://cvc.cervantes.es>
98. Derrick, R.A. Code-switching, code-mixing and radical bilingualism in U.S. Latino texts: PhD dissertation / R.A. Derrick. – Wane, 2015. – 195 p.
99. Diccionario de uso del español actual Clave. — Madrid: SM, 2006.
100. Dorfman, A. Konfidenz (English language edition) / A. Dorfman. – New York: Vintage International, 1996. – 192 p.
101. Dorfman, A. Konfidenz / A. Dorfman. – Buenos Aires: Planeta Biblioteca del Sur, 1994. – 176 p.
102. Edwards, J. Foundations of bilingualism / J. Edwards // The handbook of bilingualism / T.K. Bhatia, W.C. Ritchie (eds.). — Oxford: Blackwell, 2006. — Pp. 7-31.

103. Falicov, T. Film funding opportunities for Latin American filmmakers: a case for further North-South collaboration in training and film festival initiatives / T. Falicov // *A companion to Latin American cinema* / Maria M. Delgado, Stephen M. Hart, R. Johnson (eds.). – New Jersey: Wiley-Blackwell, 2017. – Pp. 85-98.
104. Fishman, J.A. Domains and the relationship between micro- and macrosociolinguistics / J.A. Fishman // *Directions in sociolinguistics. The ethnography of communication* / J. Gumperz, Dell Hymes (eds.). – New Jersey: Wiley-Blackwell, 1991. – Pp. 435-453.
105. Franco, J.-C. Baby-steps towards building a *Spanglish* language model / J.-C. Franco, T. Solorio // *Computational linguistics and intelligent text processing*. – Springer, 2007. – Pp. 75-84.
106. Grosjean, F. *Bilingual: life and reality* / F. Grosjean. – Harvard: Harvard University Press, 2012. – 304 c.
107. Grosjean, F. *Bilingualism: a short introduction* / F. Grosjean, P. Li // *Psycholinguistics of Bilingualism* / F. Grosjean, P. Li. (eds.). – New Jersey: Wiley-Blackwell, 2013. – P. 5-21.
108. Mayordomo, Raquel. *Interferencias lingüísticas entre el español y el inglés desde una perspectiva práctica: TFM* / R. Mayordomo. – Valladolid, 2013. – 111 p.
109. Han, L. *A Review of the major varieties of English language* / L. Han // *International Education Studies*. – Toronto: Canadian Center of Science and Education, 2019. – Vol 12, no 2. – Pp. 93-99.
110. Haugen, E. *The Norwegian language in America: a study of bilingual behavior* / E. Haugen. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1953. – 384 p.
111. Heller, M. *The commodification of language* / M. Heller // *Annual Review of Anthropology*. – San Mateo: Annual Reviews, 2010. – Vol. 39. – Pp. 101-114.

112. Inglés para la competitividad y la movilidad social / URL: <https://yadi.sk/i/Qd7m6YeRDPgSQQ> (дата обращения: 07.11.2019).
113. Jenkins, J. English as a lingua franca: interpretations and attitudes / J. Jenkins // *World Englishes*. – New Jersey: John Wiley & Sons, 2009. – Vol. 28, no. 2. – Pp. 200-207.
114. Jenkins, J. Review of developments in research into English as a lingua franca / J. Jenkins, A. Cogo, M. Dewey // *Language Teaching*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2011. – Vol. 44, no 3. – Pp. 281– 315.
115. Kim, Ji Young. L1-L2 phonetic interference in the production of Spanish heritage speakers in the US / Ji Young Kim // *The Korean Journal of Hispanic Studies*. – Institute of Hispanic Studies Press. – No. 4. – Pp. 1-28.
116. Johnstone, P. United States of America / P. Johnstone, J. Mandryk // *Operation World 2001*. — London: Paternoster Publishing, 2001. — 798 p.
117. Kachru, B. The bilinguals' creativity / B. Kachru // *Annual Review of Applied Linguistics*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985. – No. 24. – Pp. 20–33.
118. Kachru, B.B. Standards, codification and sociolinguistic realism: the English language in the outer circle / B.B. Kachru // *World Englishes: critical concepts in linguistics* / K. Bolton, B. B. Kachru (eds.). – London and New York: Routledge, 2006. – Vol. 3. – Pp. 241-269.
119. Kharkhurin, A. The role of code-switching in bilingual creativity / A. Kharkhurin, Li Wei // *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. – London: Taylor & Francis Online, 2014. – Vol. 18, no 7. – Pp. 153-169.
120. Labov, W. Principles of Linguistic Change. I: Internal Factors / W. Labov. – Oxford: WileyBlackwell, 1994. – 641 p.
121. Labov, W. Principles of linguistic change. II: social factors / W. Labov. – Oxford: WileyBlackwell, 2001. – 592 p.
122. Labov, W. Principles of linguistic change. III: cognitive and cultural factors / W. Labov. – Oxford: WileyBlackwell, 2010. – 419 p.

123. Lakoff, G. *Metaphors we live by* / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 242 p.
124. *Language Use and English-Speaking Ability: 2000. Census 2000 Brief* // ERIC. – URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED482418.pdf> (дата обращения: 03.05.2020).
125. Lipski, J.M. *Linguistic aspects of Spanish-English language switching* / J.M. Lipski. – Arizona: Arizona State Univ. Center for Latin, 1985. – 92 p.
126. Louhiala-Salminen, L. *English as a lingua franca in Nordic corporate mergers: two case companies* / L. Louhiala-Salminen, M. Charles, A. Kankaanranta // *English for Specific Purposes*. – Oxford: Elsevier, 2005. – No. 24. – Pp. 401-421.
127. Luk, G. *Who are the bilinguals (and monolinguals)?* / G. Luk // *Bilingualism: Language and Cognition*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2015. – Vol. 18, no. 1. – Pp. 35-36.
128. Mackey, W. *The description of bilingualism* / W. Mackey // *The bilingualism reader* / L. Weir (eds.). — New York: Routledge, 2000. — Pp. 22-50.
129. MacSwan, J. *The architecture of the bilingual language faculty: Evidence from code-switching* / J. MacSwan // *Bilingualism: Language and Cognition*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – Vol. 3, no 1. – Pp. 37-54.
130. Mahootian, S. *The pragmatics of code-switching: a sequential approach* / S. Mahootian // *Language & Linguistics* / K. Brwn (eds.). – Oxford: Elsevier, 2006. – Pp. 511–527.
131. Martinet, A. *Éléments de linguistique générale* / A. Martinet. – Paris: A. Colin, 1980. – 224 p.
132. Matsumoto, D. *The Cambridge Dictionary of Psychology* / D. Matsumoto. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 608 p.
133. Maybin, J., Swann, J. *Everyday Creativity in Language: Textuality, Contextuality, and Critique* // *Applied Linguistics*. 2007. № 28 (4). Pp. 497–517.

134. Mayordomo, Raquel. Interferencias lingüísticas entre el español y el inglés desde una perspectiva práctica: TFM / R. Mayordomo. – Valladolid, 2013. – 56 p.
135. McDowell, L. Error analysis: a methodological exploration and application / L. McDowell // Teacher efficacy, learner agency / P. Clements, A. Krause, R. Gentry (eds.). – Tokyo: JAL, 2020. – Pp. 461-471.
136. Mescaninov, I.I. Das neue in der Sprachwissenschaft / I.I. Mescaninov // Sowjet-Literatur. 1946, II. – S. 126-135.
137. Milroy, J. Variability, language change, and the history of English / J. Milroy // Institutional Journal of English Studies. – Murcia: University of Murcia Press, 2005. – Vol. 5, no. 1. – Pp. 1-11.
138. Muysken, P. The pragmatics of code-switching: a sequential approach / P. Muysken // One Speaker, Two Languages / ed. by L. Milroy, P. Muysken. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – Pp. 115-135.
139. Myers-Scotton, C. Testing a model of morpheme classification with language contact data / C. Myers-Scotton, J.L. Jake // International Journal of Bilingualism. – London: Kingston Press, 2000. – Vol. 4, no. 1. – Pp. 1-8.
140. Nevalainen, T. The dynamics of linguistic variation: corpus evidence on English past and present (studies in language variation 2) / T. Nevalainen, I. Taavitsainen, P. Pahta, M. Korhonen. – Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins, 2008. – 339 p.
141. Newmark, P. Approaches to translation / P. Newmark. — Oxford: Pergamon Press, 1981. — 200 p.
142. Parab, V.V. Problems of language variation and grammatical changes & in English / V.V. Parab // International Journal of Novel Research in Humanity and Social Sciences. – Lucknow: Novelty Journals, 2015. – Vol. 2, No. 3. – Pp. 92-97.
143. Pennycook, A. Global Englishes and transcultural flows / A. Pennycook. – London: Routledge, 2007. – 189 p.

144. Phillipson, R. Figuring out the Englishisation of Europe / R. Phillipson // Reconfiguring Europe: The contribution of applied linguistics / ed. by C. Leung, J. Jenkins. – London: Equinox, 2006. – Pp. 65-85.
145. Plutnarová, P. *Spanglish*: MA dissertation / P. Plutnarová. – Praha, 2007.
146. Poplack, S. Sometimes I'll start a sentence in English y TERMINO EN ESPAÑOL: toward a typology of code-switching¹ / S. Poplack // Linguistics. De Gruyter. – 1980. – Vol. 18, no. 7-8. – Pp. 581-618.
147. Ray, B. *Style: An introduction to history, theory, research, and pedagogy*. Parlor Press, 2015. – 264 p.
148. Richards, J.C. *Longman dictionary of language teaching and applied linguistics* / J.C. Richards. – New York: Routledge, 2010. – 656 p.
149. Rothman, J. *A linguistic analysis of Spanglish: relating language to identity* / J. Rothman,
150. A.B. Rell // *Linguistics and the Human Sciences*. – Sheffield: Equinox Publishing. – 2005. – Vol. 1(3). – Pp. 515-536.
151. Savans, I. *Spanglish: the making of a new American language* / I. Savans. – New York: Harper Perennial, 2003. – 288 p.
152. Sebranek, P. *A student handbook for writing and learning* / P. Sebranek, D. Kemper, V. Meyer. – Wilmington: Houghton Mifflin Company, 2006. – 630 p.
153. Seidlhofer, B. *Closing a conceptual gap: the case for a description of English as a lingua franca* / B. Seidlhofer // *International Journal of Applied Linguistics*. – New Jersey: John Wiley & Sons, 2001. – Vol. 11 (2). – Pp. 133-158.
154. Seidlhofer, B. *Research perspectives on teaching English as a lingua franca* / B. Seidlhofer // *Annual Review of Applied Linguistics*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – No. 24. – Pp. 209-239.
155. Simon, P. *The Capeman* / P. Simon, D. Walcott. Lyrics. 1964-2008. – Simon & Schuster. – New York, London, Toronto, Sydney, 2008. – Pp. 233-318.

156. Strunk, W. *The elements of style* / W. Strunk, E.B. White. – New York: Macmillan Publishing Co., 1979. – 85 p.
157. Surrain, S. *Describing bilinguals: a systematic review of labels and descriptions used in the literature between 2005–2015* / S. Surrain, G. Luk // *Bilingualism: Language and Cognition*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2019. – № 22 (2). — Pp. 401-415.
158. Titone, R. *Le bilinguisme précoce* / R. Titone. — Bruxelles: Charles Dessart, 1972. — 479 p.
159. Wolfram, D. *American English: dialects and variation* / D. Wolfram, N. Schilling-Estes. – Malden: Blackwell, 2006. – 452 p.
160. Zafón, C. Ruíz. *La sombra del viento* / C. Ruíz Zafón. — Barcelona: Planeta, 2005. – 478 p.
161. Zafón, C. Ruíz. *The Shadow of the Wind* / C. Ruíz Zafón. — London: Phoenix, 2004. – 487 p.